

МИРВОРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ №6

МИРВОРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ №6

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МИРВОРИ

ИЗРАИЛЬ, 2009

**Юно
Семенов**
(1899-1961)

**Беньямин
Сафанов**
(1829-1986)

*Этот выпуск альманаха посвящается
110-летию со дня рождения
драматурга Юно Семенова
и 80-летию со дня рождения
поэта Беньямина Сафанова*

«МИРВОРИ»

Литературно-публицистический альманах
Издаётся с июля 2006 года
Выпуск № 6, 2009 год

מירורי

אלמנך ספרותי-פובליציסטי

יוצא לאור פעמיים בשנה מיולי 2006
מהדורה 6, שנת 2009

אורך ראשי וניהול הפרויקט : יהונתן מישייב
עריכה לשונית והגעה (רוסית) : מרגריטה קוזקוב
עריכה לשונית והגעה (ז'אואורית) : של המחברים
עיצוב ועימוד : אלדר אלייב
איורים : שימחה אשורוב

אושר להדפסה : 30.12.2009
פורמט : חצי שמינית
הדפסת אופסט : 1/16 70x100
נייר : אופסט ני"ע 110 גר'
פונט : Times New
גיליונות : 12,9

בית ההוצאה "מירורי"
מערכת : רח. ברנר 10, נתניה
כתובת למכתבים : ת.ד. 359, נתניה, 42441
טל : 09-8840855, 09-8870811 ; פל : 054-7766822
מייל : mirvori@mail.ru, joni-m@013.net

«Мирвори»: литературно-публицистический альманах: стихи, проза, публицистика на русском, горско-еврейском и азербайджанском языках / Гл. ред. Й. Мишиев; [худож. С.Ашуров] – Израиль: издательский дом «Мирвори», 2009. – 160 с.:ил.

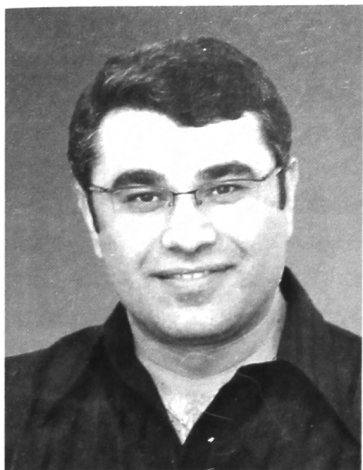
ISSN 1565-8228

Литературно-публицистический альманах «Мирвори» является на сегодняшний день единственным в мире изданием подобного рода. В нем публикуются произведения современных поэтов и писателей, выходцев с Кавказа, проживающих ныне в Израиле, США и России.

В шестой выпуск литературно-публицистического альманаха «Мирвори» вошли произведения 32-х как известных, так и начинающих свой путь и публикующихся впервые авторов на русском и горско-еврейском языках.

ISSN 1565-8228

© Издательский дом «Мирвори», 2009

Дорогие друзья!

Готовя к выпуску каждый очередной альманах «Мирвори», мы ищем, экспериментируем, пытаемся найти что-то новое, но и не потерять удачные находки предыдущих номеров.

Хорошей традицией стало посвящать каждый выпуск памяти одной или нескольких из известных творческих личностей. Так «Мирвори» №6 мы посвящаем 110-летию поэта и драматурга Юно Семёнова и 80-летию поэта Бенъямина Сафанова. На страницах альманаха читатель найдёт и произведения этих авторов, и краткую

биографическую справку о них. А в дальнейших выпусках мы планируем давать более полный материал о тех литераторах, кому они будут посвящаться.

Наши постоянные читатели, конечно, заметят, что произошли некоторые изменения в оформлении страниц, начинающих каждый раздел. Меньше места на них теперь занимает текст, а основное пространство отдано, уже также ставшим традиционными, гравюрам Симхи Ашурова. Думаю, что от этого внутренний дизайн книги только выиграл.

Новым для наших читателей будет раздел драматургии, впервые включённый нами в альманах. Открывает этот раздел очень интересная радио-пьеса В. Фараджева. А в дальнейшем мы планируем публиковать в этом разделе пьесы горско-еврейских драматургов, которые когда-либо писались ими на джуури и русском языке для театра. Многие из этих пьес сегодня недоступны для широкой читательской аудитории, т. к. их тексты в единственных экземплярах находятся в хранилищах различных фондов, библиотек и частных коллекций. И мы задались целью по мере нахождения давать этим пьесам на страницах альманаха новую жизнь.

Исходя из вышесказанного, становится понятно, что альманах со временем немного меняет свою направленность. В дальнейших выпусках мы, как и прежде, большую их часть будем посвящать творчеству современных авторов, но вместе с тем несколько расширим объём произведений прошлых лет, являющихся классикой нашей литературы.

Что касается творчества наших современников, то мне очень отраднo констатировать тот факт, что альманах выполнил и продолжает выполнять своё изначальное предназначение – дать трибуну нашим талантам, познакомить с их творчеством как можно большее количество читателей, живущих в разных странах мира. Очень горжусь тем, что уже немало поэтов и писателей из числа наших авторов становятся сегодня всё более и более популярными.

И, опять же, по традиции, не могу в своей вступительной статье не коснуться вопроса, связанного с горско-еврейским языком. Уже неоднократно в прессе появлялись статьи на тему «вымирания» многих еврейских языков, в числе которых упоминался и джуури. Не хочется мириться с этим, не хочется сдаваться без боя.

Конечно, мы сегодня не можем, как в своё время «Ватан Советиму», выходить полностью на горско-еврейском языке, да этого и не нужно делать, поскольку всё меньше и меньше как среди читателей, так и среди писателей остаётся знатоков родного языка. Но отказываться от него вообще мы не только не собираемся, но и никогда этого не сделаем. Произведения на горско-еврейском языке являются неотъемлемой частью нашего альманаха, его гордостью.

А поскольку как среди писателей, так и среди читателей никак не утихнет спор о том, какой алфавит для нашего языка лучше «дербентский» или «кубинский», мы будем, как и прежде, публиковать на страницах «Мирвори» произведения, написанные и «кубинским», и «дербентским» алфавитом.

Эти алфавиты очень похожи. Оба они созданы на основе кириллицы. Но кириллица – алфавит, предназначенный для славянских языков, в ней нет и не может быть букв для обозначения некоторых звуков горско-еврейского языка. Вот здесь-то и начинается та проблема, которая, собственно, и служит причиной споров. Всё дело в начертании нескольких букв, которыми отличаются друг от друга «кубинский» и «дербентский» алфавиты.

Нельзя не отметить тот факт, что уже неоднократно мы встречали печатные издания, в которых эти спорные буквы просто игнорируются, и «народные умельцы» умудряются писать на родном языке чистой кириллицей. Получается неграмотно, а в некоторых случаях остаётся только догадываться, какое слово автор текста имел в виду. По этой причине мы считаем данные «упрощения» неудобными для чтения.

Для того чтобы читатели альманаха смогли без особого труда познакомиться со всеми произведениями на горско-еврейском языке, которые они здесь найдут, мы, как и предыдущих номерах, приведём список спорных букв и объясним, как они употребляются.

Внимательно ознакомьтесь с таблицей и читайте себе на здоровье!

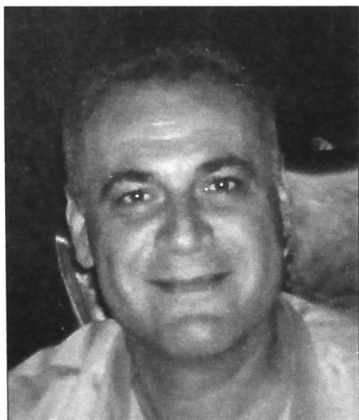
*Йонатан МИШИЕВ,
директор издательского дома «Мирвори»,
главный редактор «Кавказской газеты»*

«Кубинская» буква	«Дербентская» буква	Пример употребления
э	е или э	мэрд – мерд или эз – эз
ү	уь	мүнүк – муьнуьк
к	г	кэшдэ – гешде
һ	гь	һэр – гьер
г	гь	Губэ – Гьубе
һ	гІ	һэзизи – гІэзизи
һ	хь	һофт – хьофд
ч	ж	чуһур – жугьур

ПРОЗА

на русском языке

АСАИЛОВ Шарон

О себе

*Я о себе ничего не скажу -
Ни хорошего, и ни плохого...
И о других никогда не сужу,
Чтоб не судимым быть Богом...*

Здравствуйте, дорогие друзья!

Я – Аса (Асаилов) Шарон. Родился в г. Баку. Образование: экономиста торговли и общественного питания, управление. В настоящее время работаю в сфере неформального и специального образования. В Израиле с 1991 года. Живу в г. Нетания. Женат, отец четверых сыновей.

Моя первая проба пера – абсолютная случайность. Произошло это несколько лет назад на одном из форумов известного международного сайта бакинцев baki.ru. Это была стихотворная «перепалка-игра», в которой надо было почти мгновенно ответить стихами на «выпад-стихи» соперника. Вот так я и обнаружил в себе скрытый «талант»...

С некоторыми моими «нетленками» вы можете познакомиться на том же сайте в моём личном журнале (titanic.users.baku.ru), а так же в нескольких прошлых (надеюсь, что и будущих) номерах «Кавказской газеты» и в альманахах «Мирвори».

РОСКОШНАЯ ЖЕНЩИНА

Вчера увидел Её на улице и остановился. Встал, как вкопанный: вся Она с головы до пят, нисколько в этом не сомневаюсь, само совершенство, недоступная роскошь. Описать Её божественную красоту – выше моего умения. Я просто не знаю таких слов.

Моё поведение не осталось незамеченным: Она чуть смущённо улыбнулась, слегка замедлила при этом шаг, таким образом доставляя мне удовольствие подольше созерцать Её. Или, может, Она наслаждалась собственным величием в глазах незнакомого мужчины? Не знаю...

Сегодня утром вновь встретил Её почти на том же месте и почти в то же время. Она величественно парила над асфальтом. На этот раз я смог взять себя в руки и не остановиться, но, похоже, взгляд мой выдал меня... И вновь эта убийственная улыбка, но уже с лёгким кивком головы. Молча поздоровались и разошлись.

Завтра мне не нужно быть в том районе, но я всё равно пойду... Понимаю, что поступаю глупо и неправильно, но...

Тоже мне – ценитель женской красоты, не умеющий воспроизвести её словами.

* * *

Бывают иногда истории с продолжением...

Есть такой замечательный праздник – Рош а-Шана, еврейский Новый Год. Давай, думаю, порадую своих близких новой парфюмерией. Захожу в торговый центр, в отдел косметики и парфюмерии, парфюмы разные на полках рассматриваю.

Слышу вдруг за спиной лирическое сопрано:
- Разрешите предложить вам помощь.

Оборачиваюсь на голос и...

У вас когда-нибудь темнело в глазах от ослепительной красоты? В горах бывает обманчивое ощущение близости объекта, искажённое определение расстояния: кажется, что вот она,

рукой подать, но всё идёшь и идёшь, а вершина, как была недоступна, таковой и осталась.

Оказалось, что моя «недоступная роскошь» работает именно там, где красота сливается с красотой, и от этого слияния становится ещё благороднее!

- Сделайте милость, – согласился я.

Правда, не уверен, услышала ли Она меня, потому как я и сам себя не слышал, а Она залилась краской и беспомощно моргала своими длиннющими ресницами, словно опахалами. Узнала!

В голове начинало проясняться. Она быстро справилась со смущением и с уверенностью профессионала принялась рассказывать мне о достоинствах тех или иных духов. Я почти не слушал, так как был занят осмотром достопримечательностей. Вот что я успел осмотреть:

Волосы – морская волна в полосе рассвета при лёгком бризе.

Лоб высокий – свидетельство ума.

Брови – высочайшей крутизны тонкие дуги удивления и кокетства.

Ресницы – два трамплина, смертельно опасных для жизни: один – в рай, другой – в ад.

Глаза – прозрачная синева бездонного океана, уносящая в свою бездну незадачливого пловца.

Нос – пестик райского цветка.

Щёки – нежнейший бархат персика.

Губы – алое пульсирующее сердце, с лёгким налётом младенческой обиды.

Подбородок – цветоложе, над которым помпезно восседают губы-сердце.

Шея – цветоножка, сливающаяся с цветоложем, с помпезно восседающими на нём губами-сердцем.

Всё, что дальше, – было скрыто под одеждой... к сожалению.

Я купил всё, что было рекомендовано этой, не моей, красоткой и только дома смог разобраться с тем, кому и что купил.

Теперь тот магазин я обхожу стороной... Временно.

* * *

Мы с Ней встретились вновь! Всё в том же «Парфюмерном Раю», но только не наяву, а во сне. Она сидела под Древом Благоухания, а я...

Я был змием-искусителем. Я сорвал с Древа Благоухания флакон духов под названием «Запретный плод» и преподнёс Ей в коленопреклонном поклоне.

И приняло Её Роскошество флакон сей, поднесло к лицу своему ангельскому, осторожно вдохнуло, дабы обонянием Своим познать тайну греховного аромата. И познала Она стыд. После чего, прикрывшись фиговым листом, сорванным с соседнего дерева, изгнала меня из «Парфюмерного Рая»... в явь.

После увиденного сна, я предпринял реальную попытку пригласить мою Роскошную Женщину на свидание. После долгого и мучительного кружения вокруг «Парфюмерного Рая» я всё же решил войти в магазин.

Сознание начал терять прямо на пороге. От глубоко засевшего в моей памя-

ти Её пьянящего запаха, который словно вихрь носился в воздухе, подавляя собой все остальные, мутился разум.

Моему одурманенному взору предстало самое настоящее чудо, недоступное человеку, не опьянённому дурманом любви: запахи самых благородных и дорогих духов, созданных лучшими парфюмёрами мира, пали ниц перед запахом Её Роскошества!!!

Что было дальше, не помню, но когда начал приходить в сознание и постепенно открыл глаза, первым, что увидел – было Её лицо. Она узнала меня. Именно Она привела меня в чувства, не позволив сделать это никому другому.

- С Вами всё в порядке? Вам уже лучше? – дрожащим голосом спросило Её Роскошество.

- Как Вас зовут?

- Лилит...

Ещё не вполне соображая, я вдруг отреагировал непонятной рифмованной абракадаброй, словно во мне внезапно проснулся дремавший доселе поэтический бес:

О, Женщина! Зло в имени твоём
Сравнимо только с горьким миндалём.
Сию я горечь подслащу вином,
Во сне забудусь сладком и хмельном!

И сразу вслед за этим выпалил:

- Разрешите пригласить Вас на свидание?

О Боже! Как горько разочаровал меня Её ответ:

- Терпеть не могу поэтов, тем более – страдающих падучей!

Эх... Видно, не судьба...

ПЕРЕВЁРНУТАЯ ТЕНЬ

Где начинается тень, отражающаяся от идущего человека? В ногах, скажете вы. Наблюдение верное, но спорное.

В послеполуденный час, одного из тёплых и солнечных дней апреля, по известной улице известного города, прогуливался весьма примечательной наружности господин средних лет. Одежда этого человека заслуживает отдельного описания: красные лакированные сапоги, которые резко контрастировали с ярко-жёлтыми галифе; поверх оранжевой шёлковой сорочки – бледно-зелёный жилет и красный фрак. Довершали картину розовый в белую крапинку галстук-бабочка и красная шляпа-цилиндр, увеличивающая и без того внушительный рост этого франта. В правой руке он держал трость из красного дерева, инкрустированную слоновой костью, а в левой – невероятных размеров сигару.

На благородном и мужественном лице господина блеснули озорные, жгуче-чёрные глаза, чёрные же, закрученные кверху усы, из-под которых хитро ухмылялись тонкие губы.

Многочисленные прохожие, которых хорошая погода выманила на улицу, обратили, однако, внимание не только на пёструю внешность этого человека, но ещё на некую странность: исходящая от него тень начиналась не в ногах. Его тень была перевернута вверх ногами (как если бы вы приставили к своей макушке зеркало и увидели бы себя вверх тормашками) и скользила головой по асфальту, предоставив ногам плыть по воздуху.

Вдруг к господину, опережая яростную трель своего свистка, подбежал полицейский:

- Что вы себе такое позволяете?! – возмутился страж порядка. – Немедленно поставьте свою тень на ноги!

- Не могу, – развёл руками обладатель перевернутой тени. – Она у меня сама по себе. Попробуйте сами с ней договориться.

- Немедленно встать на ноги! – повторил своё требование полицейский, на этот раз глядя на асфальт.

Вдруг тень, согнув колени, сильно оттолкнулась от невидимой опоры и, перевернувшись, приняла правильное положение.

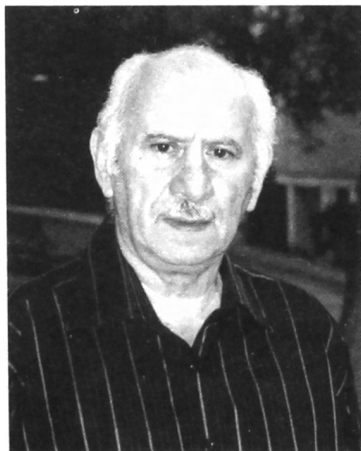
- Вот и порядок! – обрадовался человек в мундире. – А вы говорили, что она сама по себе. Негоже это, чтобы тень не подчинялась своему хозяину. Так, ведь она захочет ещё и человеком понукать и, чего доброго, кого-нибудь унижить или оскорбить!

Неожиданно полицейский почувствовал себя неуютно: у него закружилась голова и стали подкашиваться ноги. Виной тому была ...тень. Вот только непонятно – своя или чужая.

А произошло следующее: тень странного господина, отступив на шаг от своего хозяина, подошла к тени полицейского и... сильно боднула её в лицо. От удара и испуга тень полицейского отпрыгнула назад, схватилась за нос и пустилась наутёк. Полицейский, увидев, что лишился собственной тени, на полусогнутых ногах пустился в погоню за беглянкой. Свисток при этом почему-то находился во рту у его тени.

Толпа зевак, образовавшаяся во время инцидента, разразилась смехом и аплодисментами. А тень франтоватого господина, сняв с головы цилиндр, поклонилась толпе и... взяв своего хозяина под руку, повела его прочь.

АШУРОВ Симха

Родился в 1941 году в Дербенте. Профессиональный художник. Окончил Московское художественное училище им. Калинина (1963), Московский полиграфический институт (1969). Член Союза художников СССР (1973).

Репатриировался в Израиль в 1992 году, с 1993 - член Союза художников Израйля, председатель Союза художников, выходцев с Кавказа в Израиле.

Много лет является постоянным автором «Кавказской газеты», его перу принадлежат очерки о художниках, скульпторах, графиках.

Предлагаем вниманию читателей небольшую часть из серии его зарисовок-размышлений, в которых художник рисует, но уже не красками, а словами очень узнаваемые картины нашего бытия.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Мы небом голубым обвенчаны с тобой.
Моря и реки могут рассказать,
как глубока моя привязанность к тебе.
Свидетели они тому...
Планеты помогали нам и звезды.
О том, что стали мы единою семьёй,
проказник-ветер слух разнёс по белу свету,
Всем рассказал, как счастливы
и как безумно рады мы сейчас.
Тепло своё даёт нам солнца луч,
Уверенность и стойкость – горные вершины.
А мать-земля, родившая для долгой жизни нас,
даёт святое нам своё благословенье.
То добрый знак надежды,
и потому кружится голова...
Как безгранично дорога ты мне –
об этом знаю только я...
И ты.

Сова заметила в кустах
заблудившуюся маленькую птичку.
- Ты зря выбрала меня, –
сказала неожиданно та, –
я не придусь тебе по вкусу.
Да и весу во мне нет никакого!
Меня не хватит даже на закуску...
- Нужно отдать должное твоей правоте,
милая пташка!
Но не стоит беспокоиться!
Не волнуйся!
Не волнуйся... за меня!
Я не останусь голодна!
Ты ведь в моём рационе не одна!

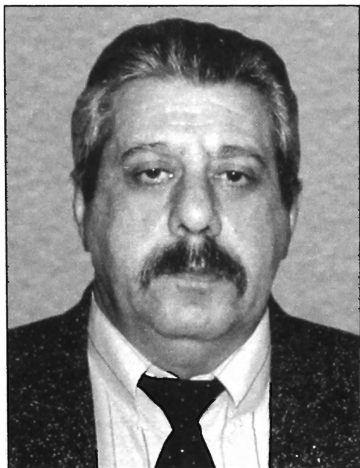
МАМА

Как давно это было...
Я нежно называл тебя «мамой».
Прошли годы,
а я всё чаще вспоминаю,
как когда-то очень нежно,
с любовью называл тебя «мамой».
Где ж взять мне твоего тепла,
которого теперь так не хватает?
Как давно это было...
Остались одни воспоминания.
Твои милые и нежные черты
приходят ко мне во сне.
А, значит, только во сне
я тихо и трепетно
могу вновь назвать тебя «мамой»...
Такая боль на сердце у меня,
которой не угаснуть никогда.

СКОРЬБЬ

Прошло уж десять лет,
как не бывало...
Холодная гранитная плита –
наш памятник тебе
стоит безжалостной незыблемой стеной.
Портрет на ней я высек сам:
безмолвно смотришь ты
с едва заметною, загадочной улыбкой
и с лёгкою печалью на лице,
как будто взглядом провожаешь
людей, случайно проходивших мимо,
и нас – всех тех, мой брат,
кому ты вечно будешь дорог на земле.

ЕЛИЗАРОВ
Михаил

Родился в 1949 году в г. Грозный, где и прожил до самой репатриации в Израиль.

Окончил Красноярский техникум бытового обслуживания по специальности модельер-закройщик и факультет военной журналистики в Высшей партийной школе в Москве.

В 1993 г. репатриировался с семьёй в Израиль. Живёт в г. Ор-Акива.

Многие годы собирает материалы по истории города Грозный и истории горско-еврейской общины Грозного. Готовит к публикации книгу.

С 2001 года постоянный автор и член редколлегии «Кавказской газеты». С 2005 года член Союза писателей, выходцев с Кавказа.

В 2007 году в издательском доме «Мирвори» вышла его первая книга «Исповедь беженца».

ДА ОДАРИТ ГОСПОДЬ ЭТОТ ДОМ МУЖСКИМ ПОТОМСТВОМ!

Было далеко за полночь. Стояла светлая весенняя ночь, на небе сверкали крупные звёзды, и полная луна ярко освещала горско-еврейскую слободку.

Высокая просторная комната, украшенная дорогими коврами и портретами предков, освещалась висючей лампой под модным красным абажуром. На кровати лежит молодая беременная женщина и тихо стонет: «Ой, Худо,¹ помоги мне». Это красавица Молко – жена Соломона, сноха Шавадие, но сейчас лицо её осунулось и посерело, и она беспомощно оглядывается по сторонам, ища помощи.

– Эй, – говорит она мужу (обычай не велит называть его по имени), – эй, слышишь? Мне очень плохо, может быть, это уже роды пришли?!

Соломон метался по комнате с удивлённым, испуганным лицом, прислушиваясь к стонам женщины. Он очень любил свою Молко, всегда был с ней нежен и ласков, а сейчас глядел на её большой круглый живот, на её лицо с тёмными пятнами, которые появились во время беременности, на слёзы, которые текли из её красивых глаз, на странные гримасы боли и ему было безумно жаль жену.

Вдруг, как бы приняв решение, он выскочил из спальни и поднял на ноги весь дом. Свекровь Руты выбежала из своей комнаты, кинулась к молодой снохе, наклонилась и едва слышно проговорила:

– Не бойся, это трудные первые роды. Б-г милостив! В добрый час, доченька! Худо кумек эр туь,² – она в растерянности засуетилась вокруг невестки, приговаривая, – кук гордо, Худо хилес сохо,³ – и, подняв руки к небу, взмолилась, – о, Худо! подари мне внучонка. Да будет мальчик. Неве гордо, ёх Худо⁴.

¹ Господь.

² Б-г тебе в помощь.

³ Пусть, с Б-жьей помощью, будет мальчик.

⁴ Пусть будет внук, о Б-же!

Малко продолжала стонать, боли становились всё сильнее.

- Эй, Соломон, иди за момой⁵ Рахиль, – заторопилась Руты, – у неё лёгкая рука, она много детей приняла, и тебя самого Рахиль принимала. Иди, сынок, скорее.

В общине горских евреев Грозного уважают старуху Рахиль, обращаются к ней по разным поводам: заболел ли человек, рождает ли женщина. Вообще, когда что-то плохо, бегут за Рахиль, а она всегда кругом поспевает, всем всегда помогает, лечит больных травами. Никто не подсчитывал, сколько Рахиль за свою долгую жизнь вылечила людей, сколько новорождённых приняла. Даже сколько ей лет, никто точно не знал. Одни уверяли, будто ей сто, другие говорили – давно уже за сто.

Как бы то ни было, а старуха Рахиль относилась к числу тех долгожителей, тех выносливых еврейских женщин, которые без жалоб и стонов переносят любые невзгоды, мужественно проходят свой жизненный путь, да ещё и другим помогают.

Соломон быстро шёл к дому бабки-повитухи. На дворе стояла ночь, до рассвета было еще часа два. Он прошел по главной улице слободы, потом свернул в узкую улочку, где жила момой Рахиль, остановился у калитки её дома и стал звать:

- Эй, келедеде⁶ Рахиль!

- Кто там, кто такой? – отозвался кто-то из домочадцев.

- Это я, Соломон, сын Швадиё. Мне нужна срочно келедеде Рахиль.

- Это ты, сынок? Сейчас, сейчас! – послышался сонный голос старухи.

Бабка-повитуха накинула на плечи темный стеганный ватный бешмет, обвязалась пуховым платком, всунула свои худые ноги в калоши, зевнула и, постукивая толстой палкой, перешагнула через порог. Выходя, она произнесла какие-то заклинания от дурного глаза, трижды поплевала под ноги и только после этого закрыла за собой калитку.

- Давно начались роды? – облизнув сухие губы, спросила Рахиль и решительно добавила, – идём скорее.

Бормоча себе что-то под нос, она шла проворно и быстро добралась до дома роженицы. Руты встретила её с распростёртыми объятиями:

- Твой приход всегда к счастью, у тебя рука лёгкая, а сердце чистое.

- Ёх Худо, келе Худо, до туьре невере⁷. Пусть никто не заходит в комнату роженицы, – строго предупредила повитуха и скрылась за дверью.

Молко продолжала кричать, но Рахиль уверенно приступила к своим обязанностям. Она осмотрела роженицу, подавила ей на спину и живот, подошла к двери и потребовала, чтобы срочно принесли таз с тёплой водой и полотенца.

Только к утру, наконец, появился ребёнок, сильным здоровым криком возвестивший миру о своём праве на жизнь. Момой перерезала ножницами пуповину, сполоснула малыша в тёплой воде, завернула в одеяльце и положила рядом с матерью.

⁵ Повитуха.

⁶ Бабушка.

⁷ Дай Б-г тебе внука (примерный перевод)

- Доченька, дай ему грудь, я посмотрю, как он сосёт, – а потом позвала, – Руты, Руты, иди, принимай внука. Посмотри какой мальчик здоровый, красивый, весь в вашу породу! И арус⁸ чувствует себя нормально.

- С меня дорогой бахш⁹ тебе. Ничего не пожалею: отрез на платье, пуд муки, головку сахара, пачку душистого чая, пять рублей и большой турецкий платок, – бормотала Руты, вытирая концом головного платка текущие по щекам слёзы. А прижав ребёнка к груди, зашептала: «Ой, ты мой дорогой внучок, наконец-то я тебя дождалась». И с этого момента не было для неё ничего дороже и желаннее на свете, чем этот маленький тёплый комочек.

На следующий день к невестке в комнату зашёл свёкор Шавадие. Находившиеся в комнате женщины тотчас поднялись со своих мест, поправили платья и головные платки. Они поздравили хозяина дома с рождением внука, пожелали дожить до его свадьбы и продолжили почтительно стоять.

- Садитесь, садитесь, – ласково улыбаясь, сказал Шавадие, а затем, повернувшись к Рахили, спросил, – как себя чувствует ребёнок?

- Да продлит Худо твою жизнь до ста лет. Хуби невейту, хуби. Доморишь гордо¹⁰, – и принесла укутанного ребёнка.

Шавадие приподнял край одеяльца, взглянул в красноватое личико младенца и зашептал: «Глазёнки-то чёрные, живые, нос – нашего рода, – вдруг ребёнок заплакал. - Не плачь, будь мужчиной, не позорь наш род! Скоро раби совершит тебе милё¹¹. Не плачь».

- Слава Б-гу, мальчик здоровый, крепкий, можно делать милё. Дай Худо всем таких малышей, – почтительно сказала старуха.

- Спасибо тебе, Рахиль, за такого внука и твои золотые руки. Лично от меня будет келе бахш¹² тебе. А внука назовем именем моего покойного старшего сына – Бухур. Пусть живёт его имя в веках.

- Аминь, – воскликнули все сидящие в комнате.

Шавадие расстегнул пуговицы на шёлковом бешмете, снял каракулевую шапку и вытер батистовым платком лысеющую голову. Затем, поглаживая белую пышную бороду, сказал: «Устроим на милё пир на славу».

Молко, поймав на себе взгляд свёкра, смутилась. Она стояла возле кровати, опустив глаза, поправила чухту,¹³ покрыла голову платком. Обычай не велит в присутствии свёкра быть с непокрытой головой или кормить ребёнка грудью. Свёкра, как и мужа, не принято называть по имени, поэтому Молко называла Шавадие почтительно – Тирохун¹⁴.

Шавадие был в хорошем расположении духа: он гордился снохой, уважал её, а главное – она подарила ему внука, который станет продолжением их рода.

- Арус, напои меня свежей водой, – обратился он к невестке.

⁸ Невестка.

⁹ Подарок.

¹⁰ Хороший у тебя внук, хороший. Пусть станет женихом (имеется в виду: «чтобы ты увидел его женихом»)

¹¹ Брит-мила – обрезание.

¹² Большой подарок.

¹³ Головная повязка.

¹⁴ Читающий Тору.

Та тотчас налила из кувшина полный стакан и, низко опустив голову, пода-
ла свёкру.

- Арус, до каких пор ты будешь молчать в моём присутствии? Поговори со
мною.

- Молко, дочь моя, женщина, которая уже имеет ребёнка, может разговари-
вать со свёкром, – вмешалась мамой Рахиль.

- А я обещаю, как положено по нашему адату,¹⁵ любой бахш по её желанию:
и за внука, и за её первый разговор, – сказал Шавадие, широко улыбаясь.

Руты тут же предложила мужу купить невестке золотые серьги с брилли-
антами, а к ним – хорошее ожерелье. Тот благодушно согласился, а Молко под-
няла голову и благодарно посмотрела на свекра:

- Все желания твоего сердца чтобы исполнились. Жить тебе сто лет, отец.

- Аминь, аминь, – закивали женщины.

- Спасибо, дочь моя, – сказал Шавадие и поцеловал невестку в лоб.

Прошла неделя, и бабка Рахиль, приходившая каждый день, дала добро
на милё.

Для торжественного дня купили бычка-двухлетку, четырёх баранов, бочку
вина и всё остальное, что требовалось для праздника. Вечером накануне милё,
пришёл раввин-резник со своими острыми сверкающими ножами. Бычку туго
связали ноги и повалили на землю в конце двора возле сарая. Резник вынул
один нож из кожаного чехла и стал точить его на зеркально гладком бруске,
затем произнёс молитву над бычком, взмахнул ножом, и из горла животного
хлынула густая кровь. Подрыгав связанными ногами, бычок вытянулся и за-
тих. То же самое было сделано и с баранами. Вознаграждение резнику вы-
дали деньгами и мясом.

На восьмые сутки, как и положено по еврейскому закону, в синагоге в при-
сутствии родственников, друзей и близких мальчику совершили милё и дали
имя Бухур. Милё делал раби Давид, сандаком был сам Шавадие. Он сел в крес-
ло пророка Элиягу, гордо держа на подушке своего внука. А когда обряд был
совершён, и ребёнок сильно заплакал, на глазах Шавадие тоже появились слё-
зы – слёзы радости. Ребёнка унесли домой. Когда окончилась утренняя молит-
ва, старики аккуратно уложили в шёлковые мешочки сидур, талит и тфилин
и тоже пошли к дому Шавадие.

Хозяин, одетый в новый шёлковый бешмет и дорогую каракулевую шапку
стоял у распахнутых ворот и встречал гостей:

- Хош оморит! Диройт э хунэ¹⁶.

- Жить твоему внуку сто лет с именем своим! Чтоб дожил ты до его свадь-
бы и также встречал гостей, - отвечали на приветствие гости.

В просторной передней комнате на ворсистых мягких коврах, разостлан-
ных на широкой тахте, поджав ноги, расселись старики – джаамат,¹⁷ друзья
Шавадие. Посередине, на самом почётном месте, рядом с хозяином дома, си-

¹⁵ Закон.

¹⁶ Добро пожаловать! Заходите в дом.

¹⁷ Старейшины, уважаемые люди.

дел главный раввин города – раби Давид. На голове у него была белая ярмолка, одет он был в чесучовый праздничный бешмет, с кожаным ремнём, украшенном серебряными галунами и пряжкой.

Во дворе были расставлены столы, за которыми расселись гости среднего возраста и молодёжь. На белых скатертях в больших тарелках – горячий плов, окутанный облаками пара, жирный мясной соус с картофелем, много разной зелени, овощи, вареные куры и индюки. В пузатых графинах блестит ярко-красное вино. Все с нетерпением ждут, когда раби Давид прочтет молитву, благословляющую пищу. До этого никто не имеет права прикоснуться к еде.

И вот раби начинает: «Благословен господь наш, который дал нам хлеб насущный!» Отломив от целого домашнего хлеба кусочек, он окунает его в соль, отправляет в рот, отламывает много кусочков и раздаёт их сидящим, а затем завершает молитву, давая тем самым понять, что можно начинать трапезу.

Налили первый стакан вина. Все замерли в ожидании мудрой речи раби Давида. Подняв стакан, он обратился к хозяину дома: «Шавадие, мы все уважаем тебя, твоего сына, всю твою семью. Желаем, чтобы Господь никогда не обходил изобилием этот дом и одарил его мужским потомством. У праотца Яакова было 12 сыновей. Желаем тебе 12 внуков, и чтобы дожил ты до их свадьбы. Аминь».

- Аминь, аминь, – вторили за раввином гости.

С конца двора доносился запах жареного мяса. Шашлыки на дубовых углях всего вкуснее, и дымом не пахнут. Шашлычник Ефром нанизывал на длинные шампура наперчённые куски баранины, а молодые женщины разносили и ставили перед гостями готовые шашлыки на подносах, горячую дулму, плов с кишмишем.

Старики жевали беззубыми ртами жирную баранину и переговаривались вполголоса. А во дворе молодые мужчины, пившие вино стакан за стаканом, всё больше хмелели и говорили громко, без умолка, один за другим произносили громкие речи.

Весь день продолжалось гулянье, а когда пришло время вечерней молитвы, первым поднялся раби Давид:

- Шавадие, мы все сегодня присутствовали на милё твоего внука, дай Б-г нам всем также присутствовать и на его свадьбе!

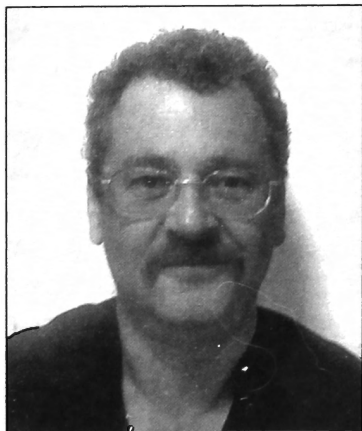
- Аминь, аминь, аминь! – понеслось со всех сторон.

- Спасибо вам, мои дорогие гости за то, что пришли сегодня разделить мою радость, – благодарил растроганный Шавадие.

Солнце клонилось к западу, надвигались сумерки. Старики поднялись с мест и, опираясь на свои палки, направились в нимаз¹⁸ на вечернюю молитву.

¹⁸ Синагога.

КАРАКИС Геннадий

Родился в городе Баку. В 1990 году переехал в Израиль. Проживает в городе Беэр-Шева.

Публиковался в газете «Молодёжь Азербайджана». С 1982 года был участником Бакинского клуба любителей фантастики под руководством Павла Амнуэля. В 1988 году участвовал во Всесоюзном конкурсе «Азлита» в городе Свердловске.

Автор стремится писать на острые социальные темы, причем придаёт сюжетам своих рассказов своеобразные формы. Его произведения публиковались в еженедельнике «Время», во всех выпусках альманаха «Мирвори», в свердловском журнале «Азлита».

Участник многочисленных литературных конкурсов. В общей сложности уже опубликовано двадцать его рассказов. Написано – около сорока пяти.

Литературная страничка автора находится на сайте:

zhurnal.lib.ru/k/karakis_g_m

ЗОЛОТОЙ СЛОНИК

Работать врачом в Израиле совсем нелегко, особенно в больнице: дежурства по восемнадцать часов, количество больных, увеличивающееся с каждым годом, страх ошибиться из-за усталости, сросшейся с телом. Но я гордился тем, что находилась здесь. Кто бы мог подумать, что босоногий мальчишка из Баку будет работать хирургом в ведущей израильской больнице!

...Раздавшийся звонок пробудил меня посреди какого-то особо розового сна. Приснится же иногда такое, после чего неохота просыпаться... Звонил Шлёми – заведующий хирургическим отделением.

- Саша, са маэр ле махлака! Дахуф! Теунат драхим катланит! – что означало: «Приезжай срочно в отделение. Дорожная авария со смертельным исходом».

Чашку с горьким кофе я допивал уже в машине. Сердце, подхлестнутое серьёзной дозой кофеина, тревожно билось. В больницу примчался за десять минут, увидев встревоженное лицо медсестры Иры, понял, что прервать моё сладостное пребывание в тёплой постели Шлёми вынудили обстоятельства: перевернулся туристический автобус с экскурсоводами и представителями турфирм, погибло множество людей, а те, кто выжил, находились в ужасном состоянии. Пройдя несколько этапов «стерилизации», я зашёл в операционную.

В таких ситуациях ты не обращаешь внимания ни на что, только руки двигаются, как манипуляторы, производя необходимые действия. Но проведя несколько операций, я прекратил что-либо соображать. Медсестра беспрестанно вытирала пот с моего лица.

- Не могу больше! Руки дрожат, ничего уже не вижу перед собой, – с мольбой обратился я к Шлёми.

Он посмотрел на меня изучающе:

- Они из твоего города, Саша, жалко их... Впервые приехали в Израиль, а вместо отдыха попали в аварию.

- Откуда они? - напряжённо переспросил я.

- Из Санкт-Петербурга. В основном женщины... Саша, вся надежда на твои золотые руки... Я не справлюсь один.

- В Санкт-Петербурге я учился... – признался я. – Но у меня там много знакомых.

Он налил что-то из бутылки в рюмку.

- Иди сюда... Пей! Это тебе немного поможет... И закуси шоколадкой. Никто не должен почувствовать запах спиртного, иначе меня с работы выгонят...

Мне было не по себе. Сколько лет прошло с тех пор, как Ленинград стал Санкт-Петербургом? Двенадцать? Тринадцать? Я уже много лет в Израиле, участвовал в нескольких войнах (а ведь место врача – на передовой), и всё равно сердце щемит, и память не даёт покоя. Из Санкт-Петербурга...

- Почему ты мне сразу не рассказал, что они из Санкт-Петербурга?

Шлёми потёр лоб, помолчал минуту, как бы подыскивая слова для оправдания. Я обратил внимание на мешки под его глазами: сколько он не спал, сутки, двое? Эта вечная нехватка врачей, людей, которые никогда не подведут. Здесь в больнице остаются только сильные духом. Остальные не выдерживают, растворяются в многочисленных поликлиниках, где утопаешь в рутине, зато нет таких нагрузок. Глядя на уставшее Шлёмино лицо, на аккуратный серебристый «ежик» на голове, я вдруг понял его опасения: он испугался, что я не выдержу, сбегу, как сделали другие.

- Сколько осталось операций?

- Одна. Очень сложная. Хочу доверить её тебе.

Я отобрал у Шлёми бутылку и прежде, чем он очухался, глотнул прямо из горлышка. Мой начальник так и остался с протянутой рукой.

- Ты же пьян... Как теперь будет?

Любил он меня как своего сына. Я протянул руки, показал, что не дрожат. Попросил личное дело пострадавшей, но, увы, документы остались на дне обрыва, куда свалился автобус.

Вышел в коридор, закурил, не испытывая никакого удовольствия от сигареты. Вокруг сновали люди, кто-то задал вопрос по-русски, я автоматически ответил. Меня окликнула Ира. Я очнулся, уставившись на её измученное лицо. Медсёстрам тоже доставалось: Ирка дежурила ночью, но не ушла из отделения из-за аварии. Она – старшая, у неё опыт работы не меньше моего. Да и аккуратистка, всегда инструменты на месте, каждая бумажка подшита.

Кровать с пострадавшей повезли в операционную. Я немножко замешкался, увидев женское лицо в кровоподтёках и ссадинах. Дальше всё как в сериале. Стерилизация моих бесценных рук, привычный шум компрессора, подающего наркоз. Всегда во время операции меня словно охватывало внутреннее видение: я представлял, как бы наяву, каждый орган, вену, сосуд, видел, как сердце разгоняет кровь по артериям. Мне приходилось скрывать этот дар от всех, пока однажды не выдержал и не рассказал об этом Шлёми. Он посмотрел на меня грустными еврейскими глазами и сказал, что дар – это то, чем отличается

обычный врач от «врача божьей милостью». Замечательный он человек, Шлёми. Всегда спокоен, разговаривает с каждым, не повышая голоса. Однако не все руководители подобны ему. Многие не доверяют мне, считают выскочкой.

Во время операции я вдруг понял, что знаю лежащую на операционном столе. Не бывает на свете двух человек с одинаковым родимым пятном. У женщины чуть ниже пупка было забавное пятно, напоминающее слоника. У меня дрогнул скальпель. У второго врача удивленно приподнялась бровь, но он ничего не сказал. Тяжело было сосредоточиться, но я заставил себя завершить операцию и с трудом стащил перчатки с дрожащих рук. Потом долго стоял в коридоре, пока не очнулся от чьего-то прикосновения.

На меня внимательно смотрела Ира. Она сняла с себя халат, оказавшись в обычном её наряде: джинсах, просторной блузке, в вырезе которой виднелась высокая грудь.

- Ты в порядке, Саша? - спросила она. - Жалко тебе этих ребят, правда? И мне не по себе... Ничего не понимают, остались практически без вещей, без документов... Страшный трагический случай: поехали отдыхать, и на тебе... такая авария. Ты сейчас никуда не поедешь, – твёрдо заключила она, – врежешься в какой-нибудь столб, что я твоей маме скажу?

Она знала, что моя мама от неё без ума. Но, несмотря на то, что Ира – замечательный, душевный человек, мне не удавалось убедить себя в том, что в моей жизни нужен ещё кто-то, кроме мамы. Мой развод с бывшей женой переживался единственным родным моим человеком невероятно тяжело, но в израильской действительности это было обыденно. Не сошлись характерами. Жена была шумной, импульсивной, вечно недовольной...пока однажды не встретила весёлого марокканца, который увлёк её за собой. Потом захотела вернуться, но я сам уже не хотел её возвращения. Она нарушила бакинскую традицию: женщина должна беречь домашний очаг, а не искать, где ей лучше. К тому же, я понял, что не любил её.

- ...поняла сразу, что ты её знаешь, – доносился сквозь туман голос Ирочки. – У тебя взгляд был очень странный... Словно, ты что-то искал и, наконец-то, нашёл...

Я вернулся в реанимацию. Люда Крюкова – славная девочка из моего класса, лежала неподвижно, подключённая проводами к монитору, на экране которого замысловатой кривой билась её жизнь. Пульс слабый, но стабильный, основные параметры в норме. Сердце её выдержит, но сумеет ли она вернуться к полноценной жизни после кровоизлияния в мозг?

Я поднялся этажом выше в отделение, где лежали остальные пострадавшие, прошёл по коридору, заметив, что в отделении толпятся посетители, среди которых немало журналистов. Одна из девушек с микрофоном подскочила и затараторила:

- Вы не могли бы нам сказать пару слов о состоянии раненых?

Но мне тяжело было отвечать. Слова застряли комом в горле, слёзы подступили к глазам.

- Что вы чувствуете при виде этих людей?

- Мне кажется, что это мои братья и сёстры... пробормотал я с трудом, вернул журналистке микрофон и быстро зашёл в палату, где лежали другие пострадавшие из перевернувшегося автобуса.

- Кто-нибудь здесь знаком с Людой Крюковой? Она была в этом автобусе, вместе с вами... Есть у неё родственники? Можно было бы передать... вызвать близких...

Парень с кровоподтёками на лице, лежавший ближе к окну, вдруг откликнулся:

- Я её знаю... Она из турагентства... Кажется, замужем... Надо сообщить на работу, они передадут. Как она? Жива?

- Будет жить... А тебе что-то нужно? Может быть, что-нибудь из вещей?

- Да нет, спасибо... Мне всё принесли... Приходят незнакомые люди, приносят одежду, газеты...

- Может быть, книжку какую-нибудь? Мои родители привезли сюда громадную библиотеку. Времени у меня читать не хватает, но библиотеку я сохранил. Ты чего любишь?

Парень пожал плечами, но потом всё-таки попросил принести что-нибудь из фантастики.

Я вышел из палаты. Телевизионщики куда-то испарились. Теперь моя небритая физиономия будет на главном канале новостей. Хорошо, что ещё не заплакал в камеру...

Шлёми выгнал меня из отделения, объяснив, что желает видеть своих подчинённых в живых. Иру он отправил домой на такси, меня же вызвался подвезти лично.

На прощание он пожал мне руку и сказал:

- Хайом ата гибор... Тода леха, Саша... – что означало: «Сегодня – ты герой, спасибо тебе, Саша». В устах Шлёми это звучало как высшая похвала.

Спал я недолго, часа три, проглотил мамин обед за один присест и засобирился обратно в больницу. В спальне, в шкафу, у меня хранилась шкатулка с подарком, который Люда преподнесла мне на выпускной вечер: позолоченная цепочка с кулоном, на котором было написано «Саше – на всю жизнь!». Захватив несколько книжек, я выскочил из дома.

Громадное красное солнце прощалось с городом. В воздухе отчётливо чувствовался запах пыли – очередной хамсин, несущий с собой клубы песка, накрыл город жёлтым маревом. Зима не торопилась, да и чего торопиться – ей и так было хорошо в Европе. От запаха пыли ужасно свербело в носу, и глаза слезились.

Шлёми в отделении не было. Я зашёл в палату, где лежала Люда, подошёл к мониторам... Только бы она выжила...

Я сидел рядом с кроватью, на которой лежала девушка моей мечты, и думал, думал, думал... Вспоминал, как мы целовались в подъезде, боясь каждого шороха, каждого скрипа двери: только чтобы соседи не увидели – за-

смеют. Никогда не забуду, как мы гуляли белыми ночами, держась за руки. Родители сердились, дело доходило до того, что нас не выпускали на улицу. Я сжал в руке кулон.

Прошло ещё два дня, Люда была по-прежнему без сознания. Я изредка приходил домой, выслушивая выговоры мамы, что нельзя губить свою молодую жизнь, что так не работают, но продолжал пропадать в больнице, с надеждой вглядываясь в лицо девушки. Однажды мне показалось, что её ресницы вздрогнули, и я тихонько позвал: «Люда!». Но это мне только показалось.

Чем больше проходило времени, тем меньше надежды оставалось. Но судьба распорядилась по-своему. Однажды рано утром вновь раздался телефонный звонок. Дежурная медсестра взволнованным голосом сообщила, что Люда пришла в себя.

До больницы я доехал за рекордное время, и, на моё счастье, полиция не остановила меня за превышение скорости и не отобрала права. В отделении было много посетителей. Некоторые приходили просто так, навестить несчастных туристов, поговорить, поддержать ласковым словом. Одна пожилая женщина пришла со своей внучкой, красивой девочкой с черными кудрями, к парню, которому я принёс книги. Они громко смеялись, когда я заглянул в палату. Как мало людям нужно, чтобы сблизиться! Два-три слова, улыбка, словно и не было этой ужасной аварии!

Люда, девочка моей юности, открыла свои голубые, как небо, глаза и смотрела на меня: о боже, тот же самый взгляд как много лет назад. Тот же самый вопрос в глазах, недоумение... Конечно же, она сейчас узнает меня и вспомнит, как мы обнимались и целовались на скамейке в саду. Но она смотрела отрешенно, как обычно смотрят на чужих людей. Она видела перед собой человека в белом халате, а не того робкого мальчика с большими ушами и застенчивой улыбкой.

- Как... вы себя чувствуете? – спросил я.

Она улыбнулась. Эта улыбка была подобна юной розе, приоткрывшей лепестки.

- Спасибо... Мне уже лучше.

Я сел, вглядываясь в её лицо.

- Извините, что спрашиваю, вы можете рассказать о том, как это... произошло, – начал я осторожно.

Люда облизала пересохшие губы и неуверенно слабым голосом сказала:

- Помню, как автобус пошёл на обгон... как не вписался в поворот, проехался по защитной стенке и стал падать. Словно в ужасном сне, автобус несколько раз перевернулся, все закричали; при одном из ударов несколько человек вылетело из окна. Мне каким-то образом удалось удержаться в кресле. Потом... крыша автобуса вдруг стала приближаться ко мне... Больше ничего не помню...

- У вас есть муж, дети?

Она вновь напряглась, вспоминая своё недавнее прошлое.

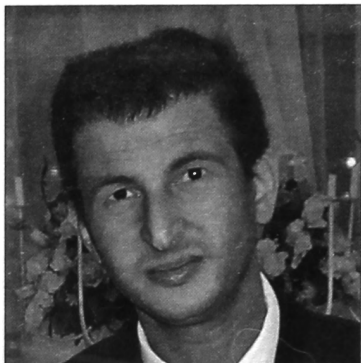
- Не надо... – тихо сказал я. – Память к вам ещё вернётся...

Я вышел из её палаты, закурил сигарету, обратив внимание, как предательски дрожат руки. Может, оно и к лучшему, что она меня не помнит?

Каждый день я прибегал к Люде в палату, убеждаясь, что она чувствует себя всё лучше и лучше. Вскоре приехал её муж, Володя, высокий, широкоплечий, с небольшой русой бородкой. Он долго жал мне руку, благодарил, что его жену вытащили с того света. Приблизительно через неделю из России настояли на том, чтобы Люду перевели в одну из больниц в её родном городе. Я не стал больше приходить. Память постепенно возвращалась к ней. Ту позолоченную цепочку со смешным слоником – память о далёкой юности, я попросил передать ей после выписки из больницы. Подарок от израильского хирурга, который её оперировал.

Боль, зародившаяся в глубине моей привыкшей к разлукам души, постепенно ослабла и только изредка напоминала о себе по ночам, когда я видел во сне смеющуюся девушку, убегающую от меня. Долгое время вздрагивал от каждого звонка. А потом перестал ждать. Может быть, она так и не вспомнила обо мне.

СИМАН ТОВ Шауль (Шамиль Агаев)

Родился 17 мая в 1971 году в городе Баку. С 1989 года начинает печататься в бакинской прессе. В 1990 году выпускает самиздатовский журнал «Прок», а в 1992 году, официально, «Меломан».

В январе 2000 года репатрировался в Израиль. Печатался в «Кавказской газете», в которой с сентября 2007 является членом редакционной коллегии, и альманахе «Мирвори».

В январе 2004 года основал сайт Druzya.com.

В мае 2007 принят в Союз писателей горских евреев Израиля, в июне 2008 года избран секретарём этой организации.

С июля 2007 года член правления комитета по культуре и искусству Международной ассоциации Израиль-Азербайджан «АзИз».

В октябре 2007 года вышел CD «Райский сад» с песнями на его стихи.

Живёт в городе Тират Кармель. Женат, имеет сына и дочь.

СКАЗ О ТОМ, КАК НАШИ ИЗ АМЕРИКИ В КАНАДУ ЛЕТЕЛИ

Случилась эта история с молодым, но довольно уже известным и популярным исполнителем, поющим на торжествах выходцев с Кавказа, Беником Авшалумовым. Беник выступает не только в Израиле, куда он недавно вернулся после нескольких лет жизни в США, но и в других странах, где живут представители нашей общины.

Произошла эта история как раз в тот самый период, когда Беник жил в Америке, и его вместе с музыкантами пригласили поработать на свадьбу в Канаду. Немаловажным является ещё и тот факт, что дело было, как я уже сказал, в Америке, в 2002 году.

Куда идёт большинство людей, прошедших всевозможные контрольно-пропускные пункты в аэропорту? Конечно же, в Duty-Free – магазины беспошлинной торговли. Вот туда и направились герои моего рассказа Беник и гитарист его ансамбля Рафик.

Беник как примерный отец остановился возле отдела с детскими игрушками, чтобы было что «ответить» детям на такой до боли знакомый всем папам вопрос: «А что ты мне купил?».

Рафик, дети которого в силу своего возраста уже не доставали подобными вопросами, пошёл дальше. Мужчины, наверняка, по себе знают, что дети с возрастом перестают задавать эти глупые вопросы, но вот жёны... перед ними всегда надо держать ответ вне зависимости от возраста и лет прожитых вместе. Поэтому Рафик направился обследовать прилавки с косметикой.

И вот Беник, присмотрев куклу посимпатичней, высоко поднял её над головой, стал размахивать ею и на весь торговый зал звать:

- Э, Рафик, братуха, эчэј тү?! Рафик!¹

Так как Рафика нигде поблизости не было

¹ Эй, Рафик, братуха, ты где?! Рафик!

видно, Беник, не жалея голоса, того самого, ради которого его и позвали в Торонто, стал кричать ещё сильнее:

- Э, Рафик, эчэј тү? Братуха, э инчо дэниш, Рафик!²

Как может кричать наш человек в шумном месте, мы и сами знаем, да и что греха таить – умеем. Народ на Кавказе, где Беник родился, и народ в Израиле, где он прожил большую часть своей жизни, не сильно отличаются друг от друга по темпераменту, но люди, оказавшиеся в тот день магазине, явно этого не знали. Народ постепенно стал напрягаться, прислушиваясь к странным крикам.

Когда не только народ, но и сам Рафик, наконец, услышал своё имя и показался в толпе, заметивший его Беник, не переставая размахивать куклой над головой, крикнул:

- Э, Рафик, братуха, э инчо дэниш! Чүтами куклә? Хуби?³

Рафик, который тоже родился на Кавказе и, пусть и не большую часть своей жизни, но всё-таки прожил какое-то время в Израиле, виртуозно владел, так же как и все мы, искусством «перекричать толпу». Тем более что толпа уже и не шумела, а пристально следила за неким высоким парнем, который нечто кричал, размахивая над головой куклой. И тут Рафик на всю мощь своего голоса, наверное, чтобы показать Бенику и всем остальным, что и у него сильный голос, хоть вовсе он и не певец, а гитарист, подняв большой палец вверх, прокричал:

- Бомба-ду! Бомба!

Что тут началось, герои моего рассказа запомнят, наверное, на всю жизнь. Паника, внезапно овладевшая толпой, их изрядно удивила, и они несколько секунд оставались неподвижно стоять на своих местах в паре метров друг от друга. Один с поднятой над головой куклой, которой продолжал по инерции махать, а второй с вытянутой рукой и поднятым вверх большим пальцем. К чести полиции аэропорта, она не заставила себя долго ждать...

Из полицейского отделения их выпустили только часов через пять, после долгих и нудных допросов с выяснениями личностей и цели пересечения границы... Остальные музыканты уже были в Торонто, а нашим героям пришлось лететь следующим рейсом...

СКАЗ О ВЫРВАННОМ ЗУБЕ

У вас когда-нибудь болел зуб? Думаю что да, а коли так, то вы меня поймёте...

Если честно, то когда болит зуб, тут уж как-то не до конкурса Евровидение, который я и при здоровом-то зубе не смотрел, и не до закрытия местными властями независимой газеты в Татарстане. Конечно, нехорошо если обижают оппозиционное издание, но свой зуб... да ещё и непрерывно дающий о себе знать таким вот неприятным образом...

В общем, два часа тому назад его не стало! Точнее он продолжает своё скром-

² Эй, Рафик, ты где?! Братуха, посмотри сюда, Рафик!

³ Эй, Рафик, братуха, посмотри сюда! Как кукла? Нормально?

ное существование, но уже вдали от моего тела, то есть головы. Сам виноват, в смысле зуб. Не ныл бы, не канючил, может, и прожили бы мы с ним тихо и мирно ещё энное количество лет. Но нет, он захотел отделиться и проголосовал за независимость. Видимо урок Черногории не прошёл для него даром.

И вот он свободен! Кто теперь остался в выигрыше, я или он – покажет время. Пока же я, то и дело ощупывая языком пустое место, ощущаю непривычную пустоту во рту. А он? К сожалению, о чувствах зуба мне ничего неизвестно. Но видя его в последний раз всего окровавленного, одиноко лежащего в холодной эмалированной посудине, я заподозрил, что он, наверняка, жалеет о своём необдуманном поступке. Но уже поздно. Отсюда вывод: прежде чем отделяться в надежде, что обретёшь свободу, надо подумать хорошенько, а нужна ли тебе такая свобода? Не лучше ли попробовать договорится и прожить как-то вместе?

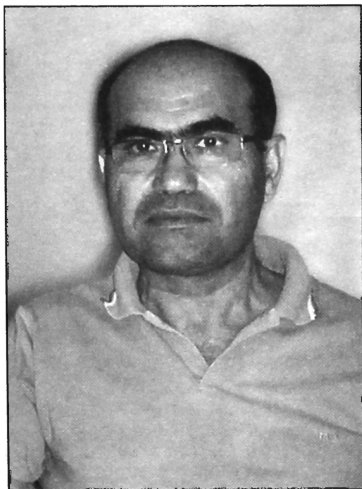
Тут вы вполне резонно можете мне сказать: «Сегодня один зуб попросил у тебя свободы, и ты ему её дал, а представь себе, что завтра все остальные пойдут по пути первого и тоже захотят на волю. Что ты тогда сделаешь? Напрасно его отпустил, надо было подумать о последствиях».

Да в том то и дело, что он протестовал, устраивал забастовки и митинговал уже года два. И вообще, если честно, это второй вырванный зуб за все 35 лет моей жизни. Первый удалили давно, когда я ещё учился во втором классе. Поэтому, смею думать, что я не диктатор и не тиран, и раз в 20 лет могу себе позволить дать кому-то вольную. И потом, другие зубы, глядя на окровавленный труп своего собрата, наверняка сделали для себя правильный вывод. А то ведь он, негодяй, подбивал и остальных. В последнее время болела и ныла уже вся правая сторона верхней челюсти. Но когда поддались на саботаж и нижние правые зубы, тут уж я пошёл на крайние меры. Кстати, дантист сказал, что это был зуб мудрости, хотя, глядя на его поведение, я бы на месте доктора не стал делать таких утверждений. Да и вообще, что за констатация факта: у меня вырвали зуб. Это еще с какой точки зрения смотреть! Можно же сказать, что это меня оторвали от зуба, а не зуб от меня!

Два дня спустя.

Вчера был в ресторане и преспокойненько жевал мясо всеми зубами. Никакого особого недовольства никто из них не высказывал.

ХАНУКАЕВ Борис

Поэт, прозаик, педагог, член союза писателей Израиля.

Родился в 1952 году в Дербенте, в 1991 репатрировался в Израиль. Выпускник Краснодарского государственного института культуры и Хайфского университета.

Работал редактором городского радио в Дербенте, редактором республиканского вещания на горско-еврейском языке. Преподавал музыку, эстетику, горско-еврейский язык.

В настоящее время является руководителем отдела по работе с выходцами с Кавказа в Министерстве абсорбции, а в свободное время на общественных началах преподаёт иврит пожилым репатриантам.

Автор многочисленных публикаций в периодической печати, а также четырёх книг: «Надежда» (1989), «Сам» (1990), «Предсказание» (1998) и вышедшем в издательском доме «Мирвори» в 2007 году сборнике танков «И море, и земля, и небо».

Пишет на русском, горско-еврейском языках и иврите.

СИ-ДИЕЗ

(Музыкально-этнографическая новелла)

Храп для съемной квартиры с диваном

Квартира однокомнатная. Диван ветхий. На нем – книги. На полу – мы. Тюфяки худы, подобно нашим ребрам. Зато подушки – добродушные толстушки. На самой доброй храпит Сара. Храпит очень мощно. Мне смешно: попроси ее создать такой звук, ни за что не сможет. Только рассмеется – звонко, сочно, освещая все вокруг своими лучисто-быстрыми глазами.

Такой уж она человек – *allegro con brio*. И надо же – полюбила меня, флегматика. Да я пока рассмеюсь, другие хохотать перестанут. Пока пойму вопрос, задавший ответит сам. Но моя медлительность исчезает, когда я занимаюсь чем-то уже изученным. Да и в процессе учебы я неплох. В консерватории был в числе тех, из-за кого гордятся собой преподаватели.

А Сара учиться не любит. Она практик. Все науки схватывает в действии, на лету. Вот и решила на третий день подъема «в репатриантские горы», что будет грызть гранит труда. А мне, как она говорит, «сам Б-г велел учиться и учиться, чтоб жизни научиться».

Цветомузыка

Хотя слово «ульпан» всем порядком надоело, мне придется его написать. Начальница Това Йофи провела со мной интервью и направила в группу «академаим», которые учились уже второй месяц. Одноклассники заинтересовались мной. Я оказался единственным «черным». Группа процентов на семьдесят состояла из «белых» репатриантов, т.е. российских, и на тридцать – из «желтых», то бишь бразильских. То, как я говорил на русском, удивляло «белых», а мой английский изумлял «желтых», которые, хохоча, перемигивались. Наконец, один из них выразил квинтэссенцию мышления своей подгруппы показательным выступлением:

- Так, наверное, на кавказских фазендах говорят по-английски крестьяне.

В знак поддержки замечательного выступления я толкнул чернобородого Сантьяго в бок, и бразильские братья по крови завывали от удовольствия.

Среди моих «белых» братьев выделялся Остап Законман, художник по профессии, влюбленный по призванию и юморист по национальности. Последний признак талантов проявился в избранной Остапом фамилии. Я не шучу: фамилию он выбрал сам в честь Закона о возвращении. А в Израиль Остап прибыл как Миркин.

В лучшей стране мира он нашел идеальную женщину заветных мечтаний, которые терзали его почти сорок два года. Она потребовала сменить прическу и сбрить запорожские усы. Остап без колебания выполнил требования своей «лямурки». Своей единственной и неповторимой он заявлял, что ради нее готов поменять «все, кроме национальности». И Лаура не без удовольствия сменила фамилию Гойкова на Законман.

Законман острил на каждом уроке, напоминая нам справедливость слов о сестре таланта. Коротко, едва усвоенными ивритскими словами, он умел создать шедевр остроумия. Лаура и еще несколько серьезно настроенных «ульпанистов» цыкали на него, а я цыкал на них, не смея обратить свой цык только на Лауру. Какая-то тенорно-минорная струна приструняла меня при одном взгляде на жену замечательного Законмана. Могу предположить, что в душе моей шли борения между высоким ладом Петрарки, яркой внешностью Законманши и слишком серьезной нетактичностью «лямурки».

Коньячное трехголосие

Однажды Законман сказал, что еще в Кривом роге начал интересоваться историей и бытом горских евреев, но читал о них только в «белых» книгах. Меня как «черного» его признание пленило, и я пригласил Остапа в гости.

Лямуркины вожжи были настолько крепки, что Остап пришел ко мне всей семьей. Несколько бутылок дербентского коньяка лежали в еще не распакованной части нашего багажа, и я с удовольствием извлек их ради спецмероприятия. Сара всегда держала в холодильнике три вида блюд – на всякий случай. Сделать салат из помидоров-огурцов и зелени я и сам умею. Так что было чем угостить запорожца и его спутницу.

Законман за накрытым столом был любопытен и остроумен не меньше, чем за учебной партой. Он выдумывал по-восточному замысловатые вопросы, а после моего ответа восклицал:

- Лямурка, я всегда знал, что евреи высшей марки пасутся в высоких горах Кавказа и у широт Азовского моря!

Законманша, сморщив лепестковые губы, жалила меня уничтожающим взглядом. Наконец она съязвила:

- Жрёте коньяк и гору еды без хозяйки дома. Слово бы о ней сказали, козлодои. Чего зыришь? Ты б семейный альбом показал, горная черепаха! Да принеси же альбом, дай посмотреть на твою бабу!

Я опешил, но попытался ответить, выдавливая из себя приобретенную в симфоническом оркестре рафинированность. Для этого я упорно вспоминал папахо-кинжального деда и обалделыми глазами смотрел на Остапа. Заметив мой взгляд, гостя, не доевшая свой кусок чурека, заорала на мужа, что, мол, «ходит ко всяким чуркам, горным козлам, черепахам, черножо...».

Лаура поперхнулась. Могучий Законман стукнул ее по спине, и требовательная Законманша... протрезвела. Она просила у меня прощения, говорила, что ей нельзя пить, что бабушкины предрассудки все еще сидят в ней, но она их переборет, что я очень приятный человек, что она забыла, когда последний раз пила коньяк...

Учитывая изложенное, мы больше ей не наливали.

Когда пришла Сара, все пили чай, ароматный, как коньяк. Затем Остап попросил меня спеть что-нибудь. Я начал с «Серенады» Шуберта. Лаура прослезилась и, аплодируя, сообщила, что ей очень понравился мой баритон.

Законман забалдел и попросил меня «музыкально съюморить». Я улыбнулся и под гурилевский мотив начал озвучивать реминисценцию на лермонтовский текст. Своим выступлением я хотел полностью освободить приятеля от чувства неловкости за «лямуркин» инцидент. Сара не одобряла моих действий, но я должен был показать, что юмор – не только лучшая национальность, но и самое верное средство, чтобы привести к релаксации. Я запел:

Горные евреи спят во тьме ночной.
Тихие лезгины ждут Сохнут домой.
А калмык помчался в Иерусалим,
Позабыв про степь, кумыс и калым.

Ария Шошаны

Наша учительница Шошана была стебелечком- мотылечком. Тоненькая, сладкоголосая. Объясняя значения слов, она то прыгала, как стрекоза, то грустила, как сестрица Аленушка, то морщила бетховенский лоб, то обнажала ровные зубы, над которыми поработал умелый дантист. Когда символы не помогали, Шошана на английском просила бразильцев разбить скорлупу непонятного и вынуть семя смысла для русских. В такие минуты Законман старался свести игру в ничью: «Пеле спортсмен, гам Яшин спортсмен».

Но у Шошаны была своя методика, основанная на мировоззренческом материале. Она считала, что евреи, приехавшие из капиталистической Бразилии, цивилизованнее тех, которые жили при загнивающим социализме. И ничто не могло изменить ее твердого мнения. Когда «русские» в сторонке обсуждали эту горячую тему, бразильцы интуитивно отходили от них, хотя со многими были в приятельских отношениях.

Однажды после очередного такого инцидента меня остановил Сантьяго. Он долго объяснял, что поражен тем, как русские обижаются. «Наш английский лучше вашего, - сказал камарадо, - но разве из-за этого надо дуться?» Я объ-

яснил, что никто не дуется. Просто, люди не понимают, почему учительница разделила класс на два лагеря. «Ах, – сказал бразилец, – а тебя-то она вообще терпеть не может. Ты не дуешься, и слова не говоришь. С нами держишься как всегда. А «русские» теперь сторонятся нас». Я возразил, что, в общем-то, я тоже «русский». «Нет-нет-нет, – сказал Сантьяго, – ты иной». Я настоял на том, что я «русский». «Нет, – упрямо твердил Сантьяго, – ты другой».

Наш класс должен был выступить с монтажом к празднику Пурим. Распределяя роли, Шошана заглядывала в свои листочки, примеривалась, ища подходящее лицо, а потом вручала текст. Эта процедура не была проделана, лишь когда подошла моя очередь. Учительница подала мне давно отложенную записку. На нем крупными буквами значилось: «Я Злой Аман! Я Злой Аман! Хочу Евреев Уничтожить!»

Учащиеся показывали друг другу свои листочки, шутили, хихикали. Возникший в классе шум был камертоном предпраздничного настроения. Однако Шошана попыталась остановить гвалт. С первого раза не получилось. Тогда она изо всей силы топнула тоненькой ножкой и во всю свою мощь прокричала:

- Маспик!

- Ма зе маспик? – спросил Законман.

Шошана опустошила пакет, лежавший у нее на столе, и подала мне. Руками она показала, чтобы я помял пакет. И когда раздалось шуршание, посмотрела на меня очень сердито и вновь топнула ногой:

- Маспик!

Учащиеся принялись объяснять друг другу, что прозвучавшее слово означает «хватит», «достаточно», «прекрати».

На новом уроке учительница рассказывала нам подробно о празднике Пурим. Действующих лиц маскарада она изображала с помощью мимики, разнообразных движений и редких вербальных средств. Об Амани она поведала, тыча пальцем в меня: «Аман – ра, ра, ра», – плохой, мол. А чернобородый Сантьяго, улыбаясь, показал на себя: «Мордехай – тов, тов, тов», – т.е. хороший. Законман провел рукой по своей груди: «Ахашверош – хеци ра, хеци тов» (полухороший-полуплохой). Всем понравилась очередная шутка Остапа. А я вновь вспомнил слова Сантьяго о том, что Шошана меня терпеть не может.

В конце урока я не сразу встал со своего места. На душе было тяжело. Одноклассники группами покидали помещение. Шошана собирала вещи, извлеченные в середине урока из целлофанового пакета. Настал момент, когда кроме нас двоих в классе никого не оставалось. Учительница повесила на правое плечо громоздкую сумку, а в левую руку взяла тот самый пакет. Неожиданно из него высыпалось содержимое – целлофан не выдержал тяжести предметов. Я подбежал и стал помогать учительнице собирать упавшее. Наши головы встретились в неожиданном ударе. Шошана разозлилась и рыкнула:

- Не надо. Я сама. Уходи домой.

Я медленно вышел из класса.

Доминанта

Недалеко от своего дома я встретил Остапа и Лауру. Она что-то шепнула на ухо мужу и только потом обратилась ко мне:

- Сеня, как же эта стерва тебя не любит! Ты замечаешь?

- А вы куда? – спросил я.

- Учим роли, – проговорил Остап. – А тебе и учить не надо. Ты ведь первый ученик. Тебе она роль даже не выбирала. Раз и – на! А к бразильцам отнеслась очень даже избирательно.

- Да ну их всех к черту! – сказала Лаура. – Сеня, я соскучилась по твоему пению! Можно тебя попросить ... Я б хотела послушать... Ой, Ося, как та песня называлась?

- Ария «Мистера Икс». Мне она тоже понравилась.

- Так чего мы стоим? Пойдемте ко мне, – пригласил я друзей.

После пения мы, конечно, выпили. Лаура чмокала меня в шею и щеку до тех пор, пока Законман не заключил:

- Хватит портить чужого мужа, у тебя свой имеется.

- Тебя-то всегда можно, – отбрыкнулась «лямурка», – а его – только когда выпь... – тут ее памелоандерсонская грудь вспрыгнула, выпуская икоту. Законманша икнула еще раз и, нисколько не смущаясь, продолжила: – ...ем. То есть, выпью.

Остап почему-то рассердился и выпалил жене в лицо:

- То дерёшься ...

- То-о ря-ябина, – запела Лаура.

Мы переглянулись, удивившись ее находчивости, рассмеялись и обнялись.

- Хорошо сидим, – объявил Законман.

А Лаура посерьезнела и обратилась ко мне:

- Как там в вашей музыке называется такая нота, что во-от повиснет та-ак, что знаешь: после нее – конец?

- Это доминанта, – ответил я.

- Все, дорогой, – подняла палец Лаура, – наступила доминанта. Ты должен нашей сучке показать, что пришел конец. Не хрена над нами издеваться. Бразильцы – высший сорт, а мы – последний? Вот им! А таких, как ты, дорогой Орэра-марэра, в Израиле один-два и обчелся. Ты ведь не чета им, замухрышкам. Ты – голова образованная! Му-у, красавчик! – расцеловала она меня.

Я с трудом отвязался от нее и поцеловал Законмана в лоб:

- Все что получил, возвращаю законному хозяину.

Пурим и «Маскарад»

У вас бывает такое, что засядет в голову какая-то мелодия и не отстаёт? Пройдёт день-два – а она не уходит. И у меня такое случилось. Вальс Хачатуряна из музыки к драме Лермонтова «Маскарад» сидел во мне два дня. Он возник после ухода Законманов. Тогда у меня и появилась идея: я засел мастерить шарманочку. Записал на нее донимающий меня вальс и на его фоне прочитал небольшой текст. Я внёс в

него все свое знание иврита и человеколюбие. В тексте сообщалось, как Шошана дорога нам – братьям и сестрам, вернувшимся к ней из разных сторон планеты. Я говорил, что нам, столь разным, пока тяжело понимать друг друга, но ей удастся нас объединить. Она – прекрасный дирижер, который может создать слаженный оркестр. А мы, сознавая трудность миссии, все вместе поможем ей в общем деле.

Я принес свое изделие в улыпан. На одной из перемен, когда Шошана направлялась в учительскую, передал ей шарманку. И вот прозвенел звонок на урок. Учительница не возвращалась. Прошло минут десять. Я заволновался – может, в написанном мною тексте обнаружили нечто обратное тому, что я имел в виду? Мне, плохо владеющему ивритом, конечно, следовало воздержаться от такого шага. «Косноязычие рождает чудовищ», – сказал я себе, перефразировав Гойю. Теперь, надо полагать, начальство вызывает соответствующие службы, чтобы меня арестовать.

Но какова же была моя радость, когда тревоги оказались напрасными! Сияющая Шошана появилась в сопровождении Товы Йофи. Начальница сказала, что хочет поприсутствовать на репетиции монтажа. Мы выстроились у доски и, будто в пионерские годы, взволнованно и выразительно читали кусочки большого текста.

Начальница и Шошанна вышли за дверь. Минут через пять учительница вернулась. Она сказала, что меняет некоторые роли, поэтому просит всех сдать листки с текстом. В результате Законман получил роль Мордехая, Сантьяго – роль Амана, а я – Ахашвероша. Учительница выстроила нас еще раз. Мы прочитали новые слова. Шошана осталась довольна тем, как чернобородый Сантьяго злобно округлял глаза, изображая Амана. Законману она сделала внушение за легкомыслие в роли Мордехая. Остановилась, задумалась... И отобрала у Остапа листочек, передав его мне, а мой текст – Законману. Мы провели еще одну репетицию и разошлись по домам.

Когда я вышел из улыпана, за моей спиной прозвучал сладко-ласковый голос. Придерживая сумку, бьющуюся на правом плече, меня догоняла Шошана.

- Рахманов, – протянула она руку, – понеси, пожалуйста, мой пакет. – Я хочу, чтобы ты проводил меня до остановки автобуса.

Черный с золотистой росписью пакет шуршал в моей руке. Мы пришли на остановку. Как я понимал, Шошана ждала особых слов, подобных тем, которые она слышала в записи. И я рассказал о своем чудесном сне: «Там, на Кавказе, мне приснилось, что в неведомой стране у меня, брата пятерых братьев, появилась сестра. Я спросил ее, где мы находимся, и она ответила: в Польше».

Шошана с интересом посмотрела на меня:

- Так ты знал, что я родом из Польши?

- Там я знал, а здесь – нет, – ответил я.

Мы подали друг другу руки. Подходил ее автобус. Оставшись один, я улыбнулся собственным мыслям. Но ненадолго. Через несколько секунд Сантьяго встал передо мной, гневно пожирающий меня глазами, и потирая руки, как боец перед боем.

- Взятка сработала? – с ехидной усмешкой бросил он вызов.

- О чем ты?

- Ты что-то ей передал и превратился из злого Амана в героя Мордехая.
- Взятка? Какая взятка? Я наговорил на кассету текст, чтобы изменить взгляд Шошаны на наше общество... Я имею в виду наш класс.
- Она изменила свой взгляд, и ты стал Мордехаем?
- Сантьяго, давай не ссориться. Завтра же я пойду и попрошу вернуть тебе эту роль.
- Не надо мне твоих благ. Мы объявим забастовку. Тогда ты увидишь, что будет твоей подружке за дискриминацию бразильских евреев. Ишь ты, нашел подход к молодой синьоре! Уже к автобусу ее провожаешь?
- Сантьяго, ты ведь разумный человек! Что ты говоришь? Неужели ты потерял чувство юмора?
- Брось притворяться. Какой юмор? Вы всегда завидовали, что Шошана к бразильцам относится лучше...
- Вот что, – оборвал я его. – Я тороплюсь, а ты чересчур взволнован. Давай встретимся завтра за полчаса до начала занятий. Тогда все спокойно и обсудим.
- Пока я говорил, Сантьяго сгибал одной рукой пальцы другой. Мне показалось, будто в сильной кисти он видит себя, а в слабой – меня. Глупец! Я без страха смотрел в его крупные глаза, вероятно, поэтому он и согласился:
- Хорошо, – и тут же добавил, поднимая с угрозой палец, – завтра в 7.30 у входа в ульпан.

Тоника

Мы с Сарой сидели на берегу моря. Закатное солнце раскинуло лучи по волнам. Загорелое тело моей жены гармонировало с золотистым фоном, созданным закатом. Она поняла мои мысли и улыбнулась.

- А если я стану так, – сказала Сара, поднимаясь, – и вытяну руку, то солнце окажется на моей ладони. Отойди подальше. Посмотри. Видишь?

- Четко вижу. А что? Разве это что-то прибавит к моей новелле?

О быстрые, лучистые глаза моей Сары! Вглядываюсь в них и вижу границу цветов, где карий переходит в зеленый.

- Неужели ты не осознал, что оно означает на моей ладони?! Ну, вспомни Шошану. Она ведь тебя поняла?

- Возможно, – сказал я. – А где Лаура?

- Она тоже в нем. Шошана слева, Лаура справа.

- А где же тогда Остап? Где Сантьяго?

- Видишь там, где солнце прикасается к ладони?

- Вижу. А ты обнаружила все шесть лучей сразу?

- А как же? Сначала нужно увидеть большое целиком, и только потом разглядывать фрагменты.

- Я хотел тебе сказать, что собираюсь написать продолжение. Это всего лишь завязка. Действие начнется завтра – после моей встречи с Сантьяго...

- Не волнуйся. Он поймет, что погорячился и конфликта не будет. Оставь его и других. Ты свою дидактическую функцию выполнил. Это главное в искусстве.

- А красота? То, как ты держишь солнце на ладони?

- Старо. Важнее – менять человека, напоминая ему о корнях и о солнце. Ты, как сценарист, своего добился. Это твой предел. Не переходи границы. И Моисей не перешел. Так было задумано. Он изменил своих братьев и сестер. Они пошли дальше, потому что сформировались, чтобы идти самостоятельно.

- Сара, почему-то после твоих слов я вспомнил горьковского Данко.

- Моисей, Моисей, – возразила Сара, – это Моисей. Горький списал сценарий из Торы, отдав цыгану, тоже страннику, эту функцию.

- Любопытно, а если взглянуть на движение тел и душ через музыку?

- Эта особая линия жизни. Моисей услышал главный Звук и обрел право стать дирижером. Исполняя произведение, он заметил основное правило: иди своей дорогой, не называя настоящее имя главного Звука.

- Что ты хочешь этим сказать? – удивился я.

- Скажем, в твоей новелле тоника до. А ты должен назвать ее иначе ...

Нашу беседу оборвал появившийся неожиданно Законман. Он держал в руках мольберт и толстую трость.

- Ты?.. – обратился он ко мне. – Я рисовал море, а ты со своей старушкой мне помешали. Не лучше ли вам убраться отсюда?

- Ося! – удивился я. – Друг мой! Ты ли это говоришь? И куда же ты советуешь нам убраться?

- На горные вершины, что спят во тьме ночной, – не приветливым тоном произнес Остап. И с обидой добавил, – ты отнял мою лучшую роль! Я был Мордехаем.

- Не обижайся, – сказал я. – Эта роль переходная. Ты же сам видел. Она временно была у Сантьяго, потом у тебя, сейчас у меня. Так и будет переходить.

- Но на празднике она будет твоей. Вот что важно. Роль в спектакле досталась тебе.

- Ося, дорогой, спектакль ставят не один раз! Но если тебе так важно сыграть эту роль именно в сей раз, я сделаю все возможное... – Я придвинулся к Остапу, чтобы обнять его ...

Мой друг поднял трость:

- Не подходи!

И в тот же миг я почувствовал удар. Плечо мое заныло. Я открыл глаза. Надо мной стоял Остап.

- Сеня, вставай, праздник в ульпане начинается. Все переволновались. Через десять минут наш выход. Монтаж нашего класса.

- Ой-ой-ой! – воскликнул я, – не избежать скандала, – я проспал встречу с Сантьяго.

- Ты не о том беспокоишься.

- Нет, встреча с ним очень важна. Погоди. Сейчас умоюсь – и побежим.

- А о Сантьяго не переживай. Он стоит у твоих дверей. Не зашел домой. Стыдится, что наговорил глупостей.

ХЕЙЛИ Мирьям

Коротко о себе:

Родилась в Баку во второй половине 20-го столетия (не будем уточнять когда).

Закончила мех-мат АзГУ. (А говорят, что физики, то бишь математики, не лирики).

В 90-м году репатрировалась в Израиль. Живу в Тель-Авиве, работаю в муниципалитете города. Замужем, имею троих детей.

Во время очередных каникул, сидя перед телевизором, написала для своих подруг несколько юмористических монологов в стиле «Смехопанорамы». К моему удивлению, они приняли их с восторгом. И тут я вспомнила, что не случайно в школе учительница литературы постоянно зачитывала мои сочинения на уроках.

Лиха беда – начало. По совету подруг я начала писать более серьезные вещи. На сегодняшний день у меня уже довольно много публикаций в израильских газетах «Секрет» и «Кавказская газета», в американской газете «Новый рубеж», в альманахах «Мирвори». А в 2007 году в свет вышла моя первая книга «Душа народа».

ЧУЖИЕ ОКНА

Желтый квадратик – стена, красная треугольная шапочка – крыша, на ней тонкий прямоугольник с выползающей черной спиралькой – труба и струйка дыма. Узнали? Правильно! Так маленькие дети рисуют дом.

Но мы с вами забыли об одной очень важной детали: прямо посередине желтого квадрата белый прямоугольник с вписанным в него крестиком. Догадались?! Ну, конечно же, окно! Говорят, что по величине и форме нарисованного им окна психологи могут судить о характере человека. Открытый он или замкнутый, щедрый или скупой. Да-да, представьте себе.

Как и когда появились окна, глаза наших домов? Когда человечество переселилось из пещер и землянок в рукотворные жилища, окна в них появились не сразу. Были только отверстия в крышах для выхода дыма. Уж больно древние боялись проникновения в дом злых духов, несчастий и их предвестников – птиц.

Потом для освещения дома появились узкие щели в стенах. Постепенно увеличиваясь в размерах, они со временем стали закрываться различными прозрачными материалами, которые затем повсеместно заменило стекло.

В последующие столетия размер и форма окон продолжали изменяться, а строгие главы семейств пытались закрыть от чужих взоров «глаза» своих домов высокими, иногда даже каменными, заборами. Но как бы ни скрывали они своих красавиц жен и юных дочерей, скольких мужчин во всех странах мира лишила сна мелькнувшая в окне обворожительная улыбка прекрасной чаровницы или посланный нежной ручкой воздушный поцелуй. А когда черная вуаль темноты опускалась на замки и дворцы, кавалеры, невзирая на заборы, собак и сторожей, поставив в дозор луну, проникали в эти окна с помощью веревочных лестниц и прочих вспомогательных средств. И только для

того, чтобы вблизи насладиться красотой тех, кого скрывали стены, но так любезно приоткрывали окна.

В наше время роль окон стала куда прозаичней: они всего лишь источники света и чистого воздуха (если можно так назвать ту взвешенную смесь, коей мы дышим). Юные красавицы вольно разгуливают по улицам, открытые взорам рыцарей (если можно так величать их бледные проекции, которые мы называем современными мужчинами).

Впрочем, сегодняшние Джульетты и Ромео предпочитают для знакомства не полные неожиданностей улицы и даже не шумные дискотеки и бары, а тихие комнаты с мерцающим голубым окном в виртуальный мир.

Она с детства любила заглядывать в окна домов. Ей нравилось это больше, чем рассматривать витрины магазинов, попадающихся на пути. Хотя какие могли быть витрины в советское время: манекены, одетые в скромную неброскую одежду, сходявшую с конвейера местной фабрики, или пирамиды из муляжей консервных банок.

Мать постоянно одергивала ее: «Что ты глазеешь в чужие окна? Заглядывать в окна также неприлично, как читать чужие письма или листать чей-то дневник». Но, несмотря на интеллигентное воспитание, чужие окна продолжали магнитом притягивать ее взгляд.

Особенно она любила гулять теплыми летними вечерами, когда их приморский городок, еще не ведавший домашних кондиционеров, открывал нараспашку окна, пытаясь впустить через них хотя бы толику освежающего воздуха.

Часто, подсмотрев в окне картинку чужой жизни, она додумывала для себя ситуации, а иной раз и целые судьбы. Вот женщина сидит, подперев натруженной рукой подбородок, и напряженно вглядывается в цепочку людей, выходящих из трамвая. Она наверняка ждет мужа с работы.

Вот уткнувшийся в стекло курносый носик, над ним сверкающие сквозь хрусталь слез круглые голубые глаза, а рядом синие пуговицы с крестиком черных ниток вместо зрачков на светло-коричневой драповой мордочке медвежонка, явно сшитого из старого пальто. Эти двое ждут бабушку из булочной.

...В тот жаркий июльский день, когда они, бросив чемоданы в заранее снятой для них братом мужа квартирке в Тель-Авиве, выбежали в магазины купить еды, первым, что поразило ее, были окна. Её удивило, что они почти не были прикрыты шторами, разве что иногда тонким тюлем. И второе – это размеры окон. Большинство домов были сконструированы так, что гостиные, или, как здесь их называли, салоны, имели огромные, почти на всю ширину и высоту комнаты окна, прикрытые раздвижными жалюзи и такими же раздвижными пластмассовыми рамами с огромными стёклами. Люди, спасаясь от жары, открывали настежь и окна, и жалюзи, полностью обнажая салоны, в которых преспокойненько продолжалась обычная жизнь: смуглые, похожие на итальянцев, мужчины в широких шортах, подпирающих круглые, покрытые

густой растительностью животы, потягивали пиво из запотевших бутылок, не отрывая взгляд от телевизора. Периодически они что-то кричали на еще непонятном ей языке. Впрочем, и без перевода было ясно, что все эти крики означали: «Мазила!» или «Судью на мыло!», или что-то еще из околоспортивного лексикона.

Смуглые женщины с крашеными (почему так часто именно в блондинистый цвет?), завитыми (а может от природы такие?) всклокоченными волосами (интересно, им не жарко?), одетые в легкие маечки с выглядывающим из-под них нижним бельем и обтягивающие панталоны (свекровь надевала такие зимой под теплую юбку), хриплыми голосами кричали что-то в телефонную трубку, не выпуская изо рта дымящуюся сигарету.

Зрелище захватывало дух: 3-4-этажные дома стояли так, словно кто-то аккуратно срезал их внешнюю стену, но обитатели этого не заметили и продолжили жить своей жизнью, бесстыдно выставленной на всеобщее обозрение. Однако прохожие, шаркая шлепанцами по раскаленной брусчатке, шли себе беспечно, и никто, абсолютно никто, кроме нее, не смотрел в сторону домов, ставших сплошными окнами.

И она поняла: пока неизвестно, каково ей будет здесь жить, но гулять по улицам точно будет интересно.

Последующие пятнадцать лет проскочили так быстро, словно она проехала через них на поезде. Маршрут движения её поезда, так уж получилось, выбирал кто угодно: родители, муж, дети, подруги – только не она сама. Она всегда была ведомой. Родители выбирали для неё институт, муж – место проживания, дети навязывали свои вкусы в одежде и еде. Она не страдала, нет. Ей так было удобнее.

И эту новую квартиру, когда дети подросли и стали жить своими семьями, убедил ее купить муж. Он сам бегал по маклерам, продавал старую большую квартиру, искал новую и нашел эту – небольшую и уютную, в четырехэтажном доме. Дом находился вдали от шумных улиц. Окна двух небольших спален выходили на аккуратный скверик с детскими горками, песочницей и качелями. В конце скверика находилась небольшая синагога, куда по утрам и вечерам спешили бородатые мужчины и сонные подростки в кипах.

Окна салона и кухни выходили на небольшой дворик с маленькой стоянкой. За невысокой изгородью, покрытой местным вьюнком с говорящим названием «еврей-скиталец» (егуди-а-нодед), находился ухоженный дворик соседнего дома, смотрящего на их дом своими окнами-салонами.

Ей очень нравилось вместо того, чтобы сидеть напротив опостылевшего телевизора, смотреть на окна дома напротив. Расстояние не позволяло разглядеть лица, но ей это даже нравилось. Теперь жители этого дома, сами того не ведая, станут героями ее историй с закрученными сюжетами.

Каждое утро перед выходом на работу она бросала взгляд на окна соседнего дома. Вернувшись с работы, шла на кухню готовить ужин, но и здесь не забывала время от времени поглядывать на окна, чтобы следить за героями своих новелл. А по вечерам, когда муж, надев кроссовки, выходил на пробеж-

ку в скверик (после того, как ему стукнуло пятьдесят, он вдруг стал следить за своим здоровьем), она заваривала себе чашечку душистого чая и садилась у окна. О каждой семье в этом небольшом доме, не ведавшем о том, что он стал жертвой ее хобби, у нее была своя история.

На первом этаже жила семья репатриантов «из нашенских», сравнительно недавнего розлива (ну как же – новая, купленная со скидкой, машина и союзовские шторы на окнах). Средних лет родители каждое утро уезжают на работу, девочки-подростки убегают в школу, бабушка в доме на хозяйстве.

Рядом с ними пара пожилых израильтян. Всю неделю мужик сидит в специальном ортопедическом кресле с выдвигающейся ступенькой для ног (между прочим, хорошую копеечку стоит). Его смуглая с седыми залысинами голова кажется серебристой от дыма сигарет и света голубого экрана. Женщину в эти дни почти не видно. Зато в четверг он привозит полные ящики с продуктами и водой, а в пятницу к ним на трех машинах приезжают дети с внуками. Причем заходят они в дом с пустыми руками, а уходят – с полными. Ей самой хотелось бы попробовать, что же такого вкусенького готовит Шуля, так она про себя назвала жену соседа.

В этих двух квартирах все предельно ясно и придумывать особенно нечего. Разве что в первой семье она сомневалась: бабушка – свекровь или теща, но после недолгого колебания решила, что теща.

В третьей квартире жила молодая ортодоксальная семья с маленькими детьми. Молодая мамаша с постоянно растущим кверху остреньким животом каждый день уводила полусонных чад в детский садик, а по вечерам их приводил смуглый папаша в черной шляпе. Он, как ни странно, довольно ловко справлялся с детьми, и они даже слушались его. В пятницу вечером было приятно наблюдать, как семья садилась за субботнюю трапезу. Иногда ветер доносил обрывки субботних песен, исполняемых красивым баритоном.

Семья этажом выше – пожилая пара и молодая женщина с ребенком. Тоже, видать, из наших, из репатриантов. Молодая женщина часто ходила с ребенком на их детскую площадку. А в последнее время в доме появился молодой мужчина. Сначала его машина оставалась под окнами только на выходные, но потом получила там постоянную прописку. Она от души порадовалась за симпатичную (правда немного полноватую) молодую женщину. Чтобы только старики не задолбали парня. Ох уж эти еврейские родители с единственной дочерью! Небось, и первого мужа доставали своим занудством.

Окно рядом с ними почти никогда не пустует. Женщина средних лет, которая проживала там с сыном-подростком, часто сидела за компьютерным столиком, расположенным у окна, а иногда подходила к нему и, сложив руки на груди, вглядывалась куда-то вдаль. Она, наверное, писательница. Целый день пишет романы, а когда вдохновение покидает ее, стоит в задумчивости у окна, смотрит невидящим взглядом, пытаясь построить дальнейший сюжет. В ее доме редко бывают застолья, хотя часто заходят ненадолго посетители. Наверное, это ее издатели или агенты, или как там их называют.

...Жизнь продолжала легко скользить по рельсам, почти без изменений. Вот только муж недавно притащил домой щенка. Забавный такой, черненький. Она, в общем-то, любит собак, в смысле, погладить, поиграть, и все. А дома животное ухода требует. Правда, муж сразу же заявил, что будет сам воспитывать и выгуливать пса. Ну и ладно. Пусть живет себе.

Но однажды произошло непредвиденное. Накрывая ужин, она по привычке взглянула на окна соседнего дома, как вдруг услышала:

- Ага! Видела? К этой корове с ребенком со второго этажа муж приехал. Небось, ездил в Союз какие-то гешефты варил, да видать хвост ему поприжали. Там сейчас своих деловаров хватает, всех цветов и вероисповеданий. Вот он и вернулся к своей законной. А старики-то как вокруг него крутятся!

Она посмотрела на окна второго этажа. За празднично накрытым столом сидели молодая женщина с ребенком, тот мужчина, что раньше появился в доме, сидел рядом со стариком, а другой, незнакомый ей, стоял с поднятой в руках рюмкой и что-то торжественно говорил.

- А я думала, что муж – это тот, предыдущий...

- Да нет. Тот сын, то есть брат молодухи. А эта гримза, что рядом с ними живет, бухгалтерша которая, вообще с рельсов сошла. Недавно я сам видел, как она наш дом в бинокль разглядывала. Еще раз увижу, пойду к ней и сделаю последнее предупреждение перед жалобой в полицию. Мы не кляузники какие, чтоб сразу телеги строчить. Сначала по-хорошему попробую.

- Бухгалтерша? Почему бухгалтерша? – удивилась она. – По-моему, писательница.

- Ну, прям. Писательницы живут в шикарных домах в дорогих районах. А наш район для среднего класса. Да бухгалтерша она, точно. Дебет с кредитом для небольших фирмочек сводит, отчеты в налоговую составляет. Работает дома, а посетители к ней сами ходят.

«Ну, надо же, – подумала она, – и спорить с ним бессмысленно. Не пойдешь ведь, в самом деле, к ней домой, чтобы выяснять истину».

Прошло пару месяцев. Наступила зима. Как говорит ее малый: «Зима, – ал-лек!» (в смысле: «И это называется зимой?»). Им поначалу смешно было оттого, что здесь среднюю осень величают зимой. Из десяти раз, что небо хмурится, лишь один раз дождем прольется. В Тель-Авиве снега не бывает никогда. В прошлом году выпал в Иерусалиме, так у нее на работе половина сотрудников попросили выходной, чтобы повезти детей снег смотреть. Да! На Хермоне иногда бывает снег. Они в первый год поехали туда покататься на лыжах. Смех один. Этот не первой свежести снег не хотелось даже трогать. А народ на санках катается и на лыжах, визгу кругом, крику. Муж посмотрел на снег и, используя название этой высочайшей точки страны, неприлично скаламбурил по поводу его количества и качества...

Окна зимой почти никто не открывает. Даже шторы, которые в последнее время стали популярными в народе, и те задвинуты. В такое время она любит погулять по просторам Интернета. И в тот злополучный день она, как обычно, зашла на знакомый израильский сайт. В разделе «Ваши увлечения» написала:

«Люблю наблюдать за окнами домов» и получила ответ: «По вашему поиску найдена одна запись» и адрес посетителя, оставившего ее.

Она кликнула мышкой. Наконец-то, она нашла человека, который имеет такое же хобби! Это была женщина, которая называла себя Философ. «Я с детства обожала разглядывать чужие окна, – писала она. – Это мне нравилось даже больше, чем ходить в театр. Артисты по мере своего таланта играют чужие характеры и судьбы. И как бы хорошо они ни вживались в образ, ты понимаешь, что это все понарошку.

А здесь все по-другому: ты видишь какие-то кадры из чужой жизни и пытаешься на основании своего опыта и логики объяснить увиденное, сложить в цепочку поступки. Согласитесь, что это куда увлекательнее чем пассивно смотреть то, чем тебя кормит телевизор. По специальности я астролог. Всех денег не заработаешь, потому я провожу прием всего три раза в неделю строго по записи. У меня своя клиентура: я специализируюсь на бизнесе (советую, когда открывать, когда расширять, как конкурентов извести).

Напротив моего дома, а живу я в одном из спокойных районов города, стоит симпатичный четырехэтажный дом. Я постоянно наблюдаю за всеми жителями, живущими в нем. Мне кажется, что я уже так хорошо их знаю, что могу даже построить их гороскопы. Вот, например, на втором этаже живет молодая пара. Женщина в положении. Когда мужа дома нет, она весь день в наушниках скачет, по телефону болтает, перед компьютером сидит. А перед приходом мужа голову платком обвяжет, фартук напялит и тряпку в руки. Муж в дом – она по квартире подбитой мухой ползает. В одной руке тряпка, другая – на пояснице, типа «мне тяжело, но я прибираю и тебя, дорогой мой, жду». Тут даже придумывать нечего.

А над ними одна пара живет в возрасте кризиса, так сказать, среднего возраста. Она – не от мира сего: ни телевизор, ни компьютер... Как с работы придет (наверняка, где-то на кассе в супермаркете сидит), на кухне покрутится, шваброй по квартире для близира пройдет, а потом уставится куда-то в небо и смотрит часами. Звезды что ли без телескопа разглядывает? Или стихи пишет? Точно, стихи! Она как раз на поэтессу похожа. А муж? Правильно! Шортики с маечкой наденет, флягу за пояс заткнёт и вперед – рысцой от инфаркта, то есть от жены. Сам за дом повернет и чешет куда-то, аж пятки сверкают. Ясное дело, от инфаркта он у зазнобы лечится, что в соседнем доме живет. А тут он еще и собачку завел. Подружка его, наверное, попросила, чтобы он ей больше времени уделял. Песик-то хозяйке рассказать не может, сколько он на улице гулял, а сколько в гостях сидел. Тут сюжет для целого романа...»

Она резко кликнула мышкой на красном маленьком окошке в правом верхнем углу, закрывая виртуальный дневник незнакомки (вот тоже новомодное явление: выставлять свой личный дневник на всеобщее обозрение). Ей казалось, что она заглянула через замочную скважину в чужую грязную голову. Старательно отгоняя назойливые мысли, она встала и вошла в спальню. Муж надевал тренировочный костюм.

- Как за окном? Не льет? Плохо наши молятся! Ладно, хоть побегаем.

- Знаешь, я сегодня с вами хочу пойти, – она показала на нетерпеливо крутящегося у ног хозяина пса. Сердце бешено колотилось. – Возьмете в компаньоны?

- Опаньки! – муж заулыбался во все лицо. – А что такое? Реалити-шоу «Дом-3» или, вернее, «Байт-шалаш» закрыт по техническим причинам?

- Нет, – она в спешке достала из шкафа джинсы и куртку, – он закрыт навсегда.

- Ой, не зарекайся! Я тебя знаю. Ладно, я таки только рад.

Он подошел к ней и поцеловал в щеку.

- Вот увидишь, тебе понравится. Но предупреждаю: сначала будет трудно.

Они шли быстрым шагом мимо злополучного дома. Счастливый пес нарезал вокруг них круги.

- Глянь, – муж дернул ее за рукав, – бухгалтерша опять на свои четыре глаза бинокль напялила.

Он поднял кулак и погрозил ей.

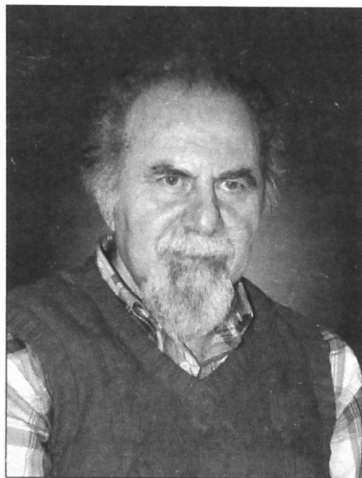
- Она не бухгалтерша, она астролог, а может, и нет. Меня это уже не интересует, – она подняла голову и вдруг, сложив ладони рупором, закричала: – Эй ты, астролог-гастролог! Заглядывать в окна также неприлично, как читать чужие письма! А придумывать о людях небылицы, вообще грех!

ДРАМАТУРГИЯ

на русском языке

ФАРАДЖЕВ Владимир

Родился в 1936 г. в Махачкале. По профессии геолог и кинопдраматург (окончил Московский университет и Институт кинематографии). По его сценариям снято три десятка художественных и документальных фильмов, в том числе «Неоконченная симфония», «Страницы жизни Иоганна-Себастьяна Баха», «Прорабский участок», «Предисловие к битве», «Снег в июне», «Гибель Марины Цветаевой» и другие. Лауреат международных кинофестивалей.

Его перу принадлежит ряд рассказов и пьес. Победитель литературного конкурса на лучший рассказ, проходившего в ФРГ (г. Кельн).

Живет в Москве.

БРОШЕННЫЕ

Радиопьеса

Действующие лица.

Автор

Шенде Аронов, писатель, около 65 лет

Хава, его жена, несколькими годами моложе

Иосиф, их сын, 35 лет

Иосиф-юноша

Иосиф-ребёнок

Дед Беньямин

Прохожий

Действие происходит в Дагестане, одной из кавказских автономий России. Небольшой провинциальный городок. Квартира писателя Шенде Аронова. Наши дни.

Автор. Несколько слов, уважаемые дамы и господа, всего несколько слов, прежде чем я перейду к истории, которую собираюсь вам рассказать. Постараюсь быть покороче. Ибо, как сказал один мой земляк из Дагестана, человеку нужно два года, чтобы научиться говорить, и шестьдесят лет, чтобы научиться держать язык за зубами. Увы, мне ещё нет шестидесяти, но кое-чему я тоже успел научиться. Например, говорить то, что думаю, а не только то, что выгодно. Поверьте, это не так просто, особенно в стране, в которой семь десятилетий люди боялись говорить правду... Да, вы правильно поняли – речь идёт о моей стране, о России, где многие, конечно, понимали, что лгать – это низко, но когда ты оказываешься перед выбором – солгать или умереть...

Утешим себя тем, что без преодоления низкого не было бы и высокого. Как сказал другой мой земляк из Дагестана, если у человека нет ни одной низкой черты, ему никогда не стать великим... Я не случайно дважды упомянул о Дагестане. Именно там, в маленькой горной стране в самом центре Кавказа, разворачивается сюжет нашей истории. Кому-то она может показаться неправдоподобной. Кому-то странной... Вообще Дагестан – загадочная страна. Более тридцати малых горских народов населяют эту страну. И каждый народ говорит на сво-

ем языке. Представьте: на расстоянии километра расположены два горных селения, а их жители не понимают друг друга, говорят на совершенно разных языках!..

Горцы рассказывают, будто посланный Аллахом гонец, раздавая каждому народу по языку, споткнулся о дагестанские горы и рассыпал весь свой мешок. Люди разобрали языки и разнесли по своим селениям. С той поры жители одного селения знают только свой язык и не понимают языка соседей. И только религия досталась на всех одна. Вера в пророка Магомеда. Ислам.

Но, как говорится, в семье не без урода. Нашлась-таки среда правоверных народностей одна, поклоняющаяся другому Богу. Представляете, крошечное племя горских евреев-татов, всего несколько тысяч, среди миллиона мусульман! Даже для учёных-востоковедов происхождение иудеев в горах Дагестана кажется загадочным. Образ жизни, быт, одежда, да и язык – диалект персидского – всё свидетельствует о близости татов к коренным горским народностям. Но религия! Совершенно несовместимая с окружающим мусульманским миром преданность Торе. Один из героев нашей истории писатель Шенде Аронов считает, что иудейская религия была навязана его соплеменникам силой. И произошло это несколько столетий назад, во время нашествия на Дагестан полчищ хазар-кочевников, исповедовавших иудаизм. Свою версию господин Шенде Аронов изложил в книге, которая только что издана. И не где-нибудь в провинции, а в самой Москве! В столице! Долгожданный день в жизни Шенде Аронова! Он держит в руках авторский экземпляр и спешит поделиться радостью со своей женой Хавой.

Стук открываемой двери. Из прихожей доносятся по-хозяйски уверенные шаги.

Шенде Аронов (громко). Хава, дорогая, ты дома? Скорее встречай своего мужа! Хава, ты где?

Хава (спешит из кухни). Здесь я, дорогой мой Шенде, на кухне. Готовлю плов к твоему приходу. (Понизив голос). Я тебя так ждала...

Шенде Аронов (весело). О, плов! Прекрасно. Как раз к нашему сегодняшнему торжеству. Ну-ка посмотри на меня повнимательней, Хава! Ты не находишь, что твой муж сильно изменился? Вырос, например! (Смеётся). У тебя, такое растерянное лицо, Хава, будто я на самом деле уже не Шенде Аронов, а какой-нибудь китайский дракон. Ты радуйся, радуйся, Хава! Твой муж теперь не просто писатель, а ещё и учёный. Настоящий, признанный в Москве учёный-востоковед! (Показывает книгу). Ты это видела?

Хава (тихо). Господи... Книга...

Шенде Аронов. Вот прислали... Авторский экземпляр... Из Москвы.

Хава. Наконец-то... Поздравляю, дорогой мой... Я так рада... так рада за тебя... (С трудом сдерживает слёзы).

Шенде Аронов (растроганно). Это наша с тобой книга, Хава. Если бы не ты... не твоя поддержка... Одолеть такого врага, как профессор Эммануилов, который где только можно называл меня дилетантом и неучем, потому что, видите ли, он один знает историю татского народа, одолеть все его козни можно было, имея только такую надёжную опору, как ты, моя дорогая жена.

Хава (тихо). Не преувеличивай, дорогой Шенде... Ну какая от меня поддержка?

Шенде Аронов (шутливо). А плов? Твой плов, Хава, лучший на Кавказе! Он не только утоляет голод, но и поддерживает боевой дух в моём теле. Из чего я делаю вывод – сила мужчины не в оружии, а в женщине, которая ему готовит! (Смеётся). Или я не прав?

Хава (неуверенно). Наверное, так. Я не знаю...

Шенде Аронов. Ладно, пошли в кабинет. Сейчас мы поставим эту книгу на полку рядом с другими моими произведениями... (Останавливается у полки с книгами). Что ж, не такая маленькая полка собралась за всю мою жизнь, Хава. Сборники рассказов... на татском языке... на русском... Два романа... Пьесы для татского театра... Конечно, всё это издано у нас, в Дагестане, качество полиграфии не ахти какое. Но теперь тут будет стоять и книга, изданная в Москве. Среди художественных произведений – научный труд. (С улыбкой). Совсем как у Гёте, в Веймаре. Помнишь, Хава, когда мы с тобой путешествовали по Германии... ты помнишь его библиотеку? Рядом с «Фаустом» – «Учение о цвете»... Шестьдесят томов литературы и четырнадцать томов научных трудов... Клянусь Аллахом, не понимаю, как один человек может столько написать!

Хава (печально). Мы с тобой были совсем молодые тогда... Какое замечательное было время...

Шенде Аронов. Нашему Иосифу, кажется, только исполнилось пять лет. Да, Хава?

Хава (дрогнувшим голосом). Да, Шенде...

Шенде Аронов. Как летит время. Теперь нашему мальчику, нашему бизнесмену, уже тридцать пять... Но я не согласен, Хава, что то время было лучше теперешнего.

Хава. Я разве так сказала? Я просто сказала, что тогда мы были совсем ещё молодые.

Шенде Аронов. И у старости есть свои прелести, Хава... Взрослый сын... У нас с тобой замечательный сын, Хава... Наш Иосиф...

Хава (механически повторяет). Замечательный сын... Наш Иосиф...

Шенде Аронов. А моя книга? Ведь это тоже большая радость, Хава! Кто бы мог подумать тогда, тридцать лет назад, что эта книга будет написана? Что благодаря мне в истории нашего народа начнутся такие знаменательные перемены?

Хава (с той же механической интонацией). Да, Шенде... Твоя книга... Это большое дело для нашего народа...

Шенде Аронов (с сознанием собственной значимости). Меня признают крупнейшие учёные, московские профессора, академики. Вот, послушай. Предисловие директора института этнографии. Между прочим, академик... (Читает). «Что касается происхождения горских евреев, то по данным большинства исторических источников они образовались из татов, принявших когда-то в прошлом иудаистскую религию, очевидно, проникшую с севера – от хазар, и не имеют прямой связи с евреями Палестины». Ты слышишь, Хава? Мы не имеем прямой связи с евреями Палестины! Это специально для профессора Эммануилова. Щелчок по его длинному носу. (Читает дальше). «Это обстоятельство должно быть учтено при национальном самоопределении». Ясно? Ещё один щелчок по профессорскому носу! Он же кате-

горически отрицает, что мы такие же горцы, как и остальные дагестанцы, считает нас пришельцами из Палестины. (С издёвкой) Конечно, когда у тебя такой длинный нос, нужно его как-то использовать, хотя бы в качестве доказательства своего еврейского происхождения. Но в Москве, как видишь, целиком поддерживают мою версию о татах. Никакого отношения к палестинским евреям мы не имеем. И в моей книге ясно это показано. Нужно совсем немного воображения и... Вот, представь. Конец первого тысячелетия нашей эры. Существует богатая, процветающая Персия – империя Сасанидов. С севера, со стороны теперешней России, ей угрожают воинственные хазары. Что делают Сасаниды? Перегораживают узкий проход между Кавказскими горами и Каспийским морем. Возводят крепость Дербент, и путь хазарам на юг закрыт. А защищают крепость лучшие персидские воины из племени татов, их вместе с семьями переселяют сюда из Персии. Но в это время арабским завоевателям удаётся разгромить Сасанидов и покорить Персию. Защитники дербентской крепости, лишившись поддержки, в конце концов, становятся пленниками хазар. Раз так, почему не предположить, что хазары, которые исповедуют иудаизм, не ставят пленных татов перед выбором: иудаизм или смерть? Кто-то, наверное, предпочёл смерть, а кто-то... жить-то людям хочется!.. Вот тебе и загадочное превращение татов в горских евреев. А потом, целое тысячелетие, вплоть до наших дней, несут они на себе гнёт чужой веры.. Сколько гонений, сколько страданий, кровавых погромов пережили они, расплачиваясь за грехи чужого народа, пока не появился тот, кому выпала честь вернуть своим соплеменникам их подлинную национальную сущность! (Переходит на пафос, но с долей иронии) То есть, пока не появился твой муж, Хава! Писатель и учёный Шенде Аронов!

Хава. Я горжусь тобой, дорогой мой Шенде.

Шенде Аронов (убеждённо). Отныне все мы – я, ты, Хава, наш сын Иосиф – вообще все таты становятся стопроцентными горцами. Полноправными дагестанцами! И никакой антисемит не посмеет ткнуть пальцем и сказать нам – «жиды!», со всеми прилагательными и междометиями, которые обычно этому сопутствуют. (Выдерживает паузу). А теперь скажи мне, Хава, я понятно излагаю свою позицию?

Хава. Мне давно всё понятно, Шенде... Ты же столько раз это мне объяснял.

Шенде Аронов. Значит, тебе, простой домохозяйке со средним образованием, это понятно...

Хава. Я же сказала... Всё, что ты говоришь, Шенде, мне всегда было понятно. Я только не понимаю, почему ты меня об этом спрашиваешь?

Шенде Аронов (внезапно взрываясь). Да потому что всем нормальным людям должно быть понятно! А вот этот тип, который мнит себя профессором, единственным знатоком татской истории, этот нахал и выскочка, господин Эммануилов, не хочет ничего понимать. Не признает! Настраивает против меня наших людей, особенно стариков. Бомбит газеты и журналы опровержениями, которых, слава Богу, никто не печатает!

Старый осёл! Не понимает, что теперь, когда в Москве напечатали мою книгу, его шансы равны нулю! Всю жизнь доказывал, что таты – выходцы из Палестины, и признать теперь, что был неправ, он, конечно, не может. Как же! Потерять престиж,

признать себя банкротом... Мы же гордые... Кичится тем, что всегда защищал свой народ и даже потерял на войне ногу. Ну и что? Многие теряли на войне и ноги, и руки, и даже жизни. Зачем этим пользоваться, когда речь идёт о науке? Моя книга принесёт больше пользы нашему народу, чем его оторванная нога! Да простит мне Бог этот невольный сарказм по отношению к несчастному инвалиду...

Хава (дрогнувшим голосом). Этот долгожданный день... Этот по-настоящему счастливый день в нашей жизни, Шенде... (Всхлипывает).

Шенде Аронов (растроганно). Ты плачешь, дорогая моя Хава... Ты плачешь от радости... Я понимаю... Понимаю и благодарю... Ты не представляешь, как я счастлив, что смог доказать, что тоже чего-то стою... Мне так хотелось, чтобы ты гордилась своим мужем, Хава. Особенно после того, как в молодости отказала этому Эммануилову и вышла за меня замуж... А ведь он уже тогда был профессором, а я всего лишь начинающим писателем. Мне так хотелось, чтобы у тебя никогда не возникло и тени сомнений в правильности твоего выбора... Спасибо тебе, Хава, за всё...

Хава (плачет). Этот день... Он мог быть таким счастливым... Ну почему в жизни всё так несправедливо?

Шенде Аронов (насторожённо). О чём ты, Хава? Что-нибудь случилось? Не пугай меня, ты слышишь, Хава! (Она продолжает плакать). Да не тужи ты, ради Бога! Скажи, скажи скорей, что произошло?

Хава (сквозь слёзы). Такой радостный день для нас...

Шенде Аронов (резко). Оставь! Говори, что стряслось!

Хава (безнадёжно). Наш Иосиф...

Шенде Аронов (вскрикивает, как от удара). Что с Иосифом?!

Хава (дрожащим голосом). Они напали на него... избили... Бедный Иосиф... На нём живого места нет... (Не может удержаться рыданий).

Шенде Аронов (делает усилие, чтобы сохранить самообладание). Хава, прошу тебя. Объясни вразумительно, кто избил нашего Иосифа? За что? Где он сейчас?

Хава (обессиленная от горя). Иосиф дома... в своей комнате... Его привезли на «скорой». У нашего мальчика поранено лицо, голова... Ему наложили швы, дали снотворное... Он уснул...

Шенде Аронов (угрожающе). Кто эти подонки? Их арестовали?

Хава (слабым шёпотом). Нужно что-то делать, Шенде... Нужно спасти нашего Иосифа...

Шенде Аронов. Спасать? Нашему сыну что-то угрожает? Кто это сказал?

Хава (испуганно). Тише! Тише, Шенде... Не нужно, чтобы Иосиф слышал... Ты разве не понимаешь? Иосиф работает в бизнесе. Их фирма продает овечью шерсть, через них проходят большие деньги... А где большие деньги, там мафия, рэкет... Иосиф отказался давать показания инспектору милиции. Этот инспектор выяснял у меня, не было ли каких угроз в адрес нашего сына. Наверное, бандиты потребовали у Иосифа денег, он не дал, и его избили. Инспектор тоже говорит, что это их почерк. Теперь они не отстанут. Все, кто занимается бизнесом, платят им дань. Государство сдирает свои налоги, бандиты – свои. Сколько бизнесменов уже поплатились за это жизнями...

Шенде Аронов (мрачно). Да, бизнес в России, а тем более на Кавказе – всё равно, что третья мировая война. Во всяком случае, если она начнётся, то здесь.

Хава (умоляюще). Ты должен поговорить с нашим сыном, Шенде... Как мужчина с мужчиной... Узнай, чего хотели от него эти люди. Сколько им надо дать, чтобы они отстали... Я готова на всё, Шенде. Готова продать бриллиантовое кольцо и серьги, оставшиеся от матери. Нужно откупиться от негодяев!

Шенде Аронов (взрывается). Откупиться?! Ещё чего!.. Не знают эти подонки, с кем имеют дело! Уж если меня, Шенде Аронова, втянут в эту историю... Они получают... Они такую дань у меня получают! Срок получают они у меня, а не дань! В тюрьму засажу негодяев!

Хава (испуганно). Не кричи, Шенде... Ради Бога, успокойся... Разбудишь Иосифа...

Шенде Аронов (войдя в раж). Раз так, буду действовать! Ты ещё не знаешь моих возможностей, Хава!

Хава. Умоляю, Шенде, подумай об Иосифе. Побереги нашего мальчика...

Шенде Аронов. Из-под земли достану этих подонков! И в землю же закопаю!

Из глубины квартиры доносится стук двери, затем шаги.

Хава (в отчаянии). Ну вот... разбудили Иосифа...

Хава и Шенде Аронов прислушиваются. Шаги приближаются к кабинету.

Иосиф (появляясь в кабинете). Только не пугайтесь, дорогие родители... (Ему трудно говорить, но держится он достаточно уверенно). Когда я увидел себя в зеркале, сам пришёл в ужас. Эти повязки на лице... они страшнее, чем на самом деле...

Хава (плачущим голосом). Иосиф, дорогой... Зачем ты поднялся с кровати? Тебе нужно лежать...

Иосиф. Всё нормально, мама. Не волнуйся... Вот только присяду в кресло... Вот так... Теперь совсем хорошо...

Шенде Аронов (не без сарказма). Лучше некуда... Такой вид... эти бинты... У него всё нормально, Хава. А дураки-родители почему-то переживают...

Иосиф (пытаясь улыбнуться). Подумаешь, девушка поцарапала... Знаешь, какие сейчас ногти у девушек!

Шенде Аронов. Оставь этот тон, Иосиф! Маму бы пожалел...

Хава (будто получив разрешение, начинает причитать). Сынок, родной мой... Не надо меня жалеть... Пусть все болезни, все твои беды падут на мать... Пусть закопают меня в землю... только бы обошли тебя стороной все напасти...

Иосиф (ласково). Ладно, ладно, мама... Оставь свои причитания для другого случая... Я слышал, о чём вы тут говорили сейчас. К тому, что произошло со мной, это не имеет отношения.

Шенде Аронов. Тогда объясни всё сам.

Иосиф. Мама предложила поговорить нам как мужчина с мужчиной...

Хава (поспешно). Конечно, конечно... Кто может лучше понять друг друга, как не отец с сыном. Я пока пойду, послежу за пловом. Совсем забыла... Как бы не пригорел...

Хава уходит.

Шенде Аронов (после паузы). Ты думаешь, я не понимаю, Иосиф? У человека, занимающегося бизнесом, могут быть профессиональные тайны. Я не хочу ничего выпытывать. Пойми, я хочу тебе только помочь.

Иосиф. Я готов быть откровенным с тобой, отец.

Шенде Аронов. Ты не захотел объяснять инспектору милиции, кто на тебя напал. Допускаю, у тебя есть на это причины.

Иосиф. Да. Есть.

Шенде Аронов. Можешь и мне не говорить. Но я хочу, чтобы ты знал: среди моих друзей есть люди, которые многое могут. Поверь, им можно довериться. Это специалисты. Они сделают всё, чтобы тебе помочь.

Иосиф. Специалисты? Какие специалисты?

Шенде Аронов (доверительно). Профессионалы своего дела. Ты их не знаешь, Иосиф. Это очень влиятельные, можно сказать, высокопоставленные люди. Разобраться в твоих проблемах им ничего не стоит. Я готов с ними поговорить.

Иосиф. Но это не связано с бизнесом. С этим у меня всё в порядке.

Шенде Аронов. Значит, это не мафия? Она вас ещё не достала?

Иосиф. Не будь наивным, отец. Неужели ты до сих пор не понял, в каком государстве живёшь? То, что положено государству, мы аккуратно отдаем государству. И то, что положено мафии, мы тоже отдаём государству. Время, когда кесарю шло кесарево, а Богу - Богово, давно прошло. Теперь у кесаря и у Бога один карман. Очень удобно, кстати сказать.

Шенде Аронов (размышляя вслух). Так-так-так... Но проблемы, судя по всему, остаются? Этого ты отрицать не станешь? Ведь если на человека нападают, избивают, а потерпевший не хочет давать показаний, значит, тут что-то не так. Или он боится...

Иосиф. Или сомневается... Или просто пытается сам всё понять... Разные могут быть варианты, отец.

Шенде Аронов. Твой вариант, Иосиф?

Иосиф. Вот ты сейчас упомянул о неких влиятельных, высокопоставленных специалистах... профессионалах своего дела... Подозреваю, они-то как раз ближе всех к моему варианту.

Шенде Аронов. Не понимаю!

Иосиф (глядя на отца, в упор). Это люди из КГБ?

Шенде Аронов (напрягшись, но владея собой). Почему ты так решил?

Иосиф (уклончиво). А я догадливый.

Шенде Аронов (понизив голос). Ну, допустим, эти люди оттуда. Главное — они могут тебе помочь.

Иосиф (сам с собой). Да, эти люди могут помочь... Уж они-то наверняка могут помочь... (После паузы, отрешённо). А я не верил... Не хотел верить... Выходит, он прав...

Шенде Аронов. Кто прав? О ком ты, Иосиф?

Иосиф (с той же отрешённостью). Что ж, теперь никаких иллюзий быть не может... Но это ужасно... Ужасно...

Шенде Аронов. Не валяй дурака, Иосиф! Объясни по-человечески, в чём дело?

Иосиф (с болью). Твоя книга, отец... Эта версия о происхождении татов... Она действительно вышла из стен КГБ?

Шенде Аронов (сначала онемев от ярости, потом сорвавшись на крик). Что?! Да как ты смеешь! Как смеешь ты, негодяй, говорить такое родному отцу?! Не желаю разговаривать с тобой! Всё!.. Довольно!.. Кончен разговор!!!

Напряжённая пауза.

Иосиф (после паузы, подавленно). Я был у профессора Эммануилова, отец...

Шенде Аронов (преодолевая потрясение, совершенно убитым голосом). Ты посмел пойти к человеку, которого мы с мамой считаем врагом нашего дома... Ты знаешь, что он порочит меня, потому что твоя мама отказалась выйти за него замуж... Он мстит нам всю жизнь... Всю жизнь не может успокоиться...

Иосиф. Я это слышал, отец.

Шенде Аронов. И, тем не менее, пошёл к нему...

Иосиф. Я вынужден был это сделать.

Шенде Аронов. Вынужден? Не понимаю тебя, Иосиф...

Иосиф. Мне тридцать пять лет, отец... Когда-то у меня была семья. Жена, которую я любил... Ребёнок... Моя русская жена оставила меня после того, как узнала, что я горский еврей. В Москве, в университете, где мы вместе учились, я был для всех татом, экзотическим горцем с Кавказа. О моем еврейском происхождении никто не знал. Потом, когда мы поженились и приехали сюда... Ты же помнишь, каким скандалом всё закончилось! Приехала её мать, обвинила нас, жидов, в том, что мы обманули её дочь... впрочем, как и весь русский народ, навязав ему свою еврейскую революцию...

С тех пор у меня нет семьи. Но я люблю Таню, отец... Мне плохо без неё... Мне плохо без моего ребёнка... Я чувствую себя таким одиноким... И до сих пор не знаю, обманул я мою жену или нет. Кто же я? Тат или горский еврей?

Шенде Аронов. Стало быть, моя версия тебя не убеждает? Московских учёных – профессоров, академиков убеждает, а родному сыну вместе с профессором Эммануиловым кажется сомнительной.

Иосиф. Когда научный спор решается при участии КГБ... Не возражай мне, отец! Я же знаю – тебя туда вызывали. И тебя. И профессора Эммануилова.

Шенде Аронов (мрачно). Вообще-то, когда человека вызывают в КГБ, обычно с него берут подписку о неразглашении... Дistinguished профессор Эммануилов этого тебе не сказал?

Иосиф. Он сказал, что ему наплевать. Потому что он инвалид войны, и все его страхи уже позади.

Шенде Аронов. Так-так... Интересно, какую ещё информацию выдал тебе этот бесстрашный инвалид?

Иосиф (не реагируя на иронию отца). Между прочим, я узнал историю нашего народа. Ту, которая до сих пор была признана наукой и ни у кого не вызывала сомнений. Таты всегда считались частью еврейского народа, рассеянного по миру после изгнания из Палестины. Горскими евреями они были и при Александре Македон-

ском, когда он шёл походом на Индию, и при русских царях, и при коммунистах – до той поры, пока не началась повальная эмиграция советских евреев в Израиль и Америку.

Для страны, которая выдавала себя за социалистический рай, исход евреев выглядел предательством, подлым ударом в спину. Они же разоблачали на весь мир, что никакого рая тут нет, а есть ад антисемитизма! Тогда-то и поднялась карательная рука КГБ. Эмиграцию стали сворачивать. Но... мировая общественность... Протесты... Всякие там права человека... Стало ясно, что прежние методы наведения порядка уже не проходят. Нужны более деликатные... И такой метод нашли. Остановить эмиграцию евреев из-за... отсутствия таковых.

Гениально просто! Кто сказал, что таты – это иудеи? Да они же исконные горцы! Иудаизм был навязан им силой! Историческая несправедливость должна быть восстановлена! Нужно только солидное научное обоснование. Привлекают к этому профессора Эммануилова, но он фальсифицировать историю своего народа отказывается...

Шенде Аронов (с клокочущей яростью). Врёт! Он всё врёт, этот хромой трепач, а такие наивные простаки, как ты, идут у него на поводу! Клянусь памятью твоего деда, моего отца, что никаких разговоров об эмиграции горских евреев, о том, что нужно этому помешать, не было и в помине!

Иосиф. Ага! Значит, какой-то разговор всё-таки был...

Шенде Аронов. Если ты читал мой роман «Дербентская крепость», написанный ещё до твоего рождения, там как раз один из героев высказывает предположение, что иудаизм был навязан татам хазарами...

Иосиф. Ну и что?

Шенде Аронов. А то, мой милый, что идея эта родилась не под крылом КГБ, а четыре десятилетия назад, когда никакой эмиграцией и не пахло!

Иосиф. Значит, эта идея пригодилась сейчас. Твои, так называемые специалисты, ею хорошо воспользовались. А ты согласился, пошёл у них на поводу. Вот даже книгу целую написал...

Шенде Аронов (снисходительно, как маленькому). Дорогой мой... Ты же умный человек... Подумай сам... У кого я пошёл на поводу... Да не у них же. У тебя! У моего сына! Да-да, у тебя, дорогой мой Иосиф! Не хотел напоминать... Не хотел сейчас говорить об этом... Я же твой отец, и мне тоже больно, когда я вижу, как тяжело тебе без семьи, как одиноко и безрадостно...

Если бы ты знал, сколько слёз, невидимых тебе слёз, пролила твоя мать... Сколько раз она звонила в Москву, умоляя твою Татьяну вернуться, привезти ребёнка... Но эта безвольная дурочка под пятой у своей матери-антисемитки... Ей-то, твоей жене, в первую очередь я хотел доказать, что ты её не обманул! Ещё я хотел, чтобы в твоей жизни не повторилось то, что было в нашей, когда безграмотных стариков-татов, таких, как твой дед, забирали в тюрьму только за то, что они посещали синагогу! Или – когда в пятьдесят третьем, при Сталине, всему еврейскому народу грозила высылка в Сибирь...

Поверь, Иосиф ничего другого я не хотел, когда мне предложили заняться историей татов и обосновать высказанную мною же когда-то идею.

Иосиф. Но ты же не ребёнок, отец. Должен был знать, какова цель этой работы. Уже после твоих публикаций в газетах всем горским евреям предложено было обменять паспорта. Хочешь, не хочешь, а становишься татом! И в паспорте это должно быть зафиксировано.

А если... если профессор Эммануилов, например, считал и продолжает считать себя горским евреем и умереть хочет, не изменив вере своих предков?

Шенде Аронов (со злостью). Пусть умирает, как хочет и кем хочет! Мы должны думать о молодёжи, о нашем будущем! В конце концов, кто из вас, теперешних, считается с религией? Вы же все атеисты! На каком языке говорите? На каком читаете? Какие справляете праздники? Да вы все давно уже русские! О какой верности предкам можно всерьёз говорить, если дальше деда для вас никакого прошлого не существует. А уж прадед, или прапрадед – это всё равно, что египетский фараон или какой-нибудь Шах-Аббас!

Иосиф. Когда всю жизнь пытаешься скрыть свою принадлежность к родному народу, как-то не очень-то интересуешься его историей или своими корнями. Но теперь я кое-что знаю. Например, что не хазары обратили татов в иудеев, а наоборот – горские еврей-таты соблазнили хазар своей религией.

Шенде Аронов (уязвлено). Хорошего ученика, я вижу, воспитал себе профессор Эммануилов.

Иосиф. Извини, отец, но его версия... В его версии есть достоверность истории и красота легенды! Ведь кто такие хазары? Сброд кочевых племён, язычники, которые жили грабежом и разбоем. Никакой религии у них не было и в помине! И вот когда они ворвались в Дербентскую крепость, раввин горских евреев вышел навстречу царю хазар и сказал: «Убей меня, но сохрани мою религию». «Чем же хороша твоя религия?» – спросил тогда царь хазар. «Моя религия – это верность Торе и Единому Божеству», – ответил мудрый раввин, зная, что царь хазар озабочен тем, как укрепить свою власть над неуправляемыми племенами язычников. Единое Божество – вот основа власти земного правителя. Так раввин указал хазарскому царю путь, который тот искал. Путь к власти – через религию.

Шенде Аронов (скептически). Да, в фантазии профессору Эммануилову не откажешь. Но там, где слишком много фантазии, кончается история. Это тоже неплохо бы усвоить.

Иосиф. Именно поэтому... В конце концов, надоело быть флюгером и поворачиваться туда, куда дует ветер! Дожив до тридцати пяти, я так и не узнал, кто же я на самом деле, в какой земле мои корни... Именно поэтому, отец, я решил узнать это сам.

Шенде Аронов. Каким же образом?

Иосиф. Я узнал, что Саудовская Аравия предоставляет пять самолётов для дагестанцев, желающих совершить паломничество в Мекку...

Шенде Аронов. Я тоже слышал об этом. Ну и что? Никак ты в Мекку собрался?

Иосиф. Я собрался не в Мекку, а в исламский центр, где записывают желающих.

Шенде Аронов (встревожено). И как тебя приняли?

Иосиф. Прогнали. Тогда я сунул им кипу газет с твоими статьями, стал доказы-

вать, что тоже имею право на паломничество... Сунул паспорт, в котором записано, что я тат. Не горский еврей, а тат.

Шенде Аронов (тихо, с мрачным предчувствием). А они?

Иосиф. Тебе ещё не ясно, отец? Посмотри на меня... на мои повязки... на швы под бинтами... Просто я лишний раз понял, что бьют не по паспорту, а по физиономии. Вот и всё, отец... Вот и всё.

Шенде Аронов (сокрушённо). Ах ты, господи... Тебе же не семнадцать, Иосиф, тебе – тридцать пять... Ну как можно?... Это же глупо... наивно...

Иосиф. Зато – наглядно.

Шенде Аронов. Перестань!

Иосиф (печально). Ты не поверишь, отец, но я даже рад, что так вышло. Я же сам спровоцировал драку... И когда меня били... когда на меня со всех сторон сыпались удары... кроме боли, я чувствовал, как из меня выколачивают скопившуюся за годы ложь... засевшее в душе предательство...

Шенде Аронов (убитым, голосом). Какое предательство? О чём ты, Иосиф?

Иосиф. Только что ты упрекнул меня, что я ничего не знаю о своём народе, о своих предках... Это верно... И, может быть, в этом есть доля моей вины. Но главное в другом... Я очень хорошо помню моего деда... (Внезапно ослабевшим голосом). Моего замечательного деда Беньямина... (Договаривает почти шёпотом). Какое счастье, что, он у меня был...

Шенде Аронов (испуганно). Ты побледнел, Иосиф! Не будем сейчас об этом. Отдохни немного, сынок... Мы слишком много говорим... Тебе нельзя...

Иосиф. И правда, что-то голова закружилась...

Шенде Аронов (в сердцах). Какой же я всё-таки идиот! Тебе плохо, а я со своими разговорами... Старый осёл! Ну, надо же быть таким кретином...

Иосиф. Не волнуйся, отец... Сейчас пройдёт... Там минералка, дай, пожалуйста, попить.

Шенде Аронов (в сильном волнении откупоривает бутылку, наполняет стакан). Выпей, сынок. И на этом закончим. Я провожу тебя в твою комнату, ты отдохнёшь...

Иосиф (отпив несколько глотков). А плов? Мы же ещё должны попробовать мамин плов... (С улыбкой). Сам же говоришь, что он восстанавливает боевой дух...

Шенде Аронов. Ты ещё можешь шутить...

Иосиф (отпив ещё несколько глотков, ставит стакан на стол). Правда, стало легче. **Шенде Аронов** (с готовностью). Так я позову маму? Пусть несёт плов.

Иосиф. погоди, отец. Когда нам ещё удастся так славно поговорить?.. Как мужчина с мужчиной... Всякий раз, когда мне хотелось с тобой поговорить, что-то останавливало... Какой-то внутренний барьер... И нужен был большой разбег... Кажется, сегодня я этот разбег сделал... (Пауза). Так вот, о предательстве...

Шенде Аронов (умоляюще). Может быть, всё же не надо?..

Иосиф (настаивая). Нет, надо... (После паузы, задумчиво). Мне казалось, что я люблю деда больше всех своих близких... даже больше тебя и мамы. А получилось... (Резко). Только, пожалуйста, не перебивай, отец. Я должен договорить. (После паузы, с чувством). Да, мы с дедом были большими друзьями... Вы даже не знаете, ка-

кие у нас с ним были тайны... Однажды, когда никого не было дома, я стал копаться в его столике, где лежали курительные принадлежности – трубки, зажигалки, табак... По-моему, тогда мне было лет семь или восемь... И вдруг вошёл дед...

Звук меняется. Акустика воспоминаний. Голоса звучат как бы в отдалении, затем приближаются.

Дед Беньямин (удивлённо). Иосиф?

Иосиф-ребёнок (испуганно). Я, дедушка... Ты не думай, я просто так... Хотел посмотреть твою новую зажигалку...

Дед Беньямин (добродушно). Разве ты не знаешь, что новую зажигалку я ношу с собой?

Иосиф-ребёнок (растерянно). Знаю...

Дед Беньямин (смеётся). Даже соврать не можешь. Да ты не бойся. Скажи честно, ты уже пробовал курить?

Иосиф-ребёнок (виновато). Я не смог зажечь твою трубку.

Дед Беньямин (весело). Хочешь попробовать?

Иосиф-ребёнок (с недоверием). Ещё бы!

Дед Беньямин. Хорошо, я тебе дам.

Щелчок зажигалки. Слышно, как маленький Иосиф втягивает дым и тут же закашливается.

Иосиф-ребёнок (после отчаянного кашля). Фу, какая гадость!

Дед Беньямин. А ты думал, это очень вкусно?

Иосиф-ребёнок. Но почему взрослые курят?

Дед Беньямин. Дурная привычка. У взрослых много дурных привычек. И не всем нужно подражать. Ты знаешь, если бы я снова стал молодым, я бы никогда не начал курить. (Вздыхает). Но, к сожалению, молодость на базаре не продают...

Голоса уходят на второй план. Возвращается акустика реальности.

Иосиф. В детстве так хочется почувствовать себя взрослым. Но тебе всё запрещено. Всюду одни «нельзя». Дед это понимал. И, надо сказать, при нём запрещённое утрачивало свою привлекательность.

Шенде Аронов (неодобрительно). По-моему, он и водку давал тебе пробовать.

Иосиф (с улыбкой). Было и такое. Вы же с мамой могли только наказывать, а дед...

Ты помнишь тот случай, когда я переколотил всю мацу, которую испекла бабушка к празднику Нисану?

Шенде Аронов. О, это было ужасно и непонятно. Восьмилетний ребёнок врывается в комнату, где лежит ворох готовой мацы, и начинает топтать её ногами!

Иосиф. Ну и досталось мне тогда... Мама кричала. Бабушка плакала. А ты колотил меня веником.

Шенде Аронов. А что было делать? Тем более, мы не понимали причины.

Иосиф. Да, я только деду признался, почему это сделал. Он забрал меня к себе, и я, рыдая, рассказал ему о страшном открытии. Мальчишки в школе сказали, что ев-

реи добавляют в мацу кровь чужих детей. Они отслеживают детей и убивают. Это меня так потрясло. (После паузы). Тогда впервые дед заговорил со мной о евреях...

Акустика воспоминаний.

Дед Беньямин (успокаивая плачущего внука, с горечью). Эту басню про кровь ребёнка придумали враги еврейского народа.

Иосиф-ребёнок (сквозь слёзы). Фашисты?

Дед Беньямин. Нет, ещё до фашистов. Очень-очень давно...

Иосиф-ребёнок. А зачем?

Дед Беньямин. У евреев всегда было много врагов, и они умели хорошо работать. А на земле всегда находятся правители, которые хотят, чтобы на них работали другие. Евреи тогда жили в Египте, стране, где очень жарко и много пустынь. Правители Египта решили сделать евреев своими рабами. Они стали убивать евреев, чтобы вселить страх в души тех, кого оставляли живыми. Они хотели их сделать покорными и безответными. И тогда пастух по имени Моше решил увести евреев из Египта.

Иосиф-ребёнок. Он тоже был еврей?

Дед Беньямин. Да, конечно. Но он не сам нашёл такой выход. Это подсказал ему Бог.

Иосиф-ребёнок (недоверчиво). А разве Бог есть?

Дед Беньямин. Послушай, что было дальше. Евреи так торопились уйти из Египта, что в спешке не успели даже испечь хлеба себе на дорогу. Очутившись в пустыне, они стали печь на раскалённых солнцем камнях плоские лепёшки – мацу. С тех пор прошло много-много столетий, но и до сего дня все евреи празднуют освобождение из египетского рабства и в память об этом каждый год в месяце нисан пекут мацу. Никакой крови, конечно, там нет. Это враги стали распространять такую молву, чтобы опорочить евреев.

Иосиф-ребёнок. А когда евреи ушли из Египта, враги не организовали погоню?

Дед Беньямин. Конечно, организовали. И чуть было не догнали евреев. Они как раз в это время вышли к морю, и им некуда было бежать. Но их предводитель Моше поднял свой посох, воды расступились и пропустили евреев. А когда египтяне ринулись за ними, воды моря снова сомкнулись, и всё египетское войско погибло. Вот и скажи теперь, мог ли Моше, простой пастух, совершить такое чудо? Это мог сделать только Бог.

Иосиф-ребёнок. Так значит, он есть?

Дед Беньямин. Этот вопрос каждый должен решить для себя сам. Но я знаю одно – без Бога люди погибнут.

Пауза. Снова акустика реальности.

Иосиф. Тогда я ещё не знал, что за свою веру мой дед был арестован, сидел в тюрьме. В доме почему-то об этом не говорилось.

Шенде Аронов. Не говорилось о многом. И не только в нашем доме... Не говорилось о родственниках за границей. Не говорилось, был ли в плену. Не говорилось о родителях, если они были репрессированы большевиками. И, конечно же, не гово-

рилось о вере, тем более, иудейской... Страшно было об этом говорить. Страшно за детей, внуков... Поэтому все всё скрывали.

Иосиф (с усмешкой). КГБ было начеку.

Шенде Аронов. Это их работа, сынок...

Иосиф (жёстко). Да, и у нашего деда были с ними свои счёты. Знаешь, когда я узнал, что его сажали в тюрьму? В день, когда мне исполнилось шестнадцать, и мы с дедом пошли получать мой первый паспорт. Тот, где я ещё был записан горским евреем... В паспортном отделе дед сам проверил все записи в моем паспорте...

Акустика воспоминаний. Слышны голоса людей – работников и посетителей паспортного отдела. Начало дальнейшей сцены происходит на этом фоне.

Дед Беньямин. Так. Посмотрим, что они здесь написали... Фамилия... Так... Имя... Так... Дата рождения... Всё правильно. Место рождения... Дагестан... Правильно. Национальность... (Подчёркнуто торжественно). Горский еврей! (С чувством).

Поздравляю тебя, Иосиф! Всё-таки дожил я до того дня, когда мой внук стал взрослым. Желаю и тебе, Иосиф, дожить до такого счастливого дня... Пойдём домой, отметим этот праздник. Бабушкин плов, наверное, уже готов...

Иосиф-юноша. Пошли, дедушка.

Уличные шумы. Голоса прохожих. Смех. Размеренные шаги деда Беньямина. Но вот они начинают замедляться, останавливаются.

Иосиф-юноша (удивлённо). Ты чего остановился, дедушка?

Дед Беньямин (напрягшись). Погоди-погоди, Иосиф... Ты видишь этого человека?

Иосиф-юноша. Какого, дедушка?

Дед Беньямин. Идёт по той стороне улицы...

Иосиф-юноша. Этот старик в зелёном кителе и сапогах?

Дед Беньямин (неожиданно жёстко). Да, он родился в зелёном кителе и сапогах.

В них же, наверное, и умрёт.

Иосиф-юноша (встревожено). Это твой знакомый?

Дед Беньямин (с затаенной ненавистью). Это мой знакомый, Иосиф... Это мой очень хороший знакомый... (что-то замыслив, решительно). Иди домой, Иосиф... Я должен немного задержаться.

Иосиф-юноша. В чём дело, дедушка?

Слышны решительные шаги деда Беньямина. Следом за ним – шаги Иосифа.

Дед Беньямин. Прошу тебя, Иосиф... Не ходи за мной.

Иосиф-юноша. Ты куда, дедушка? Там же красный свет!

Дед Беньямин. Перед нами всегда горел только красный свет. Зелёного нам никто никогда не включал.

Иосиф-юноша. Но что случилось? Ты можешь объяснить?

Дед Беньямин. Отстань!

Торопливые шаги. Тяжёлое дыхание. Резкая остановка шагов. Слышно только тяжёлое дыхание.

Голос Прохожего (удивлённо). Беньямин?

Дед Беньямин (с ненавистью). Узнал?

Голос Прохожего (боязливо). Иди своей дорогой, Беньямин.

Дед Беньямин. (с недоброй усмешкой). Но ты же встал у меня на пути, негодяй!

Звуки двух звонких пощёчин. И плевка.

Голос Прохожего (испуганно, срываясь на визг). Ты что, Беньямин... Ты что?.. Уберите от меня этого ненормального старика!

Иосиф-юноша (потрясённый увиденным). Дедушка! Успокойся!

Голос Прохожего (удаляясь). Этот старик сошёл с ума... Он сошёл с ума...

Дед Беньямин (задыхаясь от ярости). Гадина... Надо же было встретить эту гадину именно в такой счастливый для меня день!

Иосиф-юноша (успокаивая). Прошу тебя, дедушка... Ну, успокойся...

Пауза. Тяжёлые, усталые шаги деда Беньямина.

Дед Беньямин (во власти своих переживаний). Сволочь...

Иосиф-юноша. Понятно. Хорошего человека ты бы не стал трогать.

Дед Беньямин (снова вскипая). А он?! Сколько судеб поломал этот подонок! Это он пытал меня, требуя, чтобы я признал себя сионистом. А я и знать не знал, что это такое... У них, в КГБ, был план – выявить и посадить в тюрьму определённое количество сионистов... Вот они и выявляли... Старались... Из кожи лезли... (После паузы). Прости, Иосиф, что так вышло... Такой сегодня хороший день... (После паузы, неожиданно). А знаешь, может быть, и лучше, что эта встреча произошла именно сегодня. Я же всегда был трусом, Иосиф... То есть думал о последствиях. Трус думает о последствиях и умирает сто раз на дню. (Вздыхает). Захотелось хоть раз почувствовать себя храбрым. Пусть храбрый и умирает только однажды. Сегодня я, кажется, не побоялся бы и умереть.

Акустика воспоминаний меняется на акустику реальности.

Шенде Аронов (подавленно). Ты никогда не рассказывал об этом, Иосиф...

Иосиф (не скрывая вызова). Не рассказывал. Потому что это связано с моим первым паспортом, который ты вскоре поменял на другой, где я был уже не горский еврей, а тат.

Шенде Аронов. Знал бы ты, чего это мне стоило.

Иосиф. Помню, как ты унёс из дома наш старинный персидский ковёр.

Шенде Аронов (вздыхая). Да. Но без такого паспорта тебя не приняли бы в московский университет, куда ты так стремился, сынок... Зачем учить еврея, если он всё равно потенциальный эмигрант!

Иосиф. Всё правильно, отец. Всё так. Но предателем я почувствовал себя именно тогда. И именно перед дедом. Потом, во время учёбы в Москве, это чувство вины заменил страх. Я боялся, что меня разоблачат, узнают, что я – еврей... С годами я стал привыкать к положению тата, такого экзотического горца, каким меня все считали... Настолько привык, что в какой-то момент сам в это поверил. И даже ни-

чего не стал объяснять Татьяне, на которой собрался жениться. Одно предательство породило другое...

Шенде Аронов. Погоди, сынок, погоди... Не нужно нагнетать. Условия жизни вынуждают нас идти на компромиссы, приспосабливаться. Почему – предательство? Способность приспосабливаться – не грех. Что помогло человеку выжить? Сохранить себя в вечно меняющемся мире природы? Огромные динозавры, например, не смогли. А люди... И к радиации... и к ядохимикатам... и к озоновым дырам. Ко всему привыкают... Это же великий дар, сынок, – умение приспособиться.

Иосиф. Пока это умение не переходит в предательство. Есть же порог, за которым начинается перерождение личности. Я много думал об этом, отец. Ведь человек приходит на землю не голым и босым – на нём уже есть незримые одежды, которые могут защитить в непогоду. Это и родина, и родной язык, и национальность... Они даруются от рождения и на всю жизнь. А человек, вместо того, чтобы пользоваться этим богатством, разменивает его на призрачные блага, и, в конце концов, вовсе утрачивает себя, изначального. Превращается в кого-то другого и, как ни в чём не бывало, проживает не свою, а чужую жизнь. Попросту говоря, предает самого себя. Ты же называешь это компромиссом, умением приспособиться.

Шенде Аронов. Как всякий молодой человек, ты максималист, Иосиф. Ты предъявляешь очень жёсткие требования. Возможно, они оправданы по отношению к большой нации. Но мы говорим о нашем народе. О татах, которых всего несколько тысяч на земле. И если мы будем следовать твоим требованиям, мы не сохранимся как нация, исчезнем физически. Зачем далеко ходить? Посмотри на меня, на своего отца. Ты знаешь историю моего появления на свет?

Иосиф. Нет.

Шенде Аронов. У моих родителей, то есть у твоего деда и твоей бабушки, было восемь детей. Семеро появились на свет мёртвыми. Или умирали, не прожив и двух дней.

Иосиф. Что за злой рок?

Шенде Аронов. Биология. Мои же родители были близкими родственниками, двоюродные брат и сестра. Обычное дело для нашего народа, который таким образом пытался уберечься от ассимиляции, сохранить себя.

Иосиф. Вот-вот! А биология сопротивлялась и мстила. Ещё один порог допустимого компромисса! Пытаясь сохранить нацию, люди способствовали её вырождению!

Шенде Аронов. Наверное, ты прав, Иосиф... Но меня всё-таки удалось спасти! А знаешь, как? Сразу после рождения меня «потеряли». Вынесли в поле и бросили. На полчаса. А через полчаса мама меня как бы случайно нашла. Вроде бы не своего, вроде бы брошенного. Нужно было, как посоветовали старухи, перехитрить ангела смерти, витавшего над её детьми. Невероятно, но я выжил! Поэтому мне дали имя - Шенде, что значит по-татски «Брошенный»... К чему я это говорю. А к тому, что личный мой пример «чужой жизни» оказался спасительным. И вот я думаю, может быть вообще всему нашему народу, этому странному племени татов, не ведающему, где же его настоящие корни, тоже полезно переродиться? Зажить чужой жизнью?

Пауза.

Иосиф (проникновенно). Ты умный человек, отец. Я тебя очень люблю. Положа руку на сердце, ты веришь в то, что говоришь?

Пауза.

Шенде Аронов (сникшим голосом). Я давно никому и ничему не верю, сынок. Даже себе... Но когда ты вспомнил о деде... (презирая себя). Конечно, я знал, кто и для чего заказывает мне эту книгу. Знал, что за этим последует. По крайней мере, догадывался. Но ведь в стране, где царят несправедливые законы, там царит и хорошо отлаженная система самозащиты (с издёвкой). Благодарение Господу за то, что всё нужное не трудно, а все трудное не нужно!.. Система внутренней самозащиты работает у нас безукоризненно. Единственная работающая система в России... Чудовищная страна! Страна, в которой правители оказывались преступниками, а преступники – правителями... Страна перевертышей. Вчера за то, чтобы в твоём паспорте записали «тат», нужно было платить огромные деньги. Сегодня тебя насильно нарекают «татом», и ты опять платишь огромные деньги, чтобы остаться горским евреем и иметь возможность отсюда уехать!.. Так вот, я один из тех перевертышей, Иосиф!.. Твои слова о деде, моем отце, разбредили всю душу... Надоело умирать по сто раз на дню... И так захотелось пожить по правде, не думая о последствиях.

Иосиф (после паузы, с чувством). Это никогда не поздно, отец.

Шенде Аронов (устало). Нужно найти в себе силы... решиться... Раз и навсегда. Начать с того, что отказаться от авторства. Написать в газету, как делалась эта книга. Пусть все узнают... Человек я, в конце концов, или ничтожество!

Иосиф (жалая отца). Не будем об этом, отец... По-моему, мы нашли общий язык.

Шенде Аронов. Да, сынок...

Иосиф (не без озорства). А не пора ли перейти к плову?

Шенде Аронов (оживившись). Давно пора! Чего мы, в самом деле? Совсем забыли. (Зовёт). Эй, Хава, ты где? И где твой плов?

Хава (немедленно откликается). А я всё жду-жду, когда мои мужчины наговорятся... Плов давно готов. Прошу к столу, дорогие мои...

Пауза.

Автор. В народе говорят: работай, где нашёл работающих; кушай, где нашёл кушающих... Как бы хорошо сесть с нашими героями за стол, тоже поесть плова и поставить на этом точку. Надеюсь, конечно, что всё движется к своему благополучному завершению. Увы, воля автора чаще всего, к сожалению, не играет никакой роли. Выбрав героев, приходится считаться с их собственной волей и, лишь наблюдать за их поведением и поступками... Итак, посмотрим, что же происходит в доме писателя Шенде Аронова спустя два дня.

Звонок в дверь.

Хава (открыв замок). Это ты, Иосиф?

Иосиф (входя). Я, мама.

Хава (встревожено). Врач разрешил тебе выйти только на полчаса, а тебя нет уже два. В чём дело, Иосиф? Мы с отцом так волнуемся.

Иосиф. Он дома?

Хава. Дома, дома. Ждём тебя ужинать.

Шенде Аронов (из глубины квартиры). Здесь я, Иосиф, в кабинете. Ты почему задержался?

Иосиф (войдя в кабинет, с вызовом). Я был у профессора Эммануилова! Его выдворяют в Израиль!

Хава (удивлённо). Кто выдворяет? Почему?

Иосиф. Наверное, это лучше спросить у отца.

Шенде Аронов (возмущённо). Почему ты так разговариваешь со мной? Опять что ли хочешь поссориться? Откуда мне знать, кто и куда его выдворяет? По-моему, он только этого и добивался – свободы выезда!

Иосиф. Свободы! (повторяя, подчёркивает). Свободы, а не насильственного выдворения!

Шенде Аронов. Я не знаю, о чём ты говоришь. Я знаю – этот человек всегда был ненормальным. В его поступках никогда не было логики. Он же считает себя горским евреем? Так куда ещё ехать? В Мекку?

Иосиф. Но он куда ехать не хочет. Его заставляют!

Хава. Кто заставляет? Я тоже не понимаю, Иосиф!

Иосиф. Вчера к нему ввалились три типа и заявили, что покупают его квартиру. Профессор Эммануилов сказал, что ничего не продаёт. Придётся продать, сказали ему. Ваш дом в Израиле. И дали на раздумье двадцать четыре часа, либо он подаёт заявление на выезд, либо – пусть пеняет на самого себя.

Шенде Аронов (с негодованием). И почему это я должен знать, с кем и какие дела имеет этот человек? Может быть, это мафия? Всем известно, как они поступают с одинокими стариками, имеющими квартиры. Вынуждают подписывать дарственные, контракты на продажу и так далее и тому подобное... Сколько об этом пишут в газетах!

Иосиф. Но это не тот случай, отец.

Шенде Аронов. Ты в этом уверен?

Иосиф. Почему эти бандиты появились именно сейчас, после того, как ты...

Шенде Аронов (взрываясь). Ну что – я?! Что – я?!

Иосиф (спокойно). Ты ходил в КГБ... Ты пытался там объяснить, что твоя книга – фальсификация...

Шенде Аронов (резко). То, что обещал сделать, я сделал.

Иосиф. А что они ответили? Они ответили – поздно, голубчик. Книга издана... о ней знают... она поддержана в Москве учёными-историками. И ничего вроде бы изменить нельзя.

Шенде Аронов. Да, они так сказали.

Иосиф. Так вот, чтобы ничего не менялось, то есть, чтобы никто не мешал, чтобы ничего не менялось... Они же прекрасно знают, кто твой оппонент. Главный и единственный оппонент, которого можно бояться... И от которого нужно избавиться.

Шенде Аронов. В конце концов, этот Эммануилов – старый, больной инвалид.

В Израиле хорошие врачи. Он будет получать там приличную пенсию, лечиться... Чего ему ещё надо?

Иосиф. Чего ему надо? Знаешь, что он заявил этим типам? «Да, я думал уехать. Но теперь я точно никуда не уеду. Только затем, чтобы все знали... даже если вы меня уничтожите, я буду из могилы свидетельствовать о том же – антисемитизм в России живёт!»

Хава (в ужасе). Боже мой... Боже мой... Этот человек так и сделает... Я знаю его... Он не отступит... Нужно что-то делать... Нужно его защитить, Шенде...

Шенде Аронов (в ярости). Так иди и защити этого безумца! Ты же его хорошо знаешь! Могла даже когда-то стать его женой!.. Тогда отказала, не пожалела... Иди, пожалей сейчас!

Хава (с болью). Шенде... зачем ты так...

Иосиф (решительно). Хватит. Я пошёл.

Хава (растерянно). Иосиф... Куда ты, сынок?

Иосиф. Туда. К нему.

Поспешные, удаляющиеся шаги. Резко хлопает дверь.

Шенде Аронов (истерично). Ну чего ждёшь?! Иди за своим сыном! Догоняй скорей! Он ушёл! Ты тоже иди! Все уходите!.. Бросайте меня! (сорвавшимся голосом, сквозь рыдания). Бросайте... Я же от рождения... брошенный... брошенный...

Хава (плача и причитая). Все мы брошенные... Все мы – Шенде... Отыщет ли нас когда-нибудь наша мать?..

Пауза.

Автор. Хорошо бы теперь помолчать. Или хотя бы спрятаться за какую-нибудь сентенцию. Например: «Если ты пальнёшь в прошлое из пистолета, будущее шарахнет в тебя из пушки». Но это, если речь идёт о стране с нормальной историей, где есть и прошлое, и настоящее, и будущее. Но когда у страны непредсказуемо не только будущее, но и прошлое... Тут может быть только реальность...

Пауза.

Когда трое неизвестных снова появились в квартире профессора Эммануилова, они застали там и Иосифа. Когда Иосиф попытался вызвать полицию, его стали бить, и били до тех пор, пока... В протоколе медэкспертизы сказано, что удары тупым предметом по голове вызвали большую потерю крови... Скорая помощь, приехавшая спустя сорок минут, доставила потерпевшего в больницу, где, он, спустя ещё час скончался. Перед смертью Иосиф успел попросить родных, чтобы его похоронили на еврейском кладбище, рядом с могилой деда.

Звучит тихая погребальная мелодия скрипки.

ПОЭЗИЯ

на русском языке

АБРАМОВА Шушана

Я родилась в городе Баку в 1962 г. Мои родители выходцы из города Кубы. Окончила педагогический техникум, факультет дошкольного воспитания. Но где бы я ни училась, где бы ни работала, всегда искала применение своим творческим способностям, выпускала стенные газеты, рисовала, писала стихи и прозу.

В Израиле с 1999 года, живу в г. Акко и постоянно открываю для себя что-то новое.

Продолжаю писать, являюсь членом Союза писателей, выходцев с Кавказа. Увлекаюсь философией, психологией, много читаю. Очень люблю своих детей, стараюсь быть им и мамой, и другом.

Мой Ангел

Когда устану верить в суету,
Не потеряй меня среди толпы.
Наполни смыслом бред и пустоту
Как ангел мой, сошедший с высоты.

Апатия и тяжесть навалились
И лапой будто давят меня вниз.
Любовь, тоска – всё воедино слилось.
Спаси меня, хотя бы раз приснись.

Но ты, как тень, такой неосязаемый.
Являешься, когда забрезжит свет.
Как называть – чужой или любимый?
Ты вроде рядом, но тебя здесь нет.

Не дай с ума сойти и ошибиться.
Освободи дорогу, уходи.
Пора уже мне с призраком проститься.
Ты только мне немного помоги.

Что до меня, я становлюсь сильнее.
Мне всё равно – кто прав, кто виноват.
Оставим все притворства и сомненья.
Пойду вперёд, и нет пути назад.

За прошлое держаться я не буду.
Свой мир не обособлю от людей.
Из старой жизни всё я позабуду,
Сложив осколки от души моей.

Путник

Что ищет путник в этой пустоте?
В пыли тумана одиноко бродит.
Совсем недавно – город в суете.
Теперь с песком зыбучим в мрак уходит.

Сценарий мракобесия разыгран:
Ещё один «герой» оставил след.
В чём смысл? Кто проиграл? Кто выиграл?
Вместо ответа лишь невнятный бред.

На пепелище детские игрушки.
Усмешка от бессилья, душит боль.
А за верхушку проданные души
Превращены в безликих Мумий-Тролля.

Колокола давно уже застыли.
Расплата за грехи – вот сущий Ад.
Одно спасение – верить во святыни,
Почаще в небо обращать свой взгляд.

Росток зелёный, словно луч пробился,
Как символ жизни воскресит надежду.
А воздух перезвонами залился.
Заколосился травами безбрежно.

Подмосковье

Люблю! И всю жизнь восхищаюсь,
родным Подмосковьем весной.
Здесь даже луга и поляны
пахнут смолистой сосной.

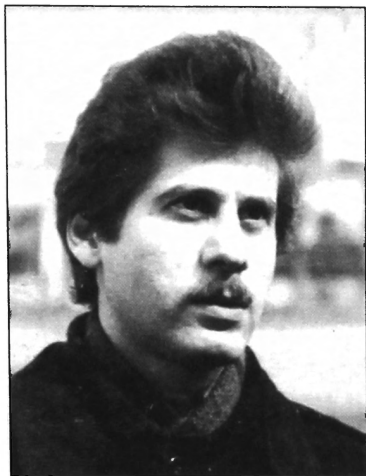
Несет между травами Истра
прозрачные воды свои –
Игриво уносятся, быстро,
согретые солнцем весны.

Вдали небольшая церквушка,
с загнившим крестом в облаках.
Свила там гнездовье пичужка
к приходу весны, второпях.

Задумчиво солнце садится
за ровной полоской лесной.
Березы, осины и липы,
колышут своею листвою.

А мне от разлуки с тобою
порою так хочется выть...
Как можно, Россия родная,
не помнить тебя, не любить!

БАКШИЭЛЬ Арон

Автор книги и публикаций в различных литературных изданиях. Член Союза писателей Израиля.

Вариации

1

Я не первый и не последний —
Где-то сбоку, и даже след не
Оставляет моя подошва.
О, бессонница песен! Groш вам
Всем цена. И цела страница.
Буквы пали пред кем-то ниц, а
Все покои мои объаты
Одинокством, словом «Я». Ты
Далека от моей постели.
Только память о бренном теле.

2

Наперед мы не знаем,
Что в яичке снесем.
С глаз падет пелена. Им
Вдруг откроется все.
И, как взятый с поличным
Вор, четыре строки
Взвоят говором птичьим.
Напою их с руки
И отправлю на волю
Голосить в небеса,
Сытых буквенной болью,
Словом «Адам» без «А».

3

Невзирая на скорость
Света, бьющего из
Жизни собственной, порознь
Мы врезаемся в лист,
Где живут человеки,
Там обретшие кров,
Превратившись навеки
В стихотворную кровь.

4

Хочешь, слово я дам и
Спелых букв семена?
Брось их в землю, когда мы
Удаляемся на

Вечность. Встретимся точно,
Ибо выдержан стиль,
И поставлена точка,
Оборвавшая стих.

09.2009

Гуш Катиф

Все в одной мы посуде.
Мене, текел, фарес.
Брысь, министры и судьи:
Спит премьер. И арест

Отменен. В полуговор
Правит век – гомосек.
Словно плоть мою повар,
Режет землю генсек.

Не на поле я брани
Пал – на поле вранья.
Жри, народный избранник, –
Ампутирован я.

2006

Час плача

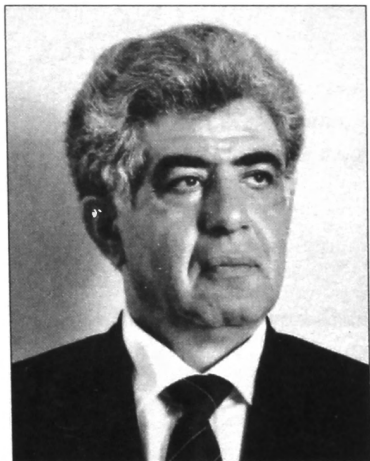
Георгию Аветикяну

Я уже воистину ничей
Отпрыск крови и по-царски нищий.
В государстве жертв и палачей
Лучше нет безлюдья, полой ниши.

Катится по свету колобок,
И пока нам не задули очи,
Будем слушать, как рыдает Б-г
Львиным рыком посредине ночи.

11.2009

ИЗГИЯЕВ Давид (Давид-Хаим Мюшкюри)

Коротко о себе.

На радость родителям, желавшим появления мальчика, 17 марта 1952 года родился я. Нарекли именем деда, Давид-Хаим Мюшкюри.

В непозволительно раннем возрасте, семи лет, отдали в школу. Не понравилось. Приказали. Заставили. Учился. Учился. Учился. В комсомол не приняли. Не вышел поведением. Закончил. Неплохо.

Призвали в Советскую Армию. Заметил, что из неё ничего путного не получится из-за большой разницы языка устава и языка офицеров. Язык офицеров освоил. Демобилизовался. Потерял два года.

Встал вечный вопрос «Что делать?» Я и физическая работа – несовместимы. Вынужден был поступить в университет. Студенческие годы. Много интересного. Есть что вспомнить. Получил диплом.

Женился. Повезло. Помог жене родить двух детей, сына и дочь. Доволен. Работал, не затрачивая физической силы. Что-то не удовлетворяло.

В 1995 году в поисках счастья приехал в Израиль. Искал. Не нашел. Ищу. Не нахожу. Слышу счастливые возгласы: «Вот, вот, уже где-то близко!» Буду искать...

Я балагур и я смутьян,
Любовью к женщинам я пьян,
Хмельное пить люблю вино,
Ведь нам двух жизней не дано.

Бриллиантов свечение темнеет,
Золотое сияние тускнеет,
И солнца свет становится скромней
Перед улыбкой любимой моей.

Любовь – огонь в крошечной тьме,
Девятибалльный шторм во мне!
Не испытал кто чувства пыл,
Сказать лишь может, что не жил.

С любимой жду с нетерпением встречи,
Чтобы обнять её нежно за плечи,
Чтобы услышать сердцебиение
В редкое счастливое мгновение.

С любимой жду с нетерпением встречи,
Чтобы услышать мелодию речи,
Весенней песни, что поёт соловей, –
Мелодию речи любимой моей.

С любимой жду с нетерпением встречи,
В эти короткие летние ночи,
Чтобы губами прикоснуться скорей
К нежным, алым губам любимой моей.

За ночь любви...

Устои морали пошлю я к чертям
За ночь любви с той, что в сердце живет.
Дьяволу душу за бесценок продам
За ночь любви с той, что в сердце живет.

Прыгну с Эльбруса в свободный полёт
За ночь любви с той, что в сердце живет.
Взойду без сомнения на эшафот
За ночь любви с той, что в сердце живет.

Про ЭТО...

(Или что предпочитают настоящие мужчины)

Люблю я кушать, я гурман, но ЭТО...
Люблю чудесное вино, но ЭТО...
Из всех земных соблазнов и страстных чувств,
Трижды предпочитаю чувство ЭТО !!!

Ты любима? Так радуйся любви,
Пока нам жизнь творцом дана.
Что жизнь сера, душою не криви:
В любви она – прекраснее вина.

Не желаю жизнью праведною жить,
Не желаю райской жизни неземной,
Я любить тебя желаю и ... любить
В жизни грешной, скоротечной, шепутной.

Дворцам предпочтение я не отдам,
Сырую пещеру сочту я за храм.
Душа моя от счастья поёт соловьем,
Когда любимая рядом. И мы вдвоём...

Мой друг, отзывчив будь к мольбам любви,
Что громче всех кричат тебе: «Живи!»
Кути с друзьями ночи напролёт,
Ведь наша жизнь – словно пули полёт.

Из далеких краев, уголков отдалённых,
Из чужих городов или аулов горных –
Куда б ни забросила нас дорога судьбы,
К любимой своей вернусь я на крыльях любви.

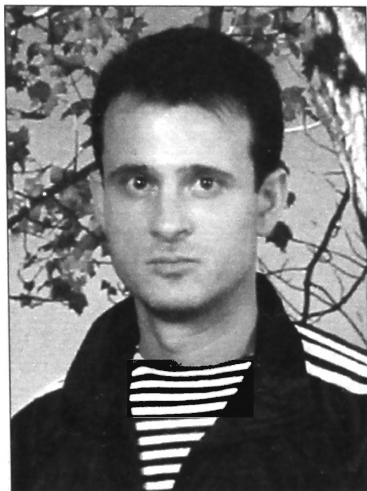
Прелести жизни доступны лишь тем,
И счастье познать дано только тем,
Кто нежно любим и сам кто влюблён,
Кто чувством любви судьбой наделён.

Быть идеальным большая честь,
Когда соблазнов вокруг не счесть.
Принимай меня, какой я есть,
Ведь даже на солнце пятна есть.

Друг, цени при жизни мать свою:
В скорбный час печальных похорон,
Как ни плачь у бездны на краю –
Не услышан будет сердца стон.

Не возлагай надежд на мир иной:
Ада там нет, рая – тем более нет!
Живи, чтобы жизнь не прошла стороной,
Возврата «оттуда» - тем более нет!

ИЛЬЯГУЕВ **Роман**

Родился в Дербенте в 1968 году. Окончил Ростовский институт инженеров железнодорожного транспорта. В 1998 году репатрировался в Израиль.

До недавнего времени даже близкие друзья не знали, что уже много лет он пишет стихи. Впервые его стихотворения были опубликованы в Израиле, в городской газете «Новый мир».

В своём творчестве Роман пытается передать своё мироощущение, мировосприятие, пофилософствовать о смысле жизни, о любви.

Последний февраль

Ветер гудит в проводах, непокорный
Поезд готов мчаться вдаль
Ты одиноко стоишь на платформе
Воет метелью февраль

Ты всё стоишь отрешённо, но слёзы
Медленно льют по щекам...
Эти прошедшие сладкие грёзы
Нет, не вернуть больше нам.

Поезд уходит, уходит, уходит
Мне не вернуть прошлых дней
Ветер тоскливую песню заводит,
Напоминая о ней!

Ветер гудит в проводах, непокорный
Поезд несёт меня вдаль
Мне никогда не забыть тот далёкий
Нашей разлуки февраль.

04.08.2009.

Твои слова

Твои слова то бьют, то глядят
То патока, а то – булат
Порою пламенные речи
Ты произносишь невпопад.

Твои слова как гром, как буря
Как трехметровый снежный вал
Как обезумевшая пуля,
Что убивает наповал.

Они порой разят сарказмом,
Лавиной страсти иль тоской
И вдруг негаданно нежданно
Вновь заискрятся теплотой.

Ты иногда пилишь пилою,
А иногда ты словно мёд.
Но чаще, будто заводная,
Строчишь, как жаркий пулемёт.

Ты для меня бываешь музой,
Бываешь пламенем в ночи.
Когда ж впиваешься занозой,
Молю я тихо: «Замолчи!»

Твои слова мне сердце ранят,
Пронзают мозг мой, как игла.
Но вопреки всему с тобою,
Я не расстанусь никогда.

9.12.2008.

Разве сердце заставишь молчать,
Разве скажешь сердцу: «Довольно!»
Оно будет любить и страдать,
Хоть так тяжело ему и так больно.

В это день я хочу быть с тобой,
Быть с тобою одной, как и прежде.
Неужели вдруг стала другой?
Не лишай же меня ты надежды.

Из мелочей вырастают не мелочи.
Милые девочки, сильные мальчики!
Зорко следите за юными всходами
Зла и добра, восхищенья и зависти!

Будьте красивыми, смелыми, добрыми.
Зло и корысть вырывайте без жалости.
Чтоб перейти грань меж светом и тенью
Людам хватает такой сущей малости...

КОЗАКОВА Маргарита

Я родилась, росла, воспитывалась и училась в славном волжском городе Самара (Куйбышеве). Окончила филфак (как хорошая еврейская девочка – для мамы), но по специальности почти не работала, потому что с детства мечтала о музыке и театре. Переехав в 1991 в Израиль, начала искать себя именно в этой области, работала в частных театрах, организовала свою маленькую труппу. И кто бы мог подумать, что через много лет мне вдруг пригодятся мои филологические знания и журналистские навыки (мама была права, спасибо маме). Вот уже почти пять лет я работаю заместителем редактора моей любимой «Кавказской газеты». И пишу. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что писала я всегда. Писала юморески, фельетоны, сценарии, стихи и тексты песен. Всё это довольно успешно исполнялось со сцены, но я даже и не думала свои опусы публиковать.

Однако под давлением коллег по работе я всё же поместила в «Мирвори» №2 свои стихи и переводы и так вошла во вкус...

Стоило оно того или нет, решат, как всегда, читатели.

Вопрос к графоману

Зачем ты пишешь, милый человек?
Ужель тебе не жаль марать бумагу?
Ведь труженик выращивал леса,
Земля дарила им живительную влагу,
А солнце – свой бесценный свет,
Чтоб лист бумаги получил поэт,
Учёный, композитор, школьник...
На ней могли бы напечатать «стольник»,
И он принёс бы пользу...

А от «потуг» твоих один лишь вред
Тому, кто вынужден читать
Сей графоманский бред.

Признание «доброжелателям»

Я вас люблю, вы мне необходимы,
Без вас не представляю жизни ход,
Хоть вами я активно нелюбима,
А мною вы – совсем наоборот!

Общаться нам приходится нечасто,
Достаточно, что вы на свете есть.
Вы есть! И ваша нелюбовь так страстна
И так сильна, что делает мне честь!

Я вас люблю тем глубже, тем сильней,
Чем больше нелюбви вы излучаете.
Как жаль, что вы в пылу своих страстей
Моей любви совсем не замечаете.

Завистники мои! Живите долго вы!
Пусть зависть ваша будет не напрасна!
Локально вы не так уж и вредны,
Ну а глобально – вовсе не опасны.

Чем больше вас, тем выше мне цена,
Чем вы активней - тем дороже стою.
Вы дали мне почувствовать сполна,
Как нравится мне быть самой собою!

Вдохновение

Заискрилось и обнадёжило,
Заблестало и растревожило,
Набежало и раззадорило,
Захлестнуло ...и обезвовило.

Просветлило и одурманило,
Подманило и заарканило,
Взбудоражило, заморочило,
раскрутило и раскурочило,

Заметелило и завьюжило,
Заморозило и застужило,
Загорелось и завулканило,
Обожгло, иссушило, изранило...

Растоптало, подмяло, выжало,
Отшвырнуло и обездвижило,
Покуражилось и отхлынуло,
Отлегло, отпустило...
Сгнуло...

В нашей прихожке
нагадили кошки –
какая, в сущности, ерунда.
Время мчится
вихрястым аллюром:
тик – года, так – года...
Вот беда!

В злобе иль в шутку
запущена «утка»?
Да пусть летит себе,
тварь пернатая!
Текут пересуды,
не зная запруды:
лепи, знай, сплетник,
горбатого!

И опять я люблю не того,
И опять я бегу не туда,
И опять мне в затылок лучом
Путеводная долбит звезда.

Для тех, кто понимает...

У меня с тобою диссонанс!
Убегу в далёкий унисон,
Где в безудержный любовный транс
Вновь погрузит старый Мендельсон.

Вновь фортиссимо! И вновь литавров медь
Скрипок звук волшебный перебьёт.
Вновь мой долгожданный унисон
По стеклу железом проскребёт.

Молитва

О Господи, Владыка всей земли!
Не часто обращаюсь я с мольбою –
Ты сильный мне характер подарил,
А также нрав крутой, стальную волю.
С проблемами справляюсь я сама,
По мелочам тебя не беспокою,
Иду вперёд, препоны все круша,
И стены пробивая головою.
А вот сейчас молю Тебя: «Не тронь
Не разрушай того, к чему стремилась,
Не убивай того, что в светлый миг
В душе моей навечно поселилось.
Не отнимай всё то, чем я живу,
Не налагай карающей десницы.
Я не останусь пред тобой в долгу:
За всё, за всё воздам тебе с торицей!

Ты видишь, не прошу я: «Дай!»
Молю лишь об одном: «Не отнимай!»

ПЕЙСАХОВА- МИГИРОВА Галина

Родилась в Махачкале. С 1993 года Галина живёт в Израиле, в г. Холон. Её стихи были опубликованы во всех выпусках альманаха «Возвращение в Сион», в альманахах «Мирвори» № 4-5.

О себе и о своём творчестве пишет:

- Бытует выражение «сочинять стихи»... А я не сочиняю, я их просто пишу, и вижу между этими понятиями большую разницу. Каждое моё стихотворение – это изложенные на бумаге мысли, записанная, а не «сочинённая» история. Все мои стихи проходят через моё сознание, память, душу и сердце... Возможно, я пишу не на профессиональном уровне, но стараюсь делать это просто и доступно.

Многие мои стихи посвящены родителям. Может быть, в силу обычаев и традиций горских евреев, у меня особое отношение к ним, к памяти о них. Я рассказываю в своих стихах о самых святых, самых дорогих моему сердцу людям.

Двуликий Янус

О, всемогущий Бог, двуликий Янус.
Он сразу милосерден и жесток.
Ничтожество, преступность и бездарность –
Всё спряталось за ним, как за щитом!

Сегодня очень модно «верить в Бога»,
И тем оправдывать кощунство и разврат
Души ленивой, мелкой и убогой
И сердца зло, и ненависти яд.

Так крестоносцы в те века были
Во имя Бога проливали кровь,
Так «Инквизиция» в его Святое имя
Вершила строгий суд свой вновь и вновь.

А всемогущий Бог, двуликий Янус.
Он сразу милосерден и жесток.
Сегодня, забыв о христианах,
Лицом зловещим смотрит на Восток.

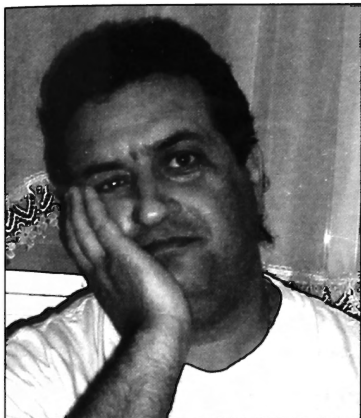
Сегодня уж не меч и не секира –
Оружие нынче пострашней. И вновь
Кровь льётся. И гремит, гремит над миром
К Аллаху – беспредельная любовь!

История не учит, к сожаленью,
Как избежать нам сей несчастный рок.
Жестокий Бог – живёт в своих твореньях!
Где ж обитает милосердный Бог?

Москва, Мадрид, Израиль и Нью-Йорк,
Кто жертв терактов сосчитать бы смог?
Сколь их, безвинных, в мире полегло?
Ужели свыше всё предрешено?

Сколь их в своём предсмертном «Помоги!»
Молясь, сгорели с именем одним,
Он не услышал их и не помог...
Где ж обитает милосердный Бог?

СИМАНТОВ Геннадий

В 1963 году родился (не по своей воле) в г. Баку. Практически с младенчества рос послушным и умным ребёнком, много читал. Через несколько лет (перед окончанием средней школы) выяснилось, что читал не то, поэтому, как большинство соплеменников дружно влился в ряды славных работников советской торговли и службы быта.

Женился по её (или моей?) инициативе, но неудачно. Родил дочь, что освободило меня от посадки дерева и строительства дома. Традиционным обчётом и обвесом занимался до 1991-го года, когда и понял, что без исторической Родины не могу (то, что «могу» понял позднее).

Родина была рада встрече со мной и на радостях одарила меня всем сопутствующим набором: машинкой, страховкой, поддельной, но всё равно дорогой водкой и чувством, что хоть меня и ждали, но не рады.

Неубедительно звучащую фамилию «Симандуев» сменил на дворянскую «Симантов», что, как выяснилось позже, стало моим самым большим достижением тут. В настоящее время вношу посильную лепту в процветание израильской торговли, страшно скучая по диким законам советской. Дочь служит в ВВС. Жена при мне (или я при ней?). Время до конца ещё есть...

Странно

К любви всегда стремился неустанно,
Но жизнь идёт, седины теребя...
Я вовсе не Фидель, но вот что странно –
Ужасно Кастро чувствую себя.

Скажу вам...

Пытаясь нежно Родину любить,
Как древние герои-Маккавеи,
В Израиле, скажу вам, можно жить.
Мешают только солнце и евреи.

Хочу!

Живу, как тля, судьбу кляня,
Но сохраняя чувство веры.
Хочу в Париж! Хоть на три дня!
Хоть раз не в качестве фанеры!

Царь природы

Я – царь природы? Непонятно...
Ведь мои главные стремленья:
Три раза в день поесть приятно
И раз в неделю – размноженье.

Каждому своё

Смотрю я в небеса и жду чудес,
Зажав в руке желаний список скромный.
Но на кого-то Б-г глядит с небес,
А на меня взирает – кукиш злобный.

Из народного...

В лечении болезней есть место для споров
И много решений в народной глубинке:
Лучшее средство от тяжких запоров –
Встретить медведя на узкой тропинке.

Мысли в магазине

Однако цены просто «ух ты»!
Но жрать-то надо всё равно...
Обидно, что берёшь продукты,
А переводишь их в г....

Несправедливо

Нету справедливости на свете!
Дарят, скажем, джин – забудут тоник...
Вот мечталось: буду кибернетик,
А подрос – и вышел гипертоник.

Ответ

В дурную глушь вопросы завели,
Но выдали единственный ответ:
Евреи – это соль Святой Земли,
А там, где много соли, – жизни нет.

Золушка. 50 лет спустя...

...а принц удачно сделал ноги,
Успев оформить тройню ей.
Бурьяном заросли дороги,
Где кучер гнал на бал коней.
Дворец, в котором всё случилось,
Ремонта требовал давно.
На днях буквально там открылось
Для новых русских казино.
Маманя мирно за оградкой
Под камнем прячет злость свою.
Она плюёт туда украдкой
И сеет рядом коноплю.
Сестричек крик слух не ласкает.
Всё просто, как в плохом кино:
Одна в дурдоме мух считает,
Другая в розыске давно...
Домишко, никуда не деться,
Стал неприветлив невзначай.

И лишь Кащей зайдёт погреться,
Или Яга на жидкий чай.
Соратник дней её печальных,
Сдох попугай по кличке Спайк.
И вместо башмачков хрустальных
У печки стоптанные «Найк».

Умный спор

Объяснял мне дикий «марокканец»,
Золотыми цацками звеня,
Будто не еврей я, самозванец,
Впрочем, как и вся моя родня.
Будто тут мы лишние, в натуре,
И хотя милы на первый взгляд,
Но своим стремлением к культуре
Просто тянем всю страну назад...
Хорошо ему, живёт без стресса,
Самомнение – как девятый вал.
Для него венец всего прогресса –
Это электрический мангал.
Я б хотел не знать Наполеона
И за овощ принимать манто,
А на все вопросы про Ньютона
Радостно кричать: «А это кто?»
И с натугой вспомнив Моисея
(пробовал забыть, но не сумел),
Утверждать от правоты синя:
«Он не манну, а муфлету ел!»
Я вспотею, долго объясняя,
Хоть труда бесцельней нет и злей:
«Видно, впрямь земля-то тут святая...
Кто приехал первым – тот еврей».

СОСУНОВ **Артур**

Родился в 1965 году в городе Дербенте ДАССР.

Стихи начал писать с 14 лет, по собственному признанию, сначала несерьёзные, потом всё более отчётливые и осмысленные.

После репатриации в Израиль в декабре 1990 года продолжал писать, хотя и намного меньше, чем когда-то. Последние несколько лет, в основном, занимается написание песенных текстов.

Склоните головы над павшими сынами

Памяти павших в терактах

Склоните головы над павшими сынами,
Слезой умойте лица и навзрыд
Молитву скорбную прочтите вместе с нами.
Народ измученный опять в огне горит.

Светла их память, лица не забыты,
Им поминальная свеча не догорит.
Творец наш посмотри, они убиты!
Не верим мы, что твой народ забыт.

Их души вознесутся над Сионом,
Прощальным плачем выполнив обряд,
И понесутся к тем шести миллионам,
Которых не вернуть уже назад.

Но мы сильны, в нас вера не убита.
Чтоб нам своей звездой воссиять,
Враг будет поражен мечом Давида!
Мы сможем свою землю отстоять.

К юбилею отца

Кто сказал, что старость – недостаток?
Кто сказал, что седина – порок?
Разменяв уже восьмой десяток,
Проживи для нас ещё с пяток.

Пусть судьба плетёт свои интриги,
Но ты стойким будь и будь готов,
Как велел Творец народу Книги,
Побеждать болезни и врагов.

Пусть невзгоды стороной промчатся.
О годах прожитых не жалея.
Цель одна – самим собой остаться
Для родных, для близких, для друзей.

Каждый новый день с хорошей вестью,
Пусть войдёт в твой дом, как чародей.
Дай нам Б-г, опять собравшись вместе,
Не один твой справить юбилей.

Воля

Я её упустил, приоткрыв дверцу клетки,
И грустил, что со мною бывает так редко.
Одиночества страх я познал с болью в сердце,
Никуда от него мне теперь уж не деться.

Ввысь за ней полечу странной птицей бескрылой,
И её отыщу в сером небе унылом,
Ухватясь за крыло пятипёрой рукою,
Я поймаю её и за пазухой скрою.

Для неё для одной изотру я колени,
Я молюсь на неё, да простит меня время.
Нет родней, нет милей. Но для многих мечтою
Проплывает она. И её имя – Воля.

Скорбь сестры

Незабвенному Роману Давыдову посвящается

Я ищу тебя в лицах прохожих,
Я ищу тебя в облаке белом,
На тебя хоть немного похожем,
Чтобы впрок насмотреться успела.

Мне бы думать, что где-то в дороге,
Ты считаешь свои километры.
Только сны мои, как по тревоге,
Пробуждают январские ветры.

Мне бы плакать, да где же взять слёзы?
Нету слёз, но и нету веселья.
Ты с собою забрал мои грёзы,
И справляешь один новоселье.

Я ищу тебя в каждом рассвете.
Не найдя, я не встречу заката.
Нету скорби сильнее на свете,
Чем потеря любимого брата.

ШАЛУМОВА Стелла

Родилась в Москве. По образованию химик (окончила МХТИ – Московский химико-технологический институт им. Менделеева), по призванию – художник.

С 1989 года жила и работала в США. В 2009 году репатрировалась в Израиль.

Член Творческих Союзов художников России, США.

Картины находятся в коллекциях Museit of European Arts, NY, Дом-Музей Марины Цветаевой, г. Москва, в центрах психологии (Канада, США, Россия), а также в частных коллекциях в Англии, Барбадосе, Германии, Голландии, Израиле, Италии, Канаде, Люксембурге, России, США, Украины, Швейцарии, Швеции.

* * *

Анфиладою комнат
Цепь случайных событий,
Кокафонией звуков
Логический хаос...
Не ждать с нетерпением
От жизни событий –
Стать течением реки,
Несмотря на усталость.
Поверить.

Жить в радости

Во лжи жить –
Никого и себя не любить,
Не видеть света истоков,
Не уметь читать между строк.

Во лжи жить –
Прогорклую воду пить,
Плесневелый хлеб есть,
Не знать где встать, куда сесть.

Во лжи жить –
Не уметь получать и дарить,
Не видеть солнца, комет,
Быть озлобленным на весь свет.

Можно не быть праведником,
Но можно сродниться с правдою.
Ночь тогда днём покажется,
И свет от тебя не откажется.

Каждая ночь будет лунная,
Радуга – семиструнная.
В радости – правда искрящая
И жизнь тогда – настоящая.

Иерусалим

Иерусалим.
Белокамен
И статен.
Город хамсы,
Стены и слёз.
Город молитв,
Обещаний,
Объятий,
Город надежд
И исполненных
Грёз.

Город Христа,
Мусульман,
Иудеев,
Город, вобравший
Стремления душ.
Город, где счастье,
Надежда и вера.
Город Любви
Всех отправленных
В путь.

* * *

*... не лови меня на вдохе...
.... не лови меня на букве...
(из беседы)*

Как сложно всё и как легко,
Как зыбко и проникновенно,
И начат день обыкновенно,
И снег на улицах лежит.

И ты идёшь своим путём,
И музыка в душе играет.
На небе солнышко сверкает,
И понимаешь – это жизнь.

Не ждёшь хулы, не ждёшь хвалы,
Бредёшь себе и напеваешь
Простой мотив. И представляешь,
Что где-то рядом ходишь ты.

В обычном дне, в обычный год
По улицам и переулкам
Шаги легки и эхо гулко,
И наша встреча – впереди.

Я не хочу ловить на вдохе,
Я не хочу ловить на букве,
Я не хочу ловить на слове,
Чтобы потом просить: «Прости».

Отдать хочу слова из песни,
и ноты я отдам из звуков,
И цвет любой из красок радуг,
и горизонт отдам. Возьми!

Сама отдам и взгляд, и чувство,
Восторг и радость, век и миг...
В «поймать» – мираж,
В «возьми» – искусство,
Ярчайшее искусство жить.

* * *

*...стать течением реки...
(из духовных практик)*

...стать течением реки
Под названием жизнь –
Вне сомнений, вне страха,
Вне «вверх» и вне «вниз».

Оглянуться вокруг:
Мир так светел и прост –
Лунный дождь,
россыпь трав,
и мерцание звёзд,

Освещающих путь
По течению рек.
Помни только одно
То, что ты – Человек!

Повторяй неустанно:
«Ну, ещё продержись,
на течение реки
под названием Жизнь.

Так держать!» А поток
Все сомненья снесёт
Боль разлук и обиды,
И горечь от слёз.

Впереди – горизонт,
Только радость и свет...
На извечный вопрос:
«Быть-не-быть?» – там ответ!

* * *

По трамвайным путям,
По троллейбусным нитям,
По с горбинкой мостам,
По камням площадей

Мы не видя друг друга
По улицам мчимся
Подгоняя возницу:
- Скорее, скорей!

Остановка ли встреча,
Остановка – разлука,
Остановка – свиданье –
Очарованность вновь?

Мы в окошко глядим.
И всезнающий ветер
Нам прошепчет: «Вот здесь
Остановка – любовь...»

* * *

Ты скажи себе: «Стоп!»,
Если вдруг перестанется верить.
Неудачи даны нам
Лишь в преддверье удач.
Это время сомнений
Поможет нам душу проверить –
Оглянуться вокруг,
Чтобы лучше себя нам понять.

Ты скажи себе: «Стоп!»,
Когда властвует зябкая стужа
И когда одиночество
Щедро накроет волной.
Вспоминай, что и к звёздам
Порою терниста дорога,
Но поможет любовь
Нам пройти этот путь непростой.

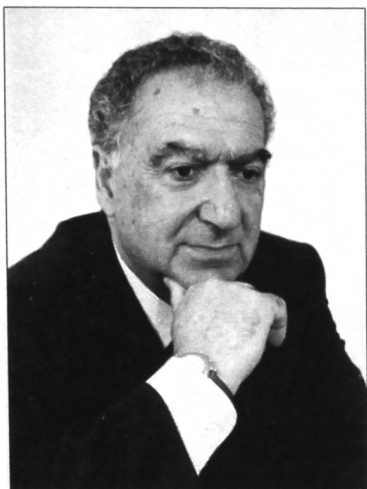
Ты скажи себе: «Стоп!»
За зимою последует лето,
Расцветут незабудки
В зелёной махровой траве.
И тропинка опять
Заискрится Божественным светом,
И отыщешь вновь радость
И счастье, и веру в себе.

ПУБЛИЦИСТИКА

на русском языке

АГАРУНОВ *Михаил*

Родился 4 декабря 1936 года в Баку. Высшее образование получил на химическом факультете Московского и Азербайджанского Государственных Университетов. С 1959 года работал в Институте Физики АН Азербайджана. Научная диссертация посвящена исследованию различных компонентов ракетного топлива.

В 1997 году утвержден в звании профессора Международной Энергетической Академии.

Последние 16 лет работает в области исследования истории развития культуры горских евреев, их языка и письменности. Является автором более 180 научных и публицистических работ, опубликованных в различных странах мира, в том числе монографии «Язык горских евреев». Участник многих международных научных конференций.

С 2004 года проживает в Израиле. Является членом Президиума Всемирного Конгресса горских евреев, Правления Международной Ассоциации «Азербайджан-Израиль», Союза горско-еврейских писателей Израиля, а также редколлегии «Кавказской газеты».

ПИСЬМО ДОЧЕРИ РАШИДА БЕЙБУТОВА – РАШИДЕ-ХАНУМ

Дорогая Рашида-ханум!

Чувство глубокой признательности к Вам за Вашу титаническую работу по увековечению памяти Рашида Бейбутова обязывает меня, пожилого уже человека, написать это письмо.

Я являюсь одним из многотысячного количества почитателей как самого Рашида Бейбутова, так и его творчества. В годы войны наша семья проживала в Куйбышеве, и я прекрасно помню, с какой гордостью мы, азербайджанские мальчишки, задирали носы, когда появился фильм «Аршин мал алан». Ведь тогда в России практически никто понятия не имел ни об Азербайджане, ни о его представителях. И вдруг вся женская половина страны не выходит из кинотеатров и жадно собирает фотографии сценок из этого фильма.

И надо же такому случиться, что в 1948 году мы вновь переезжаем в Баку и поселяемся в доме, в который через несколько дней после нас переехал жить легендарный Бейбутов! 643-ий квартал по Нижнебульварной улице. Сейчас это - улица Самеда Вургуну, дом 96.

В этом доме жили (наверное, Вы это знаете и без моего напоминания) довольно известные представители мира искусства Азербайджана: композиторы, музыканты, певцы, артисты драмтеатра и оперетты, художники, скульпторы. Вот неполный их перечень:

Барат Шекинская и Мехти Мамедов, Лейла Векилова и Афрасияб Бадалбейли, Джовдет Гаджиев и Амина Дилбази, Джангир Джангиров, Ашраф Аббасов, Сулейман Алескеров, Лютфали Абдуллаев, Алескер Алекперов, Агагусейн Джавадов, Борис Цекиновский, Мамед-Таги Багиров, Кямал Керимов, Микаил Абдуллаев, Газанфар Халыков, Фуад Абдурахманов и др.

Но Бейбутов... В те времена, когда он не вы-

езжал на гастроли, мы видели его практически ежедневно. Однако общаться с ним лично мне в те годы пришлось лишь дважды.

Мы, дворовые мальчишки, почти каждый год обновляли свою спортивную площадку. У нас там было волейбольное поле, нормально расчерченное, с вкопанными столбами для сетки. Волейбол – это было всеобщее дворовое увлечение. Пользовались площадкой иногда и взрослые. Так вот, каждый год мы, активисты двора, производили сбор средств (как правило, по 3-5 рублей с жильца) на обновление спортплощадки. Хочу привести примечательный факт. Рашид Меджидович открыл нам дверь и, узнав о цели визита, с улыбкой и добрыми пожеланиями выдал 50 рублей (а ведь у него тогда не было детей, да и сам он не пользовался услугами нашей спортплощадки). А вот другой сосед, также весьма знаменитая и почитаемая в республике личность, просто захлопнул перед нами дверь, хотя оба его сына были такими же мальчишками-спортсменами, как и мы.

Должен сказать, что жизнь Рашида Бейбутова, как и жизнь любой яркой звезды, всегда была окутана некоей таинственностью. Быт практически всех соседей – работников искусства был насыщен всякими семейными драмами. Мы – свидетели многому. Но никогда, повторяю, никогда никем не было сказано ничего лишнего в адрес Бейбутова. Случай довольно редкий, не правда ли? Ведь он – звезда первой величины!

Но вот из-за того, что Бейбутов не желал иметь собственного автомобиля, нет-нет да и стали поговаривать о его скупости. «Для чего мне машина? – говорил он, – ведь я же в Баку редко бываю», и это в то время, когда работники искусства, Бюль-Бюль и другие, имели по престижному ЗИМу. «Жадничает!» – говорили люди, и вот тогда я с возмущением доказывал любителям позлословить обратное, приводя вышеотмеченный факт со спортплощадкой.

Помню однажды, в дни, когда в Баку было очень тяжело с хлебом, Рашид Меджидович с балкона позвал меня и моего товарища подняться к нему на четвертый этаж. Бейбутов выглядел усталым и попросил нас съездить в гостиницу «Интурист» к директору ресторана за хлебом. «Он уже предупрежден и ждет», – сказал нам Рашид Меджидович. С какой радостью отправились мы выполнять это его поручение. Я тогда еще ни разу не отлучался так далеко от дома. А от нас до площади «Азнефть» шел трамвай № 12. Трамвай от больницы им. Семашко спускался по ул. Самеда Вургуня, заворачивал на ул. Бакиханова, затем по ул. Джафара Джаббарлы и Гуси Гаджиева шел до «Монолита», поднимался по Коммунистической до здания филармонии, а оттуда по ул. Чкалова (ныне ул. Ниязи) спускался до «Азнефти», где разворачивался и шел обратно.

Для меня, «маменькиного сыночка», было большой смелостью отправиться вечером в такое «дальнее» путешествие, пусть даже на одном трамвае, без пересадки. Мы доехали до «Азнефти», от «Азнефти» – пешочком до старого «Интуриста», получили буханку хлеба (сейчас такой хлеб называют «железнодорожным») и назад. Счастливые приходим к Бейбутову, бережно выкладываем хлеб и сдачу. Он нас смущенно поблагодарил (видимо, мы все же долго отсутствовали) и сдачу велел оставить себе. Я тогда не понимал такие вещи, и был крайне удив-

лен. Но мой товарищ не смутился и опустил оставшуюся сумму в свой карман.

В первые годы во всем нашем доме было только два телефона: у нас (отец тогда работал в ЦК Компартии Азербайджана) и у второго секретаря БК Сергеева Андрея Ивановича. В доме не было телефонного кабеля, и нам провели «воздушки». Соседи приходили звонить, в основном, к нам. То ли к нам было ближе (мы жили на 2-ом, Сергеев – на 3 этаже), то ли мы были более общительными людьми...

Очень часто позвонить заходили Барат Шекинская (она впоследствии сдружилась с моей матерью) и Лютфали Абдуллаев. Бывал и Бейбутов. Я в эти короткие минуты не общался с ним, но всегда, где бы мы ни встречались, он здоровался со мной. Не знаю, узнавал ли он меня, или у него была такая уважительная манера общения?

Не было ни одного его выступления, которое я пропустил бы. Причем у нас были самые лучшие места в партере. Видеть кумира и во дворе своего дома, и на сцене – что могло быть более радостным!

Я не очень хорошо владею азербайджанским: все же детские годы прошли в России. Но Бейбутова я понимал всегда. Его врожденный талант к языкам, потрясающе правильная и четкая дикция (Вы – его дочь знаете об этом лучше меня), затрагивающий самые глубины души тембр его голоса – все это и служило, по-видимому, тому, что его песни и каждое слово в них хорошо понимали во всех странах мира. Забегая вперед, скажу: мои однокурсники-китайцы из Московского университета говорили мне, что Бейбутов поет по-китайски без какого-либо акцента. Это я сам, своими ушами, слышал от друзей-китайцев. И впервые за долгие годы я прочитал в «Неделе» подтверждение этим словам. Мне всегда казалось, что об этом знаю только я. Ведь не у всех же есть друзья – китайцы.

Мы, соседи, знали, что Рашид Меджидович владеет довольно свободно грузинским и армянским. Но вот то, что Вы, может быть, и не знаете. Одно время нашим управдомом была пожилая женщина-еврейка (ашкенази) по фамилии Гаймонсен. Она нам как-то вполне спокойно, как само собой разумеющееся, сказала, что Бейбутов с ней разговаривает на идише. Возможно, он знал несколько фраз. Но главное, они друг друга понимали.

Все это мое длинное письмо преследует одну цель. Узнав, что Вы скоро привезете в Баку диски с записями всех песен Рашида Бейбутова, хочу быть одним из первых обладателей всех 12 дисков. В своё время я покупал все появлявшиеся в продаже бейбутовские грампластинки. А ведь тогда не было долгоиграющих, и на одной стороне грампластинки помещалось только одна песня.

Я давно уже не живу в том доме. Моя сестра переехала в Израиль, и я не знаю, что случилось с нашими старыми пластинками. Да и она не помнит. Жаль. А ведь у нас были пластинки с его песнями, которые не получили особого распространения, но которые я также слушал с удовольствием. Например, шуточные песни-легенды о молле Насреддине. Я до сих пор помню их тексты, который, если понадобится, перешлю Вам.

В молодые годы, учась в МГУ, я обожал свою землячку по имени Фарида. И как

меня выручала песня Бейбутова! Ведь сам я не осмеливался говорить ей, что в ее имени для меня «родные края, в нем отрада моя и моя молодая любовь».

Говоря о своих студенческих годах, всегда вспоминаю следующий эпизод. Как-то в сумерках мы шли пешком от Нескучного сада вдоль Москвы-реки к МГУ. Летний вечер располагал к сентиментальности, и вдруг (я даже не знаю, откуда в это позднее время, из какого динамика) полилась негромко песня в исполнении Бейбутова «Севгилим». Она только-только появилась, но студенты-бакинцы уже ее знали. Я пишу эти строки, и у меня от воспоминаний мороз по коже. Забыв обо всем на свете, я отошел в сторону, сел на какую-то скамеечку и не мог двигаться пока не дослушал, отрешенный от всего мира, эту песню до конца. «Севгилим! Севгилим! Так у нас в Баку любимую зовут. Севгилим! Севгилим! Так в тиши ночной влюбленные поют». Эта песня не только про любовь, эта песня еще и о моем любимом Баку. Очнувшись, я понял, что не я один находился в такой прострации. Гостья, не бакинка, удивленно смотрела на нас...

Бейбутов... Скольким людям на земле он возвращал спокойствие, счастье, когда они, будучи не в настроении, слушали его песни. Да и сейчас, в пожилые годы, когда довольно часто бывает подавленное состояние, вдруг, включив теле-

Михаил и Туран-ханум Агаруновы с семьей Рашида Бейбутова
(слева направо): Кямил Шахвердиев — зять, Джейран-ханум — жена,
Рашида-ханум — дочь, Рашид — внук.

визор, видишь и слышишь Бейбутова, и проходит все. Уже потом анализируешь: «Боже мой! Какое лекарство! Ведь 6-7 минут назад не знал, куда деваться, что с собой натворить! И как рукой сняло». Более того, не просто сняло, а стал видеть, что жизнь все еще прекрасна, что еще существует добро и любовь, что стоит жить дальше.

Да, да! Я это говорю Вам не потому, что Вы его дочь. Для меня подобным кумиром является Муслим Магомаев. Когда смотришь на людей в тот момент, когда они слушают песни в их исполнении, наблюдаешь удивительную картину. Люди сами не представляют, как они выглядят со стороны. У них завороченный, а иногда и просто «отрешенный» взгляд! А какое удивление, смятение, любовь, какая улыбка на их лицах! Лишь потом, заметив, что их исподтишка изучают, они смущаются: сами не желая того, они выдали на всеобщее обозрение, не по своей воле, а по воле исполнителя, самые глубинные свои чувства. Бесконечная любовь к самому певцу, и потрясающее обаяние его исполнительского мастерства – вот что отражается на их лицах. Бейбутовский голос, чувства, заложенные в нем, преобразуют слушателя. Это природный талант, это заложено с рождения!

Я не умею красиво писать. Но Вы, как дочь его, должны понять. Думаю, Вам много приходилось и от других слышать такие признания в любви к великому певцу и артисту.

Рашид Меджидович недолго был нашим соседом. Не помню точно, в каком году, по-моему, в 1956, он переехал в Дом науки на Приморском бульваре. Меня

Рашид Бейбутов с дочерью Рашидой

в то время не было в Баку, а соседи поговаривали, что ему выделили более просторную квартиру в связи с ожидаемым приездом в Азербайджан Раджа Капура. В своё время, Радж принимал Рашида на своей вилле. Не могло же правительство республики допустить, чтобы всемирно известный Бейбутов принимал гостя в двухкомнатной квартире! Может быть и так.

Но женился Рашид Меджидович, когда еще проживал в нашем доме. Должен сказать, что все удивлялись тому, какую аскетическую жизнь он ведет. Лишь иногда приходила его сестра, чтобы немного помочь по хозяйству. И вдруг в один прекрасный день (как принято говорить) у него на балконе появляется молодая красивая женщина. Все были поражены. Никогда Бейбутов себе этого не позволял. И только на следующий день мы узнаем, что Рашид Меджидович женился. Поговаривали, что виновницей этого счастливого события была жена Фикрета Амирова, замечательная Аида-ханум: Бейбутов женился на ее подруге.

Творческая дружба Рашида Бейбутова и Фикрета Амирова была нам хорошо известна. В течение нескольких лет мы слышали во дворе бейбутовский голос, отрабатывающий партии Балаша в период работы Фикрета Амирова над оперой «Севиль». Тонкие ценители искусства (я себя к ним не отношу, я говорю об именитых соседях) с удивлением отмечали, сколько же различных вариантов знаменитой арии Балаша мы все тогда услышали из окон 3-го амировского этажа. Конечно же, на премьеру пошли всем двором. По-моему, это было в 1953 году. Тогда же и родилась у Амировых дочь Севиль.

Концерты Бейбутова... Мы в восторге аплодировали, как только появлялся на сцене он, неотразимый, «лакированный». Аккомпанировал ему, по-моему, Фишман.

Как дорогую реликвию храню я программки-приглашения с фотографиями Рашида Бейбутова уже последующих концертов с его театром песни 1971 года. Несмотря на то, что этим программкам почти 30 лет, они сохранены у меня, как новые. Это уже зрелый Бейбутов, это уже – классика, он уже был более раскованным на сцене и пел в сопровождении оркестра! По этим концертам можно изучать азербайджанское классическое искусство.

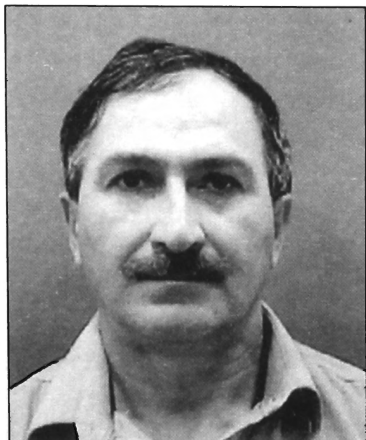
Я не смею их комментировать. Я хочу только одно: иметь их записи у себя.

Всего лишь 7-8 лет назад, будучи уже в солидном возрасте, я взялся за работу по увековечению памяти моего отца, занимавшего высокие руководящие посты как в Азербайджане, так и в Союзе, человека, сделавшего немало для развития культуры горских евреев Азербайджана. Мне удалось издать уже две его книги: «Большая судьба маленького народа» и «Татско-русский словарь».

Вы взялись за подобное дело, будучи в расцвете сил, молодой. Так дай Вам Бог еще больше сил на этом благородном поприще. Успеха Вам!

С уважением Михаил Агарунов, 10 апреля 2000 года

ДАВИДОВ Вячеслав

Родился в Москве в 1946 году.

Мать – горская еврейка, уроженка г.Куба.

Окончил Московскую консерваторию по классу гобоя. Работал преподавателем в московских музыкальных школах, училищах и в течение 15 лет на Военно-дирижерском факультете при Московской консерватории, где защитил кандидатскую диссертацию.

Репатрировался в 1991 году. Стихи начал писать в 25 лет. В Израиле подтвердил степень доктора искусствоведения и выпустил три книги стихов: «Союз двух муз» (1996), «Россия издалека» (1996) и «На своей земле» (2001). В 2007 году в издательском доме «Мирвори» вышла его новая книга «Очерки о культуре горских евреев в Израиле», а в 2009 году так же в «Мирвори» была издана его первая повесть «Любовь горца».

Регулярно публикуется в израильской периодической печати, альманахах и журналах. Активно занимается журналистской и краеведческой деятельностью.

Член Союза писателей Израиля с 1999 года.

С 2003 года является членом редколлегии и постоянным автором «Кавказской газеты».

ПАМЯТНИК МАМЕ

(Из цикла «Автобиографическая проза»)

Памятники бывают разные: величественные и скромные, сделанные из бронзы, камня или дерева. Но есть и другие памятники – нерукотворные, созданные посредством слова. Вспомним, как у Пушкина:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Вот и я хочу посвятить маме такой же памятник в слове и рассказать, кем она была для меня в жизни. Надо ли говорить, что мы обязаны матери не только своим появлением на свет, но и во многом становлением нашей личности. И хотя со дня смерти мамы прошло уже 18 лет, её образ постоянно стоит перед моими глазами и только вместе со мной уйдёт в могилу.

Моя мама Давыдова Маня Шумуновна родилась в 1926 году в г. Куба (Северный Азербайджан) в крупном поселении горских евреев Еврейская Слобода, которая при Советской власти была переименована в Красную Слободу. От матери я узнал свою родословную на протяжении трёх поколений. В середине XIX века в слободе поселился мой прадед Давид, принадлежавший, по всей вероятности, к группе выходцев из Гарчаи – Гаттаи. Собственно, от него и произошла наша родовая фамилия Давыдовы. У него было четверо сыновей, из которых мне известны трое – Шумун (мой дед), Пинхас и Исраиль.

Из трёх братьев больше всех прославился Исраиль, который попал в Краткую энциклопедию горских евреев Х. Абрамова (Хайфа, 2006). Вот что написано там о нём: «В юношеские годы был учеником сапожника, затем учился в кубинской партийной школе первой

степени, продолжил учебу в Бакинской партийной школе второй степени. Долгие годы был комсомольским работником, с 1932 года на партийной работе. В 1933-1934 годы был помощником начальника политотдела МТС по комсомолу. Благодаря хорошему знанию горско-еврейского языка был выдвинут на должность заместителя главного редактора газеты «Коммунист». Давыдов И. перевел на горско-еврейский язык пьесу «Надир-шах» Н. Наримова и пьесу «Айдын» Дж. Джабарды, много сделал для усовершенствования орфографии, грамматики и терминологии горско-еврейского языка. В 1937 году поступил в институт журналистики при МГУ в Москве. Давыдов И. участник Великой Отечественной войны. В последние годы долгое время был на партийной работе. Затем был переводчиком, редактором в издательстве «Азернешр».

Не от брата ли моего деда ко мне перешли литературные гены?

Дед Шумун был женат на красавице Одосо Ихииль, которая родила ему больше 10 детей (точное число неизвестно). Из них в живых осталось только шестеро: Захар, Мазалут, Сипро, Тамара (моя мама), Рая и самый младший Гавриил. Позже мама, названная Тамарой в честь своей бабушки, поменяла имя на Маню.

Дед был одним из самых состоятельных людей в Слободе, ему и Пинхасу принадлежали магазины, фруктовые сады, водяная мельница и пр. Когда в начале 30-ых годов прошлого века началась печально известная коллективизация, дед, будучи умным и дальновидным человеком, договорившись с Пинхасом, не стал ждать, когда у него отнимут собственность, а отдал её добровольно. Таким образом он избежал участи многих «кулаков», осужденных на вечную ссылку в Сибирь. Ему разрешили оставить дом со всем имуществом и даже предложили работу сторожа его собственного сада.

Однако после коллективизации деду Шумуну стало

1939 год. Мама в танцевальном костюме

трудно прокормить большую семью и перед войной часть детей он отправил в Москву, где мою маму определили в детский дом. №1 Мосгороно, располагавшийся близ станции «Правда» Ярославского направления Московской железной дороги. Сохранилась фотография, сделанная в Москве в 1938 году, на которой изображены мой дед вместе с ещё юной мамой, Сипро и Гавриилом.

Мама оказалась в подмосковном детском доме, и так случилось, что потом я удивительным образом повторил её судьбу. Мама училась с большой охотой и прилежанием, получала в основном отличные оценки, и в этом я тоже пошёл в неё. В годы учёбы мама увлекалась хореографическим искусством, любила танцевать народные танцы. На фотографии 1939 года она запечатлена танцующей лезгинку в мужском кавказском костюме. Мама мечтала стать профессиональной танцовщицей и поступить в студию ансамбля народного танца Игоря Моисеева, но начавшаяся в июне 1941 года война перечеркнула её жизненные планы. 9 июня 1941 года, всего за 13 дней до начала войны, она с отличием окончила семилетку, о чем говорит сохранившееся Свидетельство об окончании ею неполной средней школы при детском доме №1.

В годы войны мама жила в общежитии и вместе с населением принимала участие в строительстве оборонительных сооружений на подступах к Москве и санитарной помощи раненым. Но надо было думать о приобретении профессии, и в 1944 году она решила поступить в Московское ремесленное училище № 33, которое окончила спустя два года со специальностью «повар». Почему выбрала именно эту профессию? Чтобы быть ближе к продуктам и не умереть с голоду.

Однако в системе общественного питания мама проработала недолго: рядом с горячей плитой мучили боли в сердце. Поэтому она предпочла работать лоточницей, не отказываясь, когда было нужно, от работы уборщицей и посудомойкой. А в 1963 году из-за проблемы с сердцем мама стала получать пособие по инвалидности.

Летом 1945 года в одном из московских парков мама познакомилась с 20-летним русским солдатом-артиллеристом Петром Устиновым, вернувшимся после Победы домой в Москву. Они стали встречаться, в начале 1946 года поженились и поселились у родителей Петра, живших в частном домике в Сокольниках. Плодом их любви стал я, родившийся 6 октября 1946 года. Однако с родителями отца у мамы отношения не сложились. Они оказались антисемитами и требовали у сына сделать выбор: они или жена. Пётр выбрал родителей, и мама с маленьким ребёнком на руках оказалась в буквальном смысле на улице. Она обратилась в органы социального обеспечения за помощью, и там ей предложили отдать ребенка (т.е. меня) в детский дом. Мама согласилась на это при условии, что меня поместят в московский детский дом, и ей разрешат регулярно посещать меня. Её условие выполнили: я остался в Москве, и она часто приходила ко мне. Петр не стал разыскивать

маму и интересоваться моей судьбой; таким образом, я отца не знал, и в органах ЗАГСа меня записали на мамину фамилию – Давыдов.

Маме дали место в общежитии, а спустя несколько лет она вторично вышла замуж за электрика Валерия Кошанского и поселилась у него в коммунальной квартире в доме № 8 по Варсанофьевскому переулку, расположенному между улицами Жданова (ныне Рождественка) и Дзержинского (ныне Б. Лубянка). Когда мне исполнилось 7 лет, и настала пора идти в школу, мама захотела забрать меня из детского дома, но Валерий был против и отказался усыновить меня. Детей от второго брака у мамы не было, и в 1954 году она решила развестись с Кошанским.

В 1953 году меня перевели в школьный детский дом № 50, находившийся на Красноармейской улице недалеко от станции метро «Аэропорт». После развода со вторым мужем мама ещё раз обратилась в Мосгорсо с просьбой разрешить ей взять меня из детского дома, но ей не посоветовали этого делать, объяснив, что для ребёнка будет лучше, если он будет находиться на полном государственном обеспечении. Она всегда сможет навещать меня, а по выходным дням и в каникулы забирать домой. И, действительно, мама приходила ко мне в детский дом каждое воскресенье с обильными гостинцами и всегда угощала детей конфетами. После развода она стала иногда брать меня по выходным домой, и часто по дороге мы заходили к её старшей сестре Сипро, жившей в собственном маленьком домике по Авиационному переулку. Иногда я видел у неё своего деда Шумуна, как правило, корпящего над очередным томом Талмуда. А с 5-го класса я стал приезжать к маме

1963 год. Я с мамой

самостоятельно, и она любила хвалиться мной перед соседями по коммунальной квартире. Мама страстно любила природу и каждый мой приезд к ней использовала для поездок на электричке за город. Перед каждой такой поездкой она закупала множество продуктов, которые мы потом тащили за город на своих плечах. Излюбленным местом в Подмоскovie была станция «Правда», где прошли её юные годы. Я благодарен маме за то, что она на всю жизнь заразила меня любовью к природе...

В 1960 году, когда мне было неполных 14 лет, мама впервые повезла меня на свою родину в г. Куба. Позже я подробно описал эту поездку в автобиографическом очерке «На родине предков», опубликованном в 2008 году в 4-ом номере альманаха «Мирвори».

Удивительно, что за 23 года отсутствия на родине мама не забыла родной горско-еврейский язык, и бойко говорила на нем в Кубе. Наш дом хорошо сохранился в самом центре Красной слободы. Деду Шумуну, с радостью принявшему нас, принадлежала лишь левая половина двухэтажного дома, а правую занимала семья его брата Пинхаса, которого уже не было в живых. Но жива была его жена Батцион, которая каждое утро продавала семечки перед домом, где находился местный импровизированный рынок. Внутреннюю планировку дома я нашел весьма удобной и продуманной: на первом этаже располагались отдельная просторная комната, которую занимал дед, кладовка и открытое большое помещение, служившее кухней, где выпекался кавказский хлеб-лаваш. На втором этаже были две большие смежные комнаты, где мы и разместились. К ним прилегал длинный деревянный «балкон», с которого открывался чудный вид на крыши домов слободы, на реку Гудиял-чай и её крутой противоположный берег, вдоль которого протянулась азербайджанская Куба. Свои впечатления от первого посещения Кубы я позже выразил в стихотворении «На родине предков», написанном в 1998 году.

Но явилась иная картина –
Подходила Куба к Шах-реке.
За еврейской слободкой в долине
Пик Шахдага белел вдалеке.

В самом центре – наш дом деревянный,
В нем мой дед и родные живут.
Деда помню по юности ранней –
Как читал он в Москве свой Талмуд...

В жизни горских евреев лишь малость
Знал я нравы, обычай, язык.
Только странным всё время казалось,
Что знаком мне в Кубе каждый миг.

Сколько было прогулок нечинных
По горам, по лесам, по садам.
От моста мы по лестнице длинной
Поднимались наверх – к небесам.

И гора мне открылась оттуда,
Где покоились предки мои.
Близость кровную к жившим здесь людям
Ощутил я в душе в эти дни...

После этой, столь памятной для меня поездки я с мамой часто бывал в Кубе, присматриваясь к жизни горских евреев и прислушиваясь к их языку. Неоднократно я просил маму научить меня говорить по-еврейски, но она отвечала, что в Москве этот язык мне не понадобится, что я его все равно забуду, и что мне лучше учить английский, который может пригодиться в жизни.

Особенно мне запомнилось пребывание в Кубе летом 1972 года, когда я, глубоко тронутый любовью и вниманием мамы, сидя на балконе кубинского дома, посвятил ей стихотворение:

Когда я с мамой рядом,
Мне очень хорошо.
Хочу с большой отрадой
На жизнь смотреть еще.

Её задеть посмей-ка!
Ведь волею судьбы
Мать – горская еврейка
И родом из Кубы

Меня она, конечно,
Совсем худым нашла.
Вновь я укрыт сердечным
Теплом её крыла.

Хоть мама и сердится,
Ругается порой,
Пусть это ей простится,
Коль нрав её такой.

Всю жертвенность, внимание
Забывать я не смогу.
И выскажу признание:
Я век пред ней в долгу!

Летом 1974 года в составе туристической группы я совершил путешествие по Северному Кавказу и, восхищенный величественной кавказской природой, написал стихотворение «Кавказ», в котором есть строфа, посвященная маме:

Я горжусь, что в моих красных жилах
Льётся матери горская кровь.
О, Кавказ! Передать я не в силах
Всю мою к тебе в сердце любовь!

Живя в детском доме, я с 3-го класса начал посещать детскую музыкальную школу им. И. Дунаевского по классу гобоя, что встретило со стороны мамы полное одобрение. И, конечно, она была рада, когда в 1961 году я поступил в Музыкальное училище при Московской консерватории. Первые два курса я продолжал находиться в детском доме, с 3-го курса перешёл в общежитие, чтобы сохранить повышенную стипендию, полагавшуюся мне, как детдомовцу, а в 1965 году, после моего поступления в Московскую консерваторию, я переселился к маме.

Как настоящая еврейская мама, она жила только заботами и думами обо мне, никогда не унывала, не падала духом, старалась держаться весело, любила напевать собственные мелодии и нередко «воевала» с соседями, что несколько омрачало мою жизнь в коммунальной квартире. Жили мы на мамино пособие по инвалидности, мою стипендию и небольшую помощь дяди Захара весьма скромно. Мама прекрасно готовила и самым строжайшим образом следила за чистотой в доме, заставляя меня мыть руки по многу раз в день. Пределом её мечтаний была отдельная квартира, но им не дано было исполниться.

С 1969 года, после моего окончания (досрочного) Московской консерватории, мама предпочитала жить в Кубе, климат которой больше подходил для её здоровья. Я ежемесячно посылал ей из Москвы продуктовые посылки, а она обычно отвечала большими письмами, в которых давала мне свои материнские советы и наставления. Эти письма я до сих пор берегу и перечитываю как самые драгоценные реликвии.

В 1977 году мама заболела, я привез её в Москву и по совету врачей поместил в интернат для престарелых, поскольку она нуждалась в постоянном медицинском уходе. Интернат находился под Москвой, в деревне Филимонки Ленинского района, и я регулярно приезжал к маме с гостинцами, как когда-то она приезжала ко мне в детский дом. Хотя дорога до Филимонок была неблизкой (от станции метро «Юго-Западная» двумя автобусами), я радовался, видя, что мама находится среди столь любимой ею подмосковной природы.

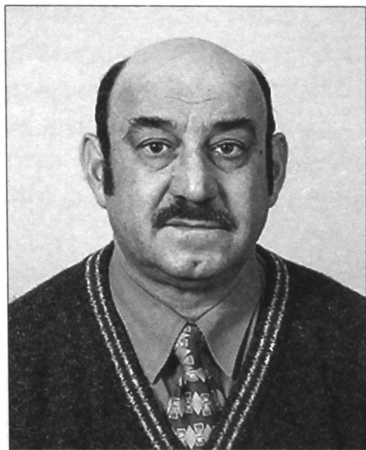
В Филимонках мама провела последние 12 лет своей жизни. Дважды привозили её на лечение в больницу им. Боткина, но это не помогло. Моя

дорогая мамочка скончалась от рака 29 октября 1991 года в возрасте 65 лет. На её похороны 1 ноября, несмотря на холодный ветер с дождём приехали дядя Захар и мои двоюродные брат Иосиф и сестра Мария. Однако похороны были неожиданно перенесены на другой день, 2 ноября. Родственники во второй раз не приехали, и мне пришлось провожать маму в последний путь одному. Мама была похоронена в Москве на Николо-Архангельском кладбище. Да почует её прах в мире!

Зная, что я с семьей собираюсь на постоянное жительство в Израиль, мама успела благословить меня. Перед нашим выездом 27 ноября 1991 года я в последний раз посетил мамину могилу и простился с ней. Спустя 16 лет, в 2007 году, я выпустил в свет книгу «Очерки о культуре горских евреев в Израиле», которую решил посвятить памяти мамы Давыдовой Мани Шумуновны, олицетворяющей мою связь с горско-еврейским народом. В 2009 году в том же издательстве «Мирвори» вышло второе, дополненное издание этой книги. Эпиграфом для неё я взял строфу из «Юбилейного» стихотворения, приуроченного, как и книга, к моему 60-летию (2006):

Горжусь я тем, что горская еврейка
Меня явила в этот мир земной,
Но так случилось, что с Россией крепко
Был связан я таинственной судьбой...

ИЛЬЯСОВ Павел

Павел Ильясов родился в 1948 году в городе Грозном. Окончил техникум, Грозненский нефтяной институт. В школьные и студенческие годы был членом редколлегии стенгазеты, а затем и редактором заводской многотиражки. Многие годы работал в системе нефтехимпрома в Грозном и Баку, куда переехал в 1975 году. Окончил курсы рабочих корреспондентов, являлся внештатным корреспондентом газеты «Вышка».

В 1990 году репатриировался в Израиль. Проживает в городе Наария. В Израиле окончил двухгодичные курсы по еврейской философии, еврейской истории и цудаизму. Имеет диплом лектора института гуманистического цудаизма.

Член союза писателей Израиля, постоянный автор «Кавказской газеты» и альманаха «Мирвори».

КЕМ МЫ БЫЛИ НА КАВКАЗЕ: СЛУЧАЙНЫМИ ГОСТЯМИ ИЛИ ДРЕВНИМИ ЕГО ОБИТАТЕЛЯМИ?

Размышления над страницами книги Дона Ихилова «Этногенез и древняя история горских евреев Кавказа».

Так кем же мы были на Кавказе? На этот вопрос и ещё на многие и многие вопросы, связанные с данной темой, можно найти обстоятельные, чёткие и толковые ответы в книге историка и краеведа Дона Ихилова «Этногенез и древняя история горских евреев Кавказа».

Начну с того, что сегодня каждый горский еврей может гордиться тем, что его история берёт своё начало с так называемого «ассирийского пленения». Это первая еврейская диаспора, возраст которой без малого 2700 лет!

Д.Ихиллов начинает своё повествование с момента пленения. Я же хочу вернуть читателя немного назад и напомнить, что после распада империи царя Давида в 928 году до нашей эры земельные наделы десяти колен, а именно колена Ашера, Нафтали, Звулуна, Иссахара, Менаше, Года, Эфраима, Дана, Реувена и Шимона вошли в Израильское царство. Колена Иуды и Бениамина образовали Иудейское царство.

Сильная ассирийская армия в течение трёх лет осаждала столицу северного Израильского царства. И лишь в 722 году до нашей эры Самария была взята, это произошло в девятый год правления еврейского царя Осии, который происходил из колена Иссахара. Из числа десяти Израилевых колен было пленено 27290 человек. Буквально все авторитетные историки сходятся на том, что депортирована была только элитная часть как из Израильского царства в 722 году до нашей эры, так и через 135 лет из Иудейского царства в период так называемого «вавилонской пленения».

Для того чтобы читателю был понятен

процесс самой депортации, приведу для сравнения пример из новейшей истории, а именно период сталинских репрессий 1936- 1939 г.г. Репрессиям подвергалась религиозная, партийная, военная верхушка, научная и творческая элита и руководители предприятий народного хозяйства. В течение порядка трёх лет активно проводились аресты партийных руководителей во всех регионах СССР, а мелкие служащие обкомов, горкомов и райкомов оставались нетронутыми. То же самое и в армии, во всех структурах народного хозяйства репрессиям подверглись руководители, а рабочие и мастера не подвергались арестам. Из населения СССР в 190 миллионов человек на 1939 год репрессировано было полтора миллиона выдающихся деятелей всех рангов.

По мнению многих учёных, в Израильском царстве происходили аналогичные процессы: пленению подверглись царские семьи и чиновники, служившие при дворе, аристократия, богатые землевладельцы, религиозные предводители. Кстати говоря, в этот период появилось большое количество беженцев из числа наиболее набожных людей. Они бежали из Израильского царства в наделы колен Иуды и Бениамина, в результате чего Иерусалим в тот период увеличил своё население почти в два раза.

По всей вероятности, в течение трёх лет оккупации Северного царства Салманасар V организовал арест и концентрацию еврейской верхушки со всех наделов десяти колен. Он отличался тем, что с особой неприязнью относился к знати и аристократии, за что и оказался жертвой заговора, которым руководил Саргон II. Для полной ясности приведу исторические данные ассирийской империи. Салманасар V правил державой с 727 года до н.э. по 722 год до н.э. Он

был сыном и приемником Тиглатпаласара III – основателя Ассирийской державы.

Тиглатпаласар III правил с 745 года до н.э. по 727 год до н.э. и совершил большое количество победоносных военных походов. Покорил арамейские племена, добился господства в Сирии, Финикии, Палестине. Ему платили дань Тир, Сидон, Израиль, Иудея, филистимский город Газа. Его войска овладели также Дамаском и Вавилоном, Мидлей на севере, а на юге он дошёл до Персидского залива.

Тиглатпаласар III, древняя фреска

Тиглатпаласар III создал огромное государство, и чтобы насытить страну рабочей силой, пригонял большое количество рабов из покорённых областей, переселяя племена и целые народы из одной части государства в другую. Массовое переселение в Ассирийской империи стало одним из способов подавления национального самосознания завоёванных стран.

Ассирийская армия была самой сильной в древнем мире. В состав её войск входили и контингенты покорённых племён. Основой армии была пехота, состоящая из лучников, щитоносцев, копейщиков и метателей дротиков. На 200 пехотинцев приходилось десять всадников и одна колесница. Впервые в истории армия имела инженерные подразделения, которые использовались для прокладки дорог, сооружения мостов и лагерей крепостного типа для перемещения пленников. Применялись стенобитные орудия, ударной частью которых было бревно, обитое железным панцирем, машины для метания камней, стрел, металлических острых зарядов. В ассирийской армии служил также и еврейские беженцы.

Ассирийское пленение евреев Израильского царства описано в литературе по иудаизму очень скудно. В самой Торе нет подробностей дальнейшей судьбы десяти колен. Авторы истории еврейского народа обрывают повествование тем, что эти колена ассимилировались в среде окружающих народов и исчезли навсегда.

На территорию Израиля после 722 года до н. э. были переселены около 10 тыс. человек из числа народов Вавилона, Куты, Аввы, Емафа и Сепарваима. Они смешались с остатками еврейского населения и образовали новый этнос под названием Самаритяне. Община Самаритян существует и поныне. Они имеют свою Тору и соблюдают еврейские традиции Первого храма, а также используют особый шрифт языка иврит, который применяли евреи в бытность Израильского царства. Сведения об ассирийском пленении десяти колен в разных источниках имеют довольно серьёзные расхождения, практически нигде нет конкретного маршрута их пути. Разобраться в таком хаосе информации, сделать правильный и чёткий вывод, как это сделали отец и сын Ихилковы – может только исследователь, обладающий высоким знанием древней истории, феноменальной интуицией и недюжинной работоспособностью.

Приведу лишь некоторые сведения, которые часто встречаются в литературе по иудаизму. В Иерусалимском талмуде, сказано: «В три изгнания увели их, одна по ту сторону реки Самбатин, второе в Дафнии, что в Антиохии (в Северной Сирии), а третье было скрыто тяжёлым облаком. А когда они вернутся, то вернутся из всех трёх изгнаний».

Рабби Акива сказал: «У десяти колен нет удела в будущем мире, и они не вернутся. Также как день уходит без возврата». В более поздний период создалась легенда о том, что десять колен благоденствуют в стране, окружённой со всех сторон горами, живут свободно под властью царей и дожидаются прихода мессии. Вполне вероятно, что это было сказано о нас – евреях Кавказа.

Со временем такие понятия как «Бней Моше», Самбатион, «за горами тьмы», приобрели особый смысл. Вокруг них слагались легенды.

Одна из групп пленников, которая в своём составе имела даже потомков семьи Моше Рабейну, по всей вероятности, попала на территорию сегодняшнего Ширвана. Об этом можно судить по большому количеству наших фамилий, явно идущих от «Бней Моше». Это Мушаиловы, Мошияховы, Мишиевы, Ароновы, Агароновы, Пинхасовы и многие другие, их список можно продолжить.

Впоследствии пленённые и перемещённые еврейские племена начали расселяться с территории Ширвана вглубь восточного Кавказа. В книге Дона Ихилова «Этногенез и древняя история горских евреев Кавказа» описаны все подробности переселения и расселения. Также хорошо описаны периоды переселения и приведена их конкретная датировка, объяснено, в царствование каких конкретно правителей происходил транспорт евреев дести колен в предгорье Кавказского хребта и сегодняшнего Дагестана.

В книге имеются редкие карты с указанием маршрута, пунктов остановок и путей пересечения местности. Автор очень уместно применяет цифровую и буквенную гематрию для вычисления дат и раскрытия тайн исторических

*Пленные евреи. Рельеф из дворца Сеннашериба в Ниневии.
Ассирия. VII век до н. э.*

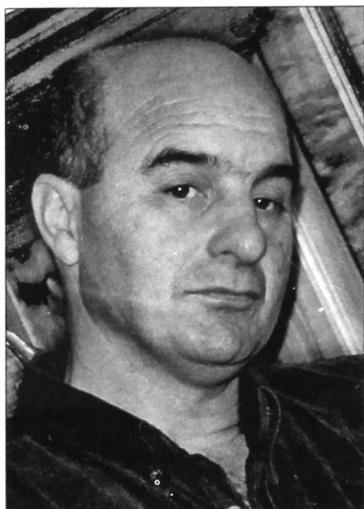
событий. Ихиллов точно определяет место положение так называемой Каспианы с учётом трансгрессии Каспийского моря. Каспиана упоминается в Вавилонском талмуде как страна, где проживали евреи – ассирийские пленники.

Дон Ихиллов высказывает предположение о том, что древние наскальные рисунки в пещерах Гобустана не что иное, как творчество пленников Салманасара, далёких предков современных горских евреев.

Буквально все факты, которые приводит автор в своей монографии, указывают на то, что горские евреи являются древнейшими обитателями кавказского региона. Давайте вернёмся к легендам о десяти коленах Израилевых. В одной из таких легенд я обнаружил, что исчезнувшие колена проникли за реку Днепр, который по преданию и есть тот самый Самбатион. По официальным историческим хроникам самое древнее название города Киева звучит как Самбат. Были выдвинуты многочисленные теории, отождествляющие десять колен с прародителями разных народов. Это и японцы, и племена карим в Бирме, афганцы, армяне, племена чама в Кампучии, англичане, индейцы Южной Америки и да же эскимосы.

Как гласит русская пословица, нет дыма без огня. Почему бы и не предположить, что путь тех колен, который был скрыт «тяжёлым облаком», привёл их в самые разные точки земного шара, где они прижились и положили начало всем этим народам?

МИХАЙЛОВ Эмиль

Родился в 1955 году в Дербенте. В Израиле с 1979 года. Живёт в Нетании. В 1998 году окончил институт искусств Шломо Дрора.

Ранее Эмиль был известен знаатокам и любителям культуры горских евреев как художник. Его работы включены в альбом-каталог «Краски времени». Он участвовал в различных выставках, в том числе и в коллективных выставках художников – выходцев с Кавказа.

Работает и учится - в последнее время занялся изучением ювелирного искусства.

Эмиль - автор всех альманахов. В первом номере альманаха «Мирвори» были опубликованы стихи Эмиля Михайлова, а во всех последующих к стихам добавились и его публицистические очерки о горских евреях.

ОТ ГОРЫ СИОНСКОЙ К ГОРАМ КАВКАЗСКИМ

Продолжение.

Начало в альманахах «Мирвори» № 3, 4, 5.

Кто такие хазары?! Как попали они на Кавказ, и почему некоторые исследователи хазарской истории отождествляют их с горскими евреями, хотя ни антропологически, ни лингвистически нет между этими этническими группами ничего общего. Происходил ли на самом деле переход хазар в иудаизм? Или же это ничем не аргументированное предположение, которое не имеет под собой никакой почвы. Чтобы рассмотреть затронутые мной аспекты и тем самым попытаться дать на них ответ, мне придётся на время оставить Восточные Кавказ и мысленно переместиться в Евразию. Именно отсюда пришли на Кавказ предки хазар – племя хуннов.

Хунны первоначально проживали в степях Северного Китая и Монголии. Впоследствии это племя, пройдя песчаную пустыню Гоби, появляется в Южной Сибири, где создаёт свою державу, называемую империей Хунну. Не только Прибайкалье, но и Забайкалье входят в состав этой державы. Отсюда хунны вторгаются в Китай. Чтобы обезопасить свою границу от хуннов, китайский император Цинь Ши-хуанди начинает сооружать Великую китайскую стену, протяжённостью в четыре тысячи километров. Но это хуннов не останавливает, они всё яростней атакуют не только китайцев, но и монгольские племена и берут с них дань.

Создатель Хуннской державы Модэ Шаньюй (209 год до н.э.), разбив племя дунху, захватывает степную часть Манчжурии. Со временем вся Южная Сибирь, Северный Китай, Монгольская степь и большая часть Манчжурии входят в состав Хуннской державы. (Л.Гумилев. «Хунну». Санкт-Петербург 1993 год.)

На протяжении веков хунны ведут беспрерывные войны со своими врагами, в числе ко-

торых Енисейские динлины, саньбийцы и китайцы. Владыка хуннов, Хуханье, устав от бесконечных войн, заключает союз с Китаем. Но после его смерти (31 год до н.э.) к власти приходит его сын от первой жены Учжулю-шаньюй, который отрекается от союза с Китаем, что приводит к вспышке новых военных действий между двумя державами.

Одержав победу над китайцами, хуннские конницы оказываются внутри Китая, но впоследствии, в силу внутренних столкновений в хуннских верхах, держава хуннов ослабевает. И часть хуннов во главе с Би Хуханье-шаньюем II перешли под власть Китая. Так происходит раздел Хуннской державы на две части: Северную Хунну и Южную Хунну.

В 93 году н.э., Северные хунны были разгромлены Южными хуннами и китайцами. Они были вынуждены оставить свою Родину и направились на запад в сторону Европы, где в результате ассимиляции и смешения с местными племенами потомки хуннов образуют новый этнос, получивший название «гунны».

Обогнув каспийское море с севера на запад, часть гуннов проникает на территории предкавказья, на земли аланов, а другая часть направляется во владения Римской империи, где, сломив сопротивление народов Восточной Европы продолжают двигаться вперёд.

В VI веке в Приморской низменности Дагестана, к северу от Дербента, образуется царство гуннов (С.Хан-Магомедов «Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана». Москва, 1979 год, стр.15), которое впоследствии становятся составной частью Хазарского каганата.

Тем временем в Евразии от оставшейся там части хуннского этноса происходит новое племя – тюрки, которые в 555 году нашей эры создают Тюркский каганат во главе с династией Ашина и, одержав победу над племенами хионитов, вар и огоров (два последних племени известны в истории под именем «авары»), выходят к Волге, а впоследствии овладевают Северным Кавказом. Родственные тюркам племена гуннов входят в состав западно-тюркского каганата, но позже они отходят от него и создают своё царство, называемое Хазарским каганатом (Л.Гумилев «Древние тюрки». М., 1993 год).

Этнический состав Хазарского каганата становится пестрым и разнообразным как в расовом, так и в языковом аспекте. В него входят более двадцати племён и народов. Но с этих пор они становятся известны в истории под общим названием «хазары».

Воинственные племена хазар, населяющих Кавказ, создают мощное государство с тремя столицами (летняя, зимняя и военная) и имеют флот на двух морях – Чёрном и Каспийском (Миловид Павич «Хазарский словарь». М., 1996 год., стр.188).

Хазария становится федеративным союзом племён, возглавляемым каганом – главой, избранным народом. Первой столицей каганата становится Беленджер в Дагестане, а Дербент – пограничным пунктом между ней и сасанидским Ираном. Частые вторжения хазар во владения Ирана вынуждают последних принять экстренные меры, чтобы положить конец чрезмерным вылазкам необузданных хазар. И именно для этой цели персидские цари начинают строи-

тельство Дербентской оборонительной системы, полагая, что таким образом он станет щитом, заслоняющим Иран и его сателлитов от набегов хазар.

На строительство Дербентской стены бросаются тысячи рабочих и архитекторов. При правлении Ануширвана I постройка этого грандиозного сооружения подходит к концу. Начиная с цитадели, вглубь гор, достигая границ Табасарана, протянулась стена протяжённостью около 40 километров. Это событие и впрямь создаёт препятствие для хазар, но отнюдь не останавливает их.

Хазарам удаётся сломить сопротивление защитников Дербентской крепости, и оттуда вторгнуться в пределы Транскавказ.

Из-за частых набегов, хазар, патриарший престол Кавказской Албании переносится в Партав (Барду)(«История Азербайджана». Баку, 1979 год, стр. 49).

Более десяти лет хазары хозяйничают на землях Транскавказ, тем самым бросая вызов Ирану, т.к. эти территории находились под его юрисдикцией. В конце концов, Хосров Ануширван решает взять инициативу в свои руки, отесняет хазар от своих границ и снова восстанавливает стены Дербента.

В конце VI века территории Транскавказ становятся объектом притязаний двух могущественных стран – Византии и Ирана. После долгих изнурительных и кровопролитных войн Иран соглашается заключить мирный договор с Византией и уступает ей часть Картли (Грузии) и часть Армении. Тем временем каганат, превратившийся в мощную державу, подчиняет себе некоторые славянские племена на севере и берёт с них дань. Вслед за этим, подписав с Византией соглашение о взаимопомощи, хазарский каган направляет свои войска в сторону Транскавказ. Эти территории вновь становятся объектом насилия и разбоя.

Изнаненная и истощенная войнами Персия не может воспрепятствовать захватническим устремлениям хазар. В первой половине VII века хазары завоёвывают всё Закавказье, в том числе Кавказскую Албанию.

Малейшее неподчинение воле хазар со стороны Закавказских государств и княжеств тут же пересекается могучей хазарской конницей. В 627 году, когда Кавказская Албания попыталась воспротивиться воле хазарского кагана, тот тут же дал приказ о немедленном вводе войск в эту страну.

Первый удар был обрушен на Дербент. Разрушив стены Дербента, хазары жестоко обходятся с его жителями. Среди граждан Кавказской Албании начинается паника. Многие из них, побросав свои жилища и имущество, устремляются в сторону своей столицы Партав. Но страх перед хазарами был так велик, что народ начал искать убежища в неприступных горах Арцаха.

Оккупировав всю Кавказскую Албанию, хазары устремились к Тифлису, где встретились с армией византийского императора Ираклия («История Азербайджана с древних времён до начала XX века». Баку, 1995 год, стр.186).

Византийцы, видя ослабления Персии, объединяются с армией хазар, начинают войну против неё и доходят до ворот столицы иранцев. (А.Полак «Хазария». Тель-Авив, 1944 год, стр.28). В 628 году персы капитулируют перед могучими объединенными войсками византийцев и хазар.

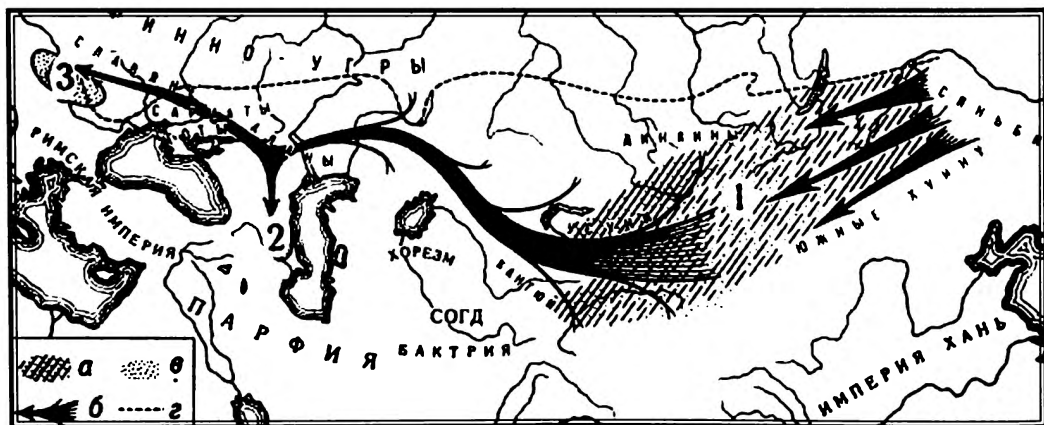
Спустя несколько лет на территориях Закавказья появляется новый завоеватель – Арабский халифат. Арабский полководец Хабиб ибн Масляма в 640 году, завершив захват Армении и обосновавшись в её столице Двине (Дабиле), совместно с другим арабским полководцем, Салманом ибн Раба, вторгается в Кавказскую Албанию.

Захватив Ардабиль (город в южном Азербайджане), в 643 году арабы устремляются к Дербенту. В этом же году арабы предпринимают попытку захватить хазарские земли севернее Дербента, но потерпев поражения близ Беленджера, отступают («История Азербайджана с древнейших времён до начала двадцатого века». Баку, 1995 год, стр.190).

Несмотря на численный перевес арабских полчищ, им не удаётся остановить хазар, и те продолжают свои нашествия на территории Закавказья. Но арабы не желают мириться с развязностью и наглостью непреклонных хазар и направляют свои войска в сторону Беленджера. Но хазары вновь одерживают победу, а вслед за этим нападают на Кавказскую Албанию. Близ Дербента хазары сталкиваются с дружинами правителя Кавказской Албании, Джеваншира, и, не вступив с ним в бой, отходят в Дагестан.

Но спустя два года хазары вновь вторгаются в Кавказскую Албанию, грабя и уничтожая всё на своём пути. Боясь полного краха, Джеваншир заключает союз с хазарами и признаёт себя их вассалом.

В 693 году хазары захватывают Дербент и размещают здесь трёхтысячный гарнизон. С этих пор Дербент становится разделительной чертой между Арабским Халифатом и Хазарией, на которой происходят частые военные

Карта продвижения гуннов по Евразии:

1 - империя гуннов, 2 - «царство гуннов» в Дагестане, 3 - империя Аттилы. Обозначения на карте показывают: а - полукочевой и оседлый образ жизни, б - нашествие, в - обретение «родины», г - границу лесов.

столкновения между двумя державами. Чтобы отдалить свою столицу от линии боевых действий, хазары переводят её из Беленджера в Семендер, вглубь Дагестана.

К началу VIII века территория Хазарии охватывает почти всю Юго-Восточную Европу. Центр этого царства находится в Дагестане («Древний Восток», стр. 667; Л.Гумилев «Открытие Хазарии», стр. 375; С.Асиновский «Евреи. По страницам истории» стр. 130; С.Плетнева «Хазары», стр. 87).

Военные действия между Хазарией и Арабским халифатом не прекращаются, а наоборот усиливаются. Хазарские полчища штурмуют города и сёла Грузии, Армении, Кавказской Албании (которая к тому времени была переименована в Аран, а затем в Ширван), проникают в Арабский халифат до Мосула (А.Кестлер «Тринадцатое колено. Крушения империи хазар и её наследие»). Никто не может соперничать с владыками южной половины Восточной Европы.

Первое поселение евреев в Дагестане появляется в 530 году. Эти были те евреи, которые попали сюда вследствие гонения персами секты маздакитов. Преследования евреев в Византии Ираклием (628 год), а затем Львом III Исавром (723 год) усиливает еврейский элемент в Дагестане.

Часть евреев, гонимых из южной Италии, тоже находит убежище в стране Хазар на Северном Кавказе (Рэймон. П. Шейдлин «Летописи еврейского народа». М.,1997 год, стр. 118).

Приблизительно между 725-730 годом власть в Хазарии из рук тюркской династии Ашина переходит в руки еврейского князя Булана (Савриэля), потомка тех, кто бежал на Северный Кавказ из Армении, из-за преследований, которым подверглись там евреи. В то время в Хазарии на пост главы каганата, по обычаю, выбирали самого знаменитого воина. И Булан, отличившийся в битве с врагами своей страны, был избран на этот пост (И.Голб, О.Прицак «Хазарско-еврейские документы X века». Москва-Иерусалим,1997 год, стр. 129).

С момента вступления на престол Булан-Савриэль собрал вокруг себя именитых евреев и наделил их постами и титулами. Евреи были разделены на два сословия – «бек» и «бей». Эти названия составлены из первых букв древнееврейских слов: «бек» – Бней Исраэль Кдушим (святые сыны Израиля) и «бей» – Бней Исраэль (сыны Израиля) (А. Полак «Хазария». Тель-Авив, 1944 год, стр. 129).

Наделив еврейскую элиту полномочиями, Булан постепенно отстранил от власти иноверцев. В Хазарии началось строительство еврейских школ и синагог. Весть о существовании еврейского царства на Северном Кавказе молнией пронеслось по еврейскому миру. В еврейской среде царил эйфория. Сюда начали стекать евреи из Багдада, Хорасана и из страны греков. («Кембриджский Аноним» – письмо неизвестного еврея из Хазарии, вторая половина X века).

Здесь начинают создавать свои колонии еврейские купцы рахдониты («рахдан», «рех-тан» – с горско-еврейского «знающий дороги»), захватившие в свои руки монополию караванной торговли между Китаем и Европой (Л.Гумилев «Открытие Хазарии», стр.278; И.Керен «Евреи Крыма с древнейших времён до Катастрофы», стр. 18; М.Артамонов «История Хазар», стр. 548; С.Плетнева

«Хазары», стр. 56). Основную массу евреев Северного Кавказа составляли выходцы из Мидии, что способствовало распространению языка джуури на все другие слои еврейских диаспор этого региона.

Джуури – один из диалектов мидийского языка («История Азербайджана с древнейших времён до начала XX века». Баку, 1995 год, стр. 124), вначале был распространён среди евреев Антропатены (Южный Азербайджан, бывшая территория древней Мидии). Впоследствии, с миграционными волнами евреев вглубь Кавказа, на этом языке начали говорить евреи Ширвана (Северный Азербайджан, бывшая территория Кавказской Албании) и Дагестана. Евреи придерживались генотеистического культа, а не прозелитического, как христианство и мусульманство, и не допускали в лоно своей религии лиц других национальностей. Булан-Савриэль старался придерживаться такой линии и запрещал смешанные браки. Он предпринимал ряд военных экспедиций в Закавказье с целью пополнить свою казну. Деньги ему были нужны, чтобы построить храм, наподобие Иерусалимского. Он соорудил шатёр, ковчег, светильник, жертвенник и священные сосуды (Из письма царя Хазарии испанскому сановнику, Хасдаю Ибн Шафруту, документ X века).

Спустя несколько десятилетий, с усилением антиеврейских настроений в Иране, сюда, на Северный Кавказ, прибывают иранские евреи. С течением времени живущие здесь среди множество племён и народов евреи во многом забывают законы и обряды монотеистического иудаизма, но начавшаяся иммиграция из Мидии, Византии и некоторых других стран на Северный Кавказ исправляет положение. С этой волной эмигрантов на Северный Кавказ прибывают раввины-талмудисты.

Продолжение следует...

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

на горско-еврейском языке

АБРАМОВ Абрам **1932-1982**

Родился в 1932 г. в Красной слободе, г. Куба. Окончил ветеринарный факультет Кубинского сельскохозяйственного техникума. После окончания техникума работал в колхозе в Кубинском районе.

С 20 лет писал стихи. Публиковался в районной газете «Гызыл Губа».

Прожил довольно короткую жизнь, скончался в 1982 г., похоронен в Кубе.

Бил мэрэ бошку

Чү воистә түрә вәки әритү,
Оммо у күллү бог, бил мэрэ бошку,
Әз әввәл ә дүлмә әшг дәшәндијо,
У тар, комончәһо, бил мэрэ бошку.

Ә сәр дог вәријо хиникә вәрфһо,
Әз дог рихдәнијо, сәринә овһо,
У савзә вишәһо, күллү јојлоһо,
У богһо-богчәһо, бил мэрэ бошку.

У тәмизә һәсму, һүндүрә догһо,
Әз һәсму пар зәрәнијо дурнаһо,
Ә богһо дәријо, рача хонумһо,
Ку-јәки әзуһо, бил мэрэ бошку.

1952 сал

Ә дустмә

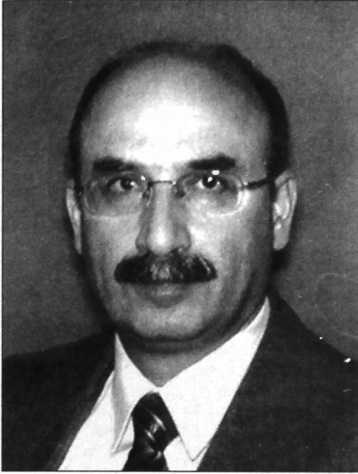
Тү ә дуриш һисткә ә хубә дустмә,
Хостәнүм түрә мә чунтү кәрдо сог.
Вәтәнә гуллуг сох, халгә гуллуг сох,
Дәрдһо-фикирһорә шән әјә гирос.

Хәндәјә кофһој тү офторә әјор,
Ә пишож чумһојмә тү оморәнки.
Тү хубә дуст мәни әмә сох бовор,
Дәрдмә амбар бирә түсүз бирәнки.

Ширинә кофһој тү әјор оморә,
Үшүг дирәморә данки ә дүлмә.
Боворими, кәнә виним јәкирә,
Мадаров дәрд гәмһо һәммә әз јормә.

Һәр вәхти ә дүл тү дор дустимурә,
Мухојум түрә мә тә чун сог һисти.
Мәш әз јор нишәнүм һич мәһәл түрә,
Мидорум дустирә тә нәфәс һисти.

Гүбә, 1952 сал

АГАРУНОВ Шабтай

Родился 20 сентября 1961 г. в Азербайджане, в г. Куба, в Красной Слободе. После окончания средней школы в 1978 г. поступил на фельдшерский факультет в медучилище города Баку.

С 1984 до 1990 года служил в рядах Советской Армии в ВМФ, в Каспийской флотилии фельдшером.

С 1990 г. уволившись из рядов ВМФ, приступил к работе в нейрохирургическом центре в г. Баку, где и работал до репатриации в Израиль.

В 1991 г. репатриировался с семьей в Израиль. Живёт в г. Бат-Ям. Чтобы работать по специальности, прошел все ступени обучения и все необходимые экзамены. Сегодня он дипломированный медбрат (ах мусмах), работает в операционном отделении больницы Вольфсон города Холон.

В 2006 году окончил академический колледж Иудеи и Самарии в г. Ариель, факультет управления системой здравоохранения.

Литературой увлекался всегда. Стихи писал со школьных лет на двух языках - на азербайджанском и на горско-еврейском.

С 2007 года член Союза писателей, выходцев с Кавказа в Израиле.

В 2009 году в издательском доме «Мирвори» вышла его первая книга «Дэдэјлүјэ дүнјомә».

Ја инсон бу

Әри јоровурда һүрмәтлүјә кук хәлг иму
журналист, шоһир Рашбил Захарјајев

Һәсүл оморикәш ә курундә вәхд,
Дүлхомуши дэдәј нә бәбә бири.
Ә пәсә-пишојү һә кәшдикәш бәхд,
Ә һүмүр амбара чәтини дири.

Дүрүст ә сәр хори појә нә норә,
Чәтиниһој дәһ,во рујбәруј појисд.
Һәвәс хундәјирә ә пишо норә,
Амбара сурһорә данусдә војисд.

Гәрбол зәрә-зәрә мивәчи кофә
Сәһиб тичә гәләм, палаша мүвәһ.
Ә тәһәр мирвори мидәчи кофә,
Нүвүсдәһојү бу очор дузә рәһ.

Әз сәр күһнә күрпи микирошд, мирафд
Һәјрон бирә-бирә ә Шоһдог, Гудјол.
Сүлмәһој Гәләрә чәнд салһо варафд,
Ә у рәһһо вомунд ә руј хори хол.

Исројилә дири ковләји чуһур,
Һәсрәт Јәршоләјим дүлјүрә сухунд.
Һәчәл чоһил бәрдә әз гисмәт сохд дур,
Әхирдә ә хори Азәрбајчан мунд.

Ә дүнјо әз хүшдә хубә нум норә,
Хубә һәмәлһојү ә гәд хәлг кәшдә.
Цәһмәт мүшбәһјүрә һүрмәтә дорә,
Һәјилһо, нәвәһо нумјүрә дошдә.

Ја инсон бу – ә рәһ дузи кәшдәкор,
Ја инсон бу – һүрмәт хәлгә күрдәкор.
Ја инсон бу – тум шолуми кошдәкор,
Ја инсон бу – һүрмәт хәлгә бәрдәкор...

Ијун, 2009

Јаһакү Мухојил

*Әри јоровурда бүзүркәјә кук халг иму,
корсох партија, чәһмимәһлүмлүјә корсох,
шоһир, драматург Ј.М. Агарунов*

Дузи, чүклә халги чуһурһој доги,
Ә һәр бинәј дүнјо күкә дәшәндәт.
Офуррәкор дорә уһорә соги,
Кукһо-духдәрһојү нум вәдәшәндәт.

Әз һәјили әри халг һә чорә сохд,
Дәрд чәһ,мәт әријү јә кәлә дәрд бу.
Әчә кәрәк букә дәс дураз мисохд,
Јаһакү Мухојил - әзини мәрд бу!

Рәһ таза дүнјорә кәрәклү дирә,
Ә дәсдәј болшевик һәвәслү дарафд.
Әри чәһмәт хүшдә кумоклу бирә,
Һәләмә тик күрдә һә пишово рафд.

Ә чүм хүшдә дирә боләј чәһ,мәтә,
Чәһди сохд, һәмишә ә кумок бијов.
Ә дүш хүшдә вәкүрд кәлә зәһмәтә,
Рәһ кәшд, ә дүл чәһмәт үшүги дишов.

Әри үшүг дирә торикә чәһ,мәт,
Таза әлифбарә ә пишо кәши.
Әз зуһун нәхонһо шинирә нәһләт,
Кәнә фикир нәдо ә буши-буши.

Чүмү тәрс нә данусд – тәрси бирикәш,
Ә курундә вәхдһо пишо но дүшә.
Кор хүшдәрә сохди, дәбә дирикәш,
Зәһмәт кәши, үшүг до «Зәһмәткәш»ә.

Салһој дәвһо һитлер бирәнкә гудуз,
Куч хүшдәрә бурбунд, әгүл хүшдәрә.
Нә данусд шәв чүни, нә данусд чү руз,
Данусд чү гижмәти Вәтән дошдәрә.

Ери халт мирос њишд чанд китоб, лугат,
 Битав њумур туххум зухунна кошди.
 Матлаб сохд на муну зухун аз дигат,
 Матлабју е тоорих халтју кирошди.

Њајил вадарафта аз раћој! Ћба,
 Еча маскан кјрдјакш дүл е! Ћба мунд.
 Е нум халт нүвјсда Кала Китоб¹,
 Њазиза кук не халт е дүл халт домунд.

Ез њајили ери халт њ чора сохд,
 Дард чәћмат ерију ја кала дард бу.
 Еча кјрек бука дас дүраз мисохд,
 Јаћакју Муххојил - азини мард бу!

¹ Кала Китоб - Книга Я.М.Агапунова «Большая судьба
 маленького народа»

Чүмчој чүһуру

Њин вахд кам на бисдо аз чүмчо бола,
 Е дүнјо оморат, матбуни дигат.
 Чүмчо кировундјат ер чироћола,
 Шолол не бада кор, бадаћмадл бират.

Е таћар не дарјо лугондүт ућо,
 Е лугонди дарјо ућора дарди.
 Ез дарда кешира вомундүт ућо,
 Загум шори иди ема дүздири, барди.

Е ер кунч не дүнјо и чүмчо лови,
 Е раћ хуба гисмат едјат кашда.
 Е ватанинш дүмүр ја тарса хови,
 Нахоћо, дүшмәћо сокит неш њишда.

Чүмчој узак миллат аз шори кюри,
 Нас дира чүһура е чү бола да.
 Еричү дард кешү чүмчој чүһури?
 Јакем е гисматју ковялаји неда?

Ја руз мишовунут чуһурһо этэк,
 Гэдо-болә тији бу эз синәшү.
 Руз мијов зир-зәвәр имбу чәрх фәлэк,
 Чуһурһо ковлә бу, гәсос дүшмәшү.

Чүм эз чүм нәзники, чүм эз чүм дури,
 И чүмһо мизихүт, имбошут гојим.
 И чүмһој чуһури, чүмһој чуһури,
 һәр вәхд мидәнүшүт ә Јәршоләјим.

Ијун, 2009

Мәрдә бијо хосијәт бу

Мәрдә бијо хосијәт бу,
 Сохдә кофјү нәсиһәт бу,
 Аста соху коф хүшдәрә,
 Әнчәг һәммә шинү урә.

Мәрдә бијо хосијәт бу,
 Ә һәр шори, ники дәбу.
 Ә гәриш хәлг чикә кирү,
 һәми гәриш нәбу сәрү.

Мәрдә бијо хосијәт бу,
 Ә дүл гәзәб, кин нә дәбу.
 Кәрәк бисто дәс вокуну,
 Ә һәрәј хәлг һә мәрд муну.

Мәрдә бијо хосијәт бу,
 Әз дүл хосдә сәнәһ,әт бу.
 Сәрбәр хунәј хүшдә бирә,
 Хубә руз дү кифләтјүрә.

Мәрд ә сәр коф појисдәнки,
 Чикәј кофә данусдәнки,
 Сәрә-гузи нибу урә,
 Ёүрмәт мәрди имбу урә.

16.08.08.

Наза гэдэрүни

Духдэр, бијо һә наз мә сох,
Әхи наза гэдэрүни.
Рәһ никирә дураз мә сох,
Әхи наза гэдэрүни.

И чү фурси, и чү дәби,
Коф сохдәш ә һәнк тәләби,
Әкәр рәчи јә сәбәби,
Әхи наза гэдэрүни.

Күл мундәнки сүпәнч бирә,
Урә чүмиш һич нәс дирә,
Наз сох, нә сох, ки винирә?
Әхи наза гэдэрүни.

Мүһбәт әз наз ник нәс бирә,
Хосдә дүлиш хиник бирә,
Тичә чүмһо торик дирә,
Әхи наза гэдэрүни.

Наза һисди чәнд чиро руј,
Амбара наз мисоһу гуј,
Шәбәтәј, әз духдәрһо куј:
«Әхи наза гэдэрүни».

Август, 2009

БАБИЕВ Зарбоил

Родился в 1930 году в бедной крестьянской семье в селении Хошмензиль Дербентского района. По профессии – виноградарь, садовод.

В три года остался без отца. В тринадцать лет начал работать в колхозе «Путь Ленина» на виноградниках.

Окончил 8 классов, а затем заочное отделение сельскохозяйственного техникума в Дербенте. За свою трудовую жизнь неоднократно удостоивался наград республики Дагестан, РСФСР и ЦК ВЛКСМ.

В Израиль репатриировался в 1980 году. Живёт в Хадере.

Стихи на горско-еврейском и азербайджанском языках начал писать со школьного возраста.

Некоторые стихи Бабиева уже публиковались в сборнике «Говлеи», выходившем в Израиле на горско-еврейском языке.

Много лет Зарбоил собирает исторические материалы, документы и фотографии, связанные с историей горских евреев на Кавказе и в Израиле. В его архиве сотни уникальных снимков, которые включены в готовящуюся к изданию книгу.

ЭЗ ИСТОРИЕЙ ЖОБОРДЕ ЖОФОЙ СОЦИАЛИСТИ

Эз едигоригьой Гуьлбогьор Давыдова е парче

Хьуьрметлуье хундегоргьой шогьир убой Кавказ Зарбоил Бабиев! Э гъэриби хори Кавказ, э чум ю дире, э гуш ю шинире келмегьой заруьнжи, зен Сонуглоире э незер шогьири вегирдеи мэгIэно уники, чуьнки э 50-сал рузгор гIуьмуьр хуьшде недиребу э мейдугьой ёси Буьлдуьр-бирей яралуье Марале, комики сенгъэдуьле инсонгьош гIэр сой чуме поюнде нисе дануьсденбу э гуьрдлемегьо кейки у мигуфди: «Гуьлбогьорум, бегьерлуь гуьл бисдорум. Богь дешендуьм, мейвой юре нечуьруьм. Э гъовхой гIорил е жуьфд бала вир сохдум. Мундум угъул бала-бала гуре ме»!

Ёровурди шогьир

Ой, Гъезрет!

Э мемлекет е жуьфд бала овурдум.

Мундум угъул бала-бала гуре ме.

Э гIэрс чумево гIуьмуьр э сер расундум

Мундум угъул бала-бала гуре ме.

Ой, Гъезрет!

Рафденитге, мугум, эглен мебош, жон, бала.

Э сер дуьл дедей моров мелхъэмсуз яра.

Не тебиб, жерэхь, Рамбом нийофу чоре.

Мундум угъул бала-бала гуре ме.

Ой, Гъезрет!

Хьэз сохденуьм вокурде дерди – гъэм дуьле.

Суьрмесуьз мест сохди гъэм у сие чуме.

Демуьр гъопу гьисдигеш деёгь мескенме.

Мундум угъул бала-бала гуре ме.

Ой, Гьезрет!
Гуьлбогьорум, бегьерлуь гуьл бисдорум.
Богъ дешендуьм, мейвой юре нечуьруьм.
Э гьовхой гIорил е жуьфд бала вир сохдум.
Мундум угьул бала-бала гуре ме.

Шогьир мугу чуьнки беди гьер нишонгьой гьэриби.
Эз у вини Рут-НэгIми рузгоргьой гьэми.
Чарунденге руе Хьэно э дервозей Цион.
Гьич немунд у бала-бала гуре ме.

Шогьир Зарбоил и заруьнжие келмегьоре шинире, дуьл ю э гьэфес велвеле венгесде дилег хосде гуьфдирени: «Эдуьной гьэшим э гьэдуьше хори Исроиль гьисмет сохдге мере, и гьозие гьэдер ве ёвунжие келмегьой хьэсреткеше Буьлдуьре, э жергегьо мибесдуьм эз шогьириме, э книг «Исток» э Ватан гьэдем норе».

Ве буьлуьнде нум Игид жофой социолистиюре, эри гьэр кук-духдер Исроиль ёр евурди, чуьнки духдер егьудигьой догьи Кавказ еки дарафде э мейдуй плати, жоборд дуь жире гьовхо бири э 20-муьн девр э хори голут. Комики гьозиейю бемзер гьисдигьо, э гьозией ченд сонугIое дедегьо, шогьире эгьтиком дуьл ю бу э гьэриби дофус зере э лоигьэ келмегьой торихгьой Ционево, энжэгь гьонун Худосуьзгьо.

Чуьн Буьлдуьр юре э гьэфес лол сохде нуьшундебу, уники шогьир-убо э гьэфес гуьрд сохде пуьнгьон дошдебу, гьэмлуье овхьолотгьой голут-гьэрибире те говле бире э Ватан едигор гьэдем норе, гьемчуьн гьозией чуьн Буьлдуьр бэхш ю дуь бала бире э гIуьлом, ве те софой энугьоре дире, залум фелег гьул-гьэнет юре хуьрд сохде, эз лулей Буьлдуьр дуь балай зуьриетиреш учмиш сохдеи эри гIуьмуьрлугьи, зен СонугIойи – Гуьлбогьор Давыдова, комики э чумерэхьирево гIуьмуьре варасдигьо.

Гьечуь биренге Гьэгьдор Хоси дилег шогьир уборе э бере расунде, ве э хори гьэдуьш гьэлем телмитиюре эри э кор овурде гьувот доре, ве бесдени э рэгьэмгьой софи э дердимендирево и гьозией зен Ферхьэдире, чуьн яралуье Марал догь Хиврон нэгIре кешире э гьер мейдугьой ёси, ве чуьн Буьлдуьр э богъ хьэсрети гьуьзуьргуьле кешире-кешире те васал-чогьи жун доригьо э сер велггьойю, гьемчуьн зен Ферхьэд жофо, томом рузгьо э зир чуьшмей асму гьувот гьуле дори э гьэриш талагьой онгур богьгьой колхози э мензерегьой шегьер Дербенд.

Ве томом шевгьо чуьн Буьлдуьр э гьэриш гьэфес техьно, сабуьр ю туькенмиш бире эз кон дуьл, гуьмгуьми сохде-сохде э ёвунжие сесево, эз беймуьрвет фелег э дод оморе э дердимендирево мигуьфди: «Ой, Элогьи Худо! Немунди сабуьр, чат зерени э гьэфес и дуьл, чуьнки хьэсрет кешуьм эри гуьл».

Шогьир Зарбоил Бабиев э у жиге межбур бире дуьимуьн дестоне эри беседе э жергей негьме, э хьэсреткеше келмегьой ёвунжи дуь бала вир сохде

Буьлдуьр, чуьтам гуфдиребуге: «Э гъэриш тэхьно утогъгьо дие нибу эз ме софодор эри гуьл Буьлдуьр».

Э дерд венгесд мере фелег у дермонсуьзи

Эй туь гъурбу гердом, ой, Гъэгъдор Хоси.
Э дерд венгесд мере фелег у дермонсуьзи.
Лугъмон жерехь Рамбом мелхъэмгьо сохдгеш.
Дие нибу эз ме софодор эри гуьл Буьлдуьр.

Шогъир убо гъозией Ферхъэде зене э гъозией Буьлдуьрево эй чуь бемзер сохди? Чуьнки бэхш Буьлдуьриш э гъуьлом дуь балаи, ве тейте зимистон фес-ли гирошде, васал чогъи оmore сабуьр ю туькенмиш бире, эри зуьвгъи софо вегирде, гъемчуьн шогъир убо Зарбоил Бабиев э рузгъой жофокеши эз незер гировундебу э гъэд онгурбогъгъой Ватан гъэили хуьшде, диренге э евунжие сесеве хундеи Буьлдуьре.

Уники шогъир гуфдире-ни: «Э шон мехъшовогъой сонугъое зен ферхъэд жофо, Буьлдуьр некошди гъэлем, недори гъов, некешии жофо эри гъуьзуьргуьл, е зимистон гъэгъри кешии эри софо вегирде, ве са-буьрсуьз бире хунденге? Песг зэхъметкеше дедей дуь бала э гъовхо вир-сохдигъо Гуьлбогъор Да-выдова те 92-сал рузгор гъуьмуьр у дерди – гъэ-ме кешире-кешире э сер расундигъо, гене софо-суьз рафдигъо эз гъуьлом э эхирет зиндони, у чуь соху?» – мугу шогъир убой хушмензере Зарбоил-Боби.

Э унегуьре шогъир келмегъой заруьнжи хъэс-реткеше зене, э Буьлдуьр бензер сохде бесдебу и келмегъой ёвунжире, э гъэмлугъе ниетгъой дуьл эн

у лоигъ, эри дестоне э сер расунде, чуьтам гуфдиребуге: «Дие эз ме нибу софодор эри гуьл Буьлдуьр».

Ой, зимистон э ёзи сэхьре кешир Буьлдуьр.
Дусд софодор эн гуьл Гъуьзургуьл.
Немунди сабуьр чат зерени э гъэфес и дуьл.
Туьрэ хуно софодорум эри гуьл Буьлдуьр.

Буьлдуьр эз мескен туьре ки сохди учмиш.
Эз вироне догъгьо э богъ кучурмиш.
Хьэсреткеш эри гуьл фелег туьреш гьишд.
Уни заруьнжи хундейи эри гуьл Буьлдуьр.

Чуьн Буьлдуьр домундум тэхьно э гъэфес.
ГІэзизе балагьоре фирсоре э гъовхо э женг.
Гуьлбогьор гъэмлуь хундени э ёвунжие сес.
Туьрэ хуно хьэсрет кешуьм эри гуьл Буьлдуьр.

Суьфде дедей Сара э гІуьлом эхир 90 сала.
Софе гъурбуни, огъо дори тек бире бала.
Дедей Рэхьилиш кеши хьэсрет Марат-Махпела.
Э сэхьрей Бетлэхьим эри гуьл Буьлдуьр.

Э пенжей беде регъиб гурбуни до шеш бала.
Э 7-муьнево Мейром хунеш бэхши э зэхме.
Шогьир мугу рехьимдори бурмундебу Огъойме.
Хьэнуьхэ седигъ гуьл биренге, эй, Буьлдуьр.

Ой, Огъогъо! Шогьир мугу э рузгор 70 сали.
Чуь Суьтеми инсон диренигьо э руй хори.
Эри Богъ дешенде гъувот доренге Элогъи.
Э Ватаниш хьэсреткеш кем небири, ой, Буьлдуьр.

Дедей Ливгьо кеши 10 сал хьэсрет Зуьриети.
Эз Ливанон гъэдем норенге э хори Хоси.
Ченд хьэсреткешгьо эри шогьир пуьнгьони.
Фелег кенор гьишд эз гуьлбогъи, ой, Буьлдуьр.

Шогьир етим убо бесди гъэмлуь мэгІэнегьо.
Эз сифариш Гуьлбогьор вир сохдейи балагьо.
Хьэсреткеши те руз дувон Хони э хори ёдгьо.
Бесде ёзугъой-ёзучини эри гуьл Буьлдуьр.

Э богъ Ватан дарафденге шогъир Кавкази,
Хуш буй вегирд эз 12 гъуъзуъргуъл Хоси.
Борухо сохд гъешиме эри доре чичек Циони.
Кенор Цион гуъл ю хушбуй нидуъ, ой, Буълдуър.

Ой, Огъогъо! 12 келмегъо эзбер сохде э Цион.
Дилег хосде шогъир чуън деригъ уммон.
Эхир дурфу гуфдиренге огъо нибу ижире дувон.
Эй чуъ хэзон бире гуългъой Цион, ой, Буълдуър.

Шогъир Зарбоил 12 келмегъоре бенд дешенд.
Эз giroшде рузгор ченд дедейгъо э зулмет.
Езугъ инсон недиренге балаш э руз эхирет.
Софосуъзи э богъ Ватаниш гуъл Буълдуър.

Хъуърметлуъе хундегоргъо, э эхир келмегъой шогъир Зарбоил Бабиев э шон хъэсреткеше зенгъой сонугъойи, эз торихгъой Исроили эн гъер девр, ярашугъ доре оирд сохденге мэгъэнегъой ферзенд зуъриети вир сохде дедейгъо, чуън Буълдуър эри гуъл хъэсрети кешире-кешире э сер велгъой гъуъзуъргуули жун доригъо, э сер расунде бесдени эз бэхъшовогъой дуъл Гуълбогъор Давыдова.

Гуълбогъор Давыдова везимлениш сохде-сохде данендегъой гъуъллом гуфдирере хуно мугу: «Белки и гъозие бесдеи э тефило тешво ве гъурбунни седэгъо».

ГУРШУМОВ Эльдар

Родился в 1940 году в г. Куба, в Красной Слободе. Поэт, композитор, певец. Окончил муз. школу по классу тар, а затем народную консерваторию по классу композиции и вокала. В 1964 году окончил физико-математический факультет Азербайджанского педагогического института им. Ленина.

Преподавал в медучилище, занимал должность зав. кафедрой в Институте усовершенствования учителей, а перед отъездом в Израиль работал старшим редактором Азербайджанского телевидения и радиовещания.

В 1998 году репатрировался в Израиль. С 1999 г. – член Союза писателей, выходцев с Кавказа, с 2003 – председатель Союза.

Всю жизнь занимался музыкой и поэзией. В 2005 году вышла в свет его первая книга стихов «Божественные синагоги Тальхума».

В 2007 году выходит вторая книга «Горькие слезы матери», а в 2009 году третья – «Божественные строки».

Бура, јор

Пишојтүрә ни күрүм,
Рафданикә бура, јор.
Губ овурдә ни мүрүм,
Рафданикә бура, јор.

Дормә эз бор ни муну,
Дүлмә эз шор ни муну,
Сәрмә эз кор ни муну,
Рафданикә бура, јор.

Хәндәј ловә ни бәри,
Товуш товә ни бәри,
Ҳәсәл ховә ни бәри,
Рафданикә бура, јор.

Зулумлүјә тор нибу,
Пәртумлүјә вор нибу,
Гәтрәлүјә пор нибу,
Рафданикә бура, јор.

Боришмишә шәрт нијов,
Үзүлмишә дәрд нијов,
Килитмишә пәрт нијов,
Рафданикә бура, јор.

Әлдар синә ни кују,
Бәхтә сижә ни кују,
ХУДО шүкүр! Микују,
Рафданикә бура, јор.

Мәкүрү, јор

Домундәнки э дәр тәки,
Нә бирәнки јә һәрәки,
Кура бирә э сәрјәки,
Булә дәрдә мәкүрү, јор.

Тәһсирәнки мундәј чуниш,
Турширәнки күндәј нуниш,
Биһол хундә зиндәкуниш,
Ә руј зәрдә мәкүрү, јор.

Сурог нисдкэ эз мүрдэји,
 Суј ванокэ нэфс хүрдэји,
 Әри јэ бо дэс күрдэји,
 Бирәһм – шэртэ мәкүрү, јор.

Нәрасирэ колэ чикэ,
 Сәһиб нозор боләјикэ,
 Пәшмујәти һолэ дикэ,
 Зуһун – пәртэ мәкүрү, јор.

Ә фурум Ләјли хосдәникэ,
 Соф һәсүлә дошдәникэ,
 Сәр мәрдүмә кошдәникэ,
 Ә чәнк мәрдә мәкүрү, јор.

Сад зәвэрэ водорәнки,
 Синэ кофэ нә дорәнки,
 Дүнјоһ Әлдар докэ тәнки,
 ХУДО гәрдә мәкүрү, јор.

Мүрдә лампә

Чүк-чонэлү гудуз мәбош ә сәрмә,
 Јә кәм бәгдә пәшму бирә мүнүши.
 Јә дәгдәгәш пуч ни имбу кәдәрмә,
 Бочәһәт ки, јә мәкәзәш мүкүши.

Фәм сохдәнки зирү буһо зәвэрә,
 Коврә рујә ә тәһәриф ни вәнүт.
 Әгүлмәндһо вәкүрдәнки ә һәрә,
 У коф нибу ә кәлләјү ни зәнүт.

Килитләмә пәһни мәбош гуз-бәгуз,
 Очугирә бурбундәкор шор бирә.
 Јәһәлмиши куч дорәнки руз-бәруз,
 Хәчәлэтә сабур бирә, һор бирә.

Јопологлу дәнишикәш дү чумһо,
 Әз нурбәнди сурог нидү һәмәлтү.
 Буш мәдилов һәр кәширә һүчумһо,
 Дәсһој тәнки ни вомуну ә бәлтү.

[illegible]

‘лѣцемъ нѣцъ едиго мѣлинъ ѿ не есиꙋ
‘лѣмъхъ тежидиѣея медемѡн-сеꙋ
‘лѣмъхъ ерѣхъ лѣсфенъ тѣлоуоуотпѣ
‘лѣмъхъ ерѣсѡнъ сенъ поудѣе соу деу

Ночю гоу ез жузаре је вояш,
Сад бо розоноу ез ерду је мояш,
Чинокегули дими едон шефеш,
Ду ефит не лу малин ериу ецеи.

гѣцемъ нѣцъ едиго маѣинъ ѿ не есиꙋ
 ꙗꙋнемъ е есꙋꙋ иꙋселъ ѿгинъ есꙋфъ
 ꙗꙋнехъ е есꙋфава оуценъ оувоиъ есꙋлꙋхъ
 ꙗꙋнео е есꙋльнꙋкъ сенъ инижедепиꙋ

Җуыштырдым оштырдым
 Емилди оңгырдуним
 Имоме эшлеме шунлы
 Җуыштырдым оштырдым

г҃еѣѡ ѿиц҃ едиг҃ мѧтин҃ ѱл҃ не еси҃
‘edeмг҃ль тежи҃т҃р҃же҃т҃ и҃ѣгео҃с҃ р҃у҃н҃
г҃еѣѡ ѿиц҃ едиг҃ мѧтин҃ ѱл҃ не еси҃
‘edeмг҃л҃ъ тежи҃т҃р҃же҃т҃ и҃ѣгео҃с҃

Нитроген

Өз накуми та пагусти хүшк зара,
 Хөбөрөтөр өн шүр имбу, өн хилөв.
 Чүйбөчөрдүлүбүрдүн кык хүшдара,
 Өчөрсифет өн ранк манут, өн килөв.
 Галифободондун шад-ын шад ө минчи,
 Ноңоңиош аз тох – ө тох оңора.
 Ө пасай дол дарадан кы ө динчи,
 Мүрдө лөмөш иңсөб масох оңора.

Ки бәрди

Ов дәрјоһә бурбундә,
Әл дүнјоһә фурмундә,
Ширнә чунә гурбундә,
Јә хүпләрәш ки бәрди?

Өрәгбәндә кор дирә,
Хуб вәрзундә һоркирә,
Ә пәнч митро хор бирә,
Јә чүпләрәш ки бәрди?

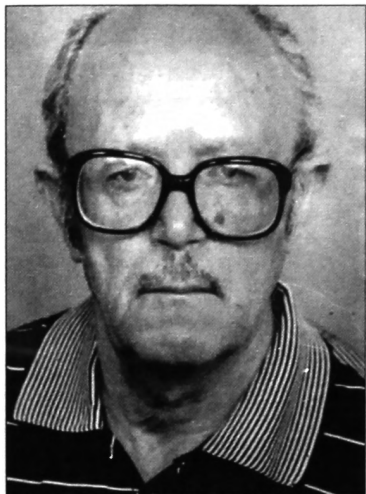
Гувот гулә чарундә,
Һүндүрһорә сарундә,
Әз дог сүрхи парундә,
Јә күпләрәш ки бәрди?

Әз алмазһој зәриһо
Ә нәфс һәммә дәриһо,
Ә тәшт сүрхи вәриһо
Јә гүлпләрәш ки бәрди?

Әз вирихә – вирихһо
Рәһәтирә вихдиһо,
Әри хәрчи рүһлүһо
Јә чибләрәш ки бәрди?

Чүн Соломон, Овроһом
Ә бим һәдәт ән довом
Әз дор Һово нән Одом,
Јә сибләрәш ки бәрди?

ИСАКОВ Мататья

(1929-2009)

Уроженец Красной Слободы, г.Куба. Поэт и журналист, член Союза журналистов СССР. Окончил филологический факультет Азербайджанского Госуниверситета. Публиковался в районной и республиканской прессе.

Стихи писал на азербайджанском и горско-еврейском языках. Автор четырёх поэтических сборников.

В 1992 г. репатрировался в Израиль. Жил в г.Акко.

Данандаја шоһир нэ журналист бириһо Мэтэтијо Исаков (Мизраһи) э 1929 сал э Гүбэ, Гирмизи Гэсэбэ эз дэдэј бири. Э ишколэ 10 салэ хундэ варасдэ бэгдэ 1947 сал э шәһэр эн Боку э Дэвлэт университети э факултэј журналисти дарафди вэ унчикэрэ э јэ кэлэ һэвасэвоз э 1952 сал варасди. Э и һэрэ шиrho нүвүсдэрэш эз јор нэ вэдэшэнди. У мөһал халг шоһири Сәмэд Вургун э дәрнэк эн човонэ шоһирһо рәһбәрјәти сохдәнбу. Эзи товнэш эз дорэ тәһәрифһој эн кэлэ шоһир, Мэтэтијо Исаков дијәштәш э мөһдонлүјэ илһом омо вэ кучлүјэ һэвас човонјәтирэ э журналистирэвоз э дү чикэ бүлмиш сохдэ-сохдэ, э гәриш талантлүјэ нүвүсдәкорһо лојиглүјэ чикәј хүшдәрэ дијәштәш мүһкәм дошд.

Бүкүрмәндэ шоһир нэ журналист Мэтэтијо Исаков 1952-1992 салһо э козит «Гызыл Губа» вэ «Шәфәг» кор сохди. Амбара салһој һүмүрэ э козитһо мәсулэтэ кор-сох бири. Һалэ эз дәвр ишколәји нүвүсдэ шиrhoһоју э козитһо, журналһо вэ алманаһо чап бирәнбу.

Мэтэтијо Исаков э кифләтэвоз э 1992 сал э хори бәбәһо һисдиһо Израил пој донори. Бәбәј эн 10 һәјил буһо бәхтәвәрэ шоһир һәм э зуһун эн азербәјчони, һәмикә э зуһун эн дэдәји э һәсонтирэвоз нүвүсдәнбу. Чәнд китобу э Хајфа вәдирәморәбу: «Әдәм э рачи дәниширә», «75 сал», «Човонимәрэ әдәм кәшдә» вэ јәкикәһо...

Шоһир-журналист чәнди-чәнди фәхри фәрманһо, э 5 орден нэ медалһо лојиг винирә омори. Исаков Мэтэтијо һәм э Дәстәј журналистһој СССРи вэ һәмикәјкә э Дәстәј нүвүсдәкорһој чуһурһој доги эн Израил дәбири.

Э дүл эн хәлг хүшдә һәмишәлуг чикә күрдиһо кэлэ талантлүјэ шоһир э 2009 сал, э 80-сали оһилә һүмүр хүшдә, дүнјоһ бәхтәвәрирә дәкиш сохди. Эзини бәдәлүјэ сијә хәбәрәтәр һәрслүјэ чумһој милләтэ э кирјәһој овули чарунди. Кәлэ Офуррәкор – Худој һәгг рәһмәт сохо. Сад салиһо оморэ кирошдкәш, нуму эз зуһунһој чуһурһој доги һич мөһәлиш ни офдону, Һалә әри әзини хубә шоһир нэ журналист амбара шоһирһо вэ нүвүсдәкорһојму лојиглүјэ гимәт хүшдәрә мүдүт вэ әри чәнди-чәнди нәсилһо јоровурдијә кофһорэ эз дүли – चुни мукујут. Худој һәгг рүһүрә шор сохдә, चुн мундәкорһојурә сог вэ саламат бијило.

Насданум

Әзи дүнјоһ дәс вәкүрдә насданум,
Човон бирә вәхтсүз мүрдә насданум.

Чәнд кук, духдәр, ширин нәвә һисд мәрә,
Мә уһорә шәндә рафдә насданум.

Нүвүсдәнүм кәм-кәм хубә шәјирһо,
Әзи күлһо дәстә күрдә насданум.

Ә дүлмә дәри әри Шоһдог нәгмәһо,
Мә Гүбәсүз дијә мундә насданум.

Һәзизә Русланә, рачә Русланә,
Әз ширини хурдә, шәндә насданум.

Тәфлин бирәј ән Матанә нә дирә,
Чиро бошум әзи дүнјоһ насданум.

Мәтәтијо јә руз мурав әз һилом,
Чү мисоху дустһо бәгдә, насданум.

75 нәбирә

Ә дустһо, бирорһо әки кујүм мә,
Ә дүлмә дәриһо сурә, насданум.

Кәмәрмә хүрд бири, дүлмә поисди,
Тәхсиркор киникә, һәлә насданум.

Әри јә һәзизә – балајмә Руслан,
Ә хори бәбәһо чорә, насданум.

Амбар дәкиш бирәј, лап залум бирәј,
Әрчү һәчи бисдо Жалә, насданум.

Әз тү кошдәјһо у күллүјә богчә,
Јә рејһан, гызылкүл чирә, насданум.

Тү гәһри бисдори хејли вәhti ки,
У рач сифәттүрә дирә, насданум.

75 нәбирә, ә Мәтәтијо,
Әрчү тү вир сохдәј сәрә, насданум.

САФАНОВ
Беньямин
(1929-1986)

Поэт, прозаик, создававший свои произведения на горско-еврейском языке. Окончил Всесоюзный юридический институт в Краснодаре. Автор сборников стихов «Хосденуьм туьре, васал» – «Люблю тебя, весна», 1974; «Куктуьнуьм, Ватан» – «Я твой сын, Родина», 1979; «Иму бэхдлуьним» – «Мы счастливы», 1984; «Э рэхь бебегь» – «Дорогой отцов» (сборник для детей), 1985; «Товуш э пенже-ре» – «Свет в окне», 1987; «Бергулуй зиндегун» – «Факел жизни», 1994 (последние два сборника вышли в свет после смерти автора). Многие его стихотворения стали текстами песен.

Б. Сафанов является и автором сборников рассказов «Э рузгь ой шолуми» – «В мирные дни», 1976; «Богьдоргь» – «Виноградари», 1982.

С 1974 года – член Союза журналистов СССР, с 1984 – член Союза писателей СССР. С 1974 года работал старшим редактором татской редакции Гостелерадио Дагестана, с 1973 по 1981 руководил сбором материалов и подготовкой ежегодного альманаха «Ватан Советиму».

Менг не чуьшме
(Легендай хэлгьн тати)

Белки и кор гьич небири,
Гье белкине биреш-бири,
Шинрем уре эз келегьо,
Дананмендгьой хэлгьн бугьо,
Белки ишмуш шинирейтге
Ве фурмуш зу сохдейтге.
Лап зу, э у куьгьне девргьо,
Кейки бируьт ковре вэхдгьо,
Кей мибисдо муьгьуьжуьзгьо,
Менг ве чуьшме дуь хэгьергьо,
Дудунегьо бируьт угьо,
Гьердуьшу рач чуьн гуьзелгьо.
Духдергьо зу вероморуьт,
Инчебеллуь биребируьт,
Дуь-екире хосденбируьт,
Эри еки дусдгьо бируьт.
Оммо е руз гьечи бисдо,
Угьо бисдоруьт дуьшмегьо.
Чуьшме у вэхд хосдехунд бу,
Одохлуре сэхд хосденбу.
Одохлуй ю э хуне де,
Ю эдее хэми сохде,
Э лой гузги денишире.
Вини унжо хэгьер юре,
Бовор несохд жумунд сере,
Менг одохлуй эн чуьшмере
Сэхд ширинлуь гьэл гирдебу
Э уревоз синесов бу.
Гене тижлуь миденишуь,
Э чумгьой ю у мивинуь,
Куке эдей гье моч сохде,
Эй э хуьшде вогосунде.
Чуьшме вэхид зури-зури,
Десгьой эн бу хэми,
Э сифет менг хэми совусд,
Песде зури у видовусд.
Гирошде у эз булутгьо,
Пар зе варафд зу э гьово,
Гьэгьр эн дуьл ю бире гужлуь
Товуши до диеш эшгьлуь.

Эз у вэхди непоисде
Чуьшме эдей унжо гешде
Герми юре эй инсонгьо
Фуьрсорени э гьер логьо.
Менгиш варафд зу э асму,
Воисдени э у расуь,
Ведешенуь гъэгр дуьл юре,
Тор сохдеи рачи юре.
Уш гье эдей видовусде,
Непоисде рэхьэ рафде
Кими вэхд уре гӀэйб оmore,
Бирени у лап чуьклеле.
Кими вэхдиге лап торлуьни,
Эз номус у селт пэхьнини.

Чорризегьо

Ки нерафдге э рэхь дузи,
ГӀуьмуьр энү фойдесуьзи.
Эн ки дуьл ю гъэйгъусуьзи,
Рузгъой энү пуче рузи.

Ки жофокеш бирениге,
Уре вэхд вес нисе сохде,
Кире вэхд вес нис сохдеге,
Нисди эз ю мозоллуьте.

Дусд гешдуьгьо – дусде мофу,
Тонголе руз кумек мибу.
Ки дуьшмени гешдениге,
Э нимерэхь ю мимуну.

Эз офтои зимисдуне
Жендек инсон герм ниверов,
Ширин зугъуш шефд бисдоге,
Гъич эз ю руй ниведиров.

Дусде гъэгри туь сохдиге,
Эз у дуьлтуь хомуш нибу,
Дуьшме садбо офдоренге,
ГӀэтош дуьлтуь сокит мибу.

Гушд нис бире гъич осгъусуьз,
Нибу инсон гъич ватансуьз,
Кейки осгъу уьлуьг пури,
Увэхд гушдиш лезетлуьни.

Одомигъо муьрдenuьтгеш,
Месд нис бире хок эн хори,
Э хьол муьрде бисдоруьтгеш,
Чумгъой инсон нисд суьрои.

Судум гирде хорусдигеш,
Дуьл эн дуьшме серин нибу.
Эй дусд хуби несохдигеш.
Гене дуьл ю темиз мибу.

Э расди ло ки пой ноге,
Э метлеб хуьшде мирасуь,
Ки чеп рэхъэ рафдениге,
Э хьэрмэхъгъо гъич нирасуь.

Э дусд хогъин ведировгъо,
Эз чум дусдгъо миофдону,
Ники дусде недануьгъо,
Э беде руз ю мимуну.

Екем воруш оморенге,
Говгъой эрхгъо лихъэ мибу,
Келе сайлгъош бисдоруьтге,
Нуькерегъо лихъэ нибу.

СЕМЕНДУЕВА Зоя

Родилась в 1929 году в Дербенте. Училась в Махачкале. В 1950 г. поступила на работу в Дагкнигоиздат на должность редактора.

Первые ее стихи увидели свет в 1960 году на страницах альманаха, выходившего на горско-еврейском языке. Она пишет о своём народе, о любви, дружбе, о войне и мире.

Первый сборник вышел в 1967 году, а всего до репатриации в Израиль Зоя Семендуева выпустила 10 сборников стихов. Произведения поэтессы публиковались в московских поэтических сборниках, в книгах «Народ – победитель», «Песня», «Мечта и любовь» и др.

В декабре 1992 года Зоя репатрировалась в Израиль. Здесь её стихи публиковались в сборнике «Говлеи – Избавление», а в 1998 году она выпустила новый сборник стихов, в который вошли произведения на горско-еврейском языке и переводы её стихов на русский язык. В 2007 году в издательском доме «Мирвори» вышла очередная книга «Духдер дуь бебе». Член союза писателей Дагестана. С 1999 года член Союза писателей, выходцев с Кавказа в Израиле.

Гуьзетлуь зенгьой жуьгургьой догьи

Гирошдетгеш омборе салгьо,
Эз ёр хэлгъ нисе рафде угьо,
Ведилуь актрисе бу Эхсо,
Гуьзетлуь нуме гьобул сохде.

Бегем мибу фурмуш сохде,
Чуьтам эшгьлуь Эхсо вози сохде,
Тегьер буьлдуьр эн богъ хунде,
Чуьн гуьл васал рачи доре.

Хэлгъ оморенбу э театр,
Шор бире, дуьл хоши вегуьрде,
Э ёр мени актриса Истир-Мелке,
Э сер сегьне эшгьлуь вози сохде.

Гьер вэхд э ёр миёвт жоборде зенгьо,
Гьелбет угьо ёровурд девр мунди,
Духдергьой Ватани, дошдет дусди,
Э гърей энугьо Бикелиш гьисди.

Э пушой дерьёгъ

Нуьшдем э пушой дерьёгъ,
Думутгьо бердет э дури,
Шаргьоюш евош, хомуш бири,
Белкем угьореш гьисди войге.

Воисд пуьрсире эз дерьёгъ,
Гьечи эйчуь гьемин бирей,
Небуге туь кумеки сохде
Эри э рэхъ деригьо гемигьо.

Туь гьемише гьувот доре,
Мол, девлет Ватане зиёд сохде,
Кими вэхд лап хьуьршлуь бире,
Шаргьоре ме томоше сохде.

Бигьили гьер вэхд шаргьой туь,
Зенуьтгу раче мугъумгьо,
Бисдоруьтгеш лап хьуьршлуь,
Бошут кумек инсонгьо.

Васал биренге

Парандегъо э лулешу,
Чуьн э Ватан вогошденуьт,
Шоре мэгІни угъо, хунде,
Э сер доргъо паруьсденуьт.

Чуьшме сохде герм хорире,
Гьер тарафе вараюнде,
Хьэвес доре инсонгьоре,
Эри коре пушо берде.

Мереш васал эшгълуь сохде,
Эй гуфдире раче гофгъо,
Эдем шоре мэгІни хунде,
Эри васал эн инсонгъо.

Духдер догъум

Духдер догъум, войгелуьнуьм,
Туьре, гъуш догъ, сэхд хосденуьм,
Э дургъо туь гъэнет зере,
Бер унжиге муьгъбет мере.

Бисдориге туь э серхьэд,
Ватане эй дошде гъэлхэнд,
Мибу кумег мугъбет дусди,
Эй туь игид Ватан – расди.

Е небуге зере гъугъэр,
Жэхьди сохде эри бегьер,
Э унжигеш муьгъбет иму,
Хьэвес мидуь, кумек мибу.

Э гьержои туь бисдори,
Дан, севгили, туьре ёри,
Туьни войгей дуьл духдери,
Э и Ватан бэхдевери.

Гуьмуьр

Зигьисденим бейхэбер вэхд giroшде,
Метлебгьоре пэхьни э дуьл сэхд дошде,
Оммо уьлуьм кей омогеш э гъэришу,
У рэхьмедуьл эри екиш нибошу.

Энжэгъ у вэхд дуьл эн гьемме сухдени,
Кейки бивэхд хун жовонгьо рихдени,
Кейки гІэил э гъэл деде хэндуьсде,
Песде гьердуь эз бомб дуьшме беисде.

Гуьмуьр инсон дураз нисдгеш зиёдте,
Эйчуь уьлуьм шев руз уре терсунде?
ДовгІохогъиш хуьшдению гьисд бенде
Чуьтам гьони сокит мибу дуьл деде?

Ме, чуьн деде, эдем хосде, инсонгьо,
Темиз бугу эвр эн хори ве гьово,
Эжигей туп ве виз нолей косодгьо,
Шиновим сес хуше мэгІнигьо.

СЕМЁНОВ Юно (1899-1961)

Поэт, драматург, режиссер, один из основателей горско-еврейской драматургии и театра. Писал сатирические пьесы на актуальные для своего времени темы: становление нового социалистического человека, антирелигиозная пропаганда, борьба с пережитками прошлого, коллективное строительство новой жизни.

Возможно, произведения такого характера уже совсем не интересуют современного читателя, но... Если отбросить острую классовую направленность, то можно сказать: произведения Ю.Семёнова обязательно следует сохранять, читать, изучать, поскольку в них талант автора, его прекрасное чувство юмора, энергия и исторические реалии того времени...

А кроме всего, произведения Ю.Семёнова стоит читать, поскольку написаны они красивым, живым, богатым горско-еврейским языком.

Юно Семенов гьисд еки эз ведилуье ве талнтлуье нуьвуьсдегоргьой жугьурун догьи, бине норегор драматургиеймуре. Сер гирде эз суьфдеи салгьой эн совети те песини 1990 салгьо э сегьней эн театр иму гье норе омори пьесегьой эн Юно Семенов. Э книг энду, ведешенде омориго э 1964 сал, дешенде оморет вихде оморе нуьвуьсдеигьой энду: «Зенбебе», «Хогьин», «Тигьу», «Зигил», «Пешмуни нехундеи», «Абаси», «Ошнегьой раби Хьэсдил» ве угьонигеш.

Ю. Семенов пушоте бири фэхьле-наборщик э типография. Гье э у салгьо у сер гирди эри нуьвуьсде пьесегьой хуьшдере. Оморе-оморе у э Гэрей хэлгь мэглуьм бири чуьн талантлуье драматург. Юно омбаре фегьм, гьувот хуьшдере дори эри театр. У эри театр неки пьесегьо нуьвуьсди, у гьемиге режиссер эн театриш бири. Эз пьесегьо ве ихдилотгьо бэгзэй Ю.Семенов нуьвуьсди широгьош.

Юно Семенов еки эз лап хуб дануьсдегоргьой зугьун литературайму бу, унегуьре нуьвуьсдегьой энду лошуьнлуь ве асанти эри хунде.

У бу еки эз бэхшвегиргьой гьирмизине партизангьо. Ю.Семенов муьрди э 1961 сал, э шастдуьимуьн сал гьуьмуьр хуьшде.

Михаил Гаврилов

Озгорогьой куьгьнегьо

Гьемме руз пушой себэхь,
Либо зен Нисим-Тирэхь,
Гуьрд мисохд гьулум-гьунши
Мисохд нифри-гьэргьуши.

- Ки шуьвер-хэлеф муьрде,
Пов гьэлифоре шенде,
Гье э инжо э зир пой?
Эри эн у сохом вой!

Мидешенд божэхь и зен,
Э тегьер гьовол шивен.
Гьуншигьо мибисдорут бенг,
Гуйге шендет туп-туфенг.

Песде вегирде жару,
Гье мисохд чуме-чару,
Э чум ю вохурд хое,
Шенде сохде нефое.

- Гене и чуь тилисим,
Э пушой хуней Нисим?
Угьо гердо эз чум кур,
Зинде дарово э гьур!

Гье гьечи гьер руз-бе-руз,
Те вэхд сес глугьгьугьой хуруз.
Биренге бегьем товуш,
Либо мибисдо хомуш.

Эз гьер куьнж еки-еки,
Зенгьо э шори-ники,
БэгIзи э овил, э ёс,
Э хуней гьунши, мирос.

- Руз э хэйр, холей Либо!
Гу винуьм гьери ебо,
Вэхд тазе нуьгбегьери,
Эз гIэруьс чуь хэбери?

Небире гьич шерменде,
Либо сохд лове-хэнде.
Гуё хьэлоле ковтер,
Е надуьшменде духдер.

- Эгьуьбет ишму э хэйр!
Хьолсуьзуьм, бирем тугьэйр.
Нисди мере ковуне,
Диройт гьери э хуне.

ГIэруьс гирошди эз вэхд,
Ки дори у жире бэхд?!
Эдем зере дурине,
Эри куклей нарине.

Кукле бисдо, э гьужогь,
Мирайм э кейфгьо э богь.
Духдер бисдо, е шинлогь
Эз духдерлей гьурумсогь.

- Шоре занигьо зено!
Десе э хьини дено!
Венит э хуьшдо зэхьмет,
Хьуьрмет сохит э жэгIмет.

Либо, руй ю до гуне,
Гуфди: – Хьозури дуне,
У руз биригьо хьэмило
Мидушунум энгилово,
хьэливо, миробо...
Эз хэлгъ нибошум сово.

Висдорем ченд жире дон,
Шогъбалуд, фундугъ, бодон...
Гьемчин хуьшге бор емиш:
Хирмов, гъэйси ве кишмиш.

Коньяк, эрэгъи, шороб,
Пивош миёрум ченд гъоб,
Висдорем бесдуй кере,
Ишмуш недирейт гъеле.

Е сер эз нугмегъ-васал,
Восдорем бесдуй гъэсел.
Е бесду руьгъэн гъуьжуьр,
Ширинигъош жуьр-бе-жуьр.

- Гуш вени гене, Либо,
Э и поке кетубо.
Туь духдер раби Ошир,
Хурдей лап хьэлоле шир.

Гуьрдебири туь нидир,
Восдо бэхшгьо небу дир.
Миросгьо небу гъэгъри,
Несохут де гилей.

Гъэдой туь э жун холе,
Бэхш?...Хьозури ченд шеле:
Эрилей гъэмей Тирисо,
Хьибо, Зибо не Ахсо.

Эри зегъэмлей Риспо,
Хумор, Томор не Зулпо.
Эри зэхолуй Динор,
Рут, Лиё не Гиненор.

Сердеги бодон гуьли,
Журуб ранг гъуьзуьргуьли.
Эз келе магазини
Тозе гъолушгъой ризини.

Оммо эри Гіэруьс-духдер,
Булшилегьой гуьл-мохбер.
Дуьгуьргьой гъэз – эвруьшуьм,
Сер чум хэлеф меш руьшуьм.

- Хуб-о, ой гъэгъэй Либо,
Гъич нибу туьре тубо?
Эри холей Мироти,
Висдо гьерчуьш ильети.

- Гъэдрой ме! Эй Мироти?
Мосдонум эхироти.
Гъеле гируьгу лэгІэ
У вамасире бэгІэ...

МэгІлуьмей эн и «Кипур»,
У дараво э гъур!
Мугум, жонум – Мироти,
Эри «зихъэлипоті...»

Биёр е хуруз-вече,
Э сер ю расо кемче.
Воисд черх дуьм недово,
Э сер шуьгъэм хъэмило.

Э ёр овурде Худо,
Е куклей наринe до.
Миротиш овурд вира,
Бугъоз ю гердо бурра!

Ебо фикирдит, эхтер!
Гіэруьс ме зендуь духдер?
Гъечиш чум не вегири,
И зен, кечеле – пири?

Эй.., эй гъэбилей Берче,
Восдорем е туп парче,
Бисд лете, гуьллуь поже,
ТэгІрифи гъеммей куче.

Шинире омо сес ноле,
Кура бисдо мэхъэле,
Келе э чуькле гъэриш,
Э хуне офдо шивиш.

Е ГІэруьс бегьем мерез,
Э хори бири дураз.
Шуьгъэм буьлуьнд чуьн болуш,
Чумгьой ю э гьенг говдуш.

Ранг ю зердов, десгьо лов,
Чумгьо зерет сие тов.
Шинре омо гьебирден
Сесгьой гирьё, зар-шивен.

Кумексуьз и биомон,
Хьэрой сохд: – Муьрдуьм, омон!
Чумгьой Либо гуьрд думон,
Куфд сере э гьенг хэрмон.

- ГІэруьс эдей хурде дерд,
Э хунеш неде е мерд.
Ёгъин и гьисди бивэхд.
Рафди мозол, рафди бэхд.

- Вокунум зури дарби,
Бурам э хуней раби.
Соху е туьлки-чоре,
Эри эн и бичоре.

Вогошд лап зури Либо,
Диромо раби Обо.
Дениши хуб эГІэруьс,
Гуфди: – Гъэсд сохди ГІэлбуьс.

Вокурд Туро, вешенд велг.
- Ини руьхьи сиегье керг.
Гъэлифо, ГІэлбуьс, садан
Гъэсд сохди э и беден.

Биёрит гьери тешде,
Руьхьгьо юре нисе гьишде.
Дит бонкей ГІов, еде жом,
Сургум мибу руьхь томом.

Раби хунд келе шэмэгІ,
Говиш зе е келе мэгІ.
- Гьурбун ГІэруьс туь говле,
Гуш вени э ме, холе.

Раби гуйге сохд эрэгъ,
Гуфди: – Мигируъм сендэгъ.
ГІэруьсе дено э тешде,
Э эйлонме раби гешде.

Нефес гуърде е жовон,
Гьуъл зе гьеммере э ён .
Духдир диromo поисд,
Раби гуйге лап беисд.

Вокурд чумгьоре нечогъ,
Э жовон дениши гьогъ.
Рихунд похли-похли ГІэрс,
Духдир гуфди: – Гьич метерс!

ГІэзор туь гьисд «водянка»,
Чуь гереки тешде, бонке?
Шуьгьэм туь вечири ГІов,
Мисохим хос, нибу лов.

Туроре э зир гьултугъ,
Сере э тегьер гьудугъ,
Раби вирихд зу дилбош,
Нечогъэ бердуьт ёвош-ёвош.

Либо рафде эз хуьшде,
Офдо, дарафд э тешде.
МэГІ зе э тегьер кечи,
Войш! Рафд э пучи – гьичи.

Фегъм сохд, вэхуьшд, поисд тик,
Жом тигьи, жиге торик.
ГІэруьсеш берди духдир,
Сохд фикир, нисд гьелем дир.

Медицинай эн ГІилми,
Э гьуллугъ инсонети,
ГІилм жофокеш – жунсогьи,
Раби, фолчи негьогьи.

Фикире дит э хунде,
Неейт дие фурмунде.
Нисд гердо куьгьне ГІэдот,
Иму расим э мирод.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

на азербайджанском языке

АБРАМОВ Абрам **1932-1982**

Читатели уже имели возможность познакомиться с творчеством Абрама Абрамова в разделе «Произведения на горско-еврейском языке».

Биз даг јѳудилѳри мин иллѳр чохдур ки, Азѳрбајчанын сѳфалы, бѳрѳкѳтли торпагына мѳскѳн салыб азѳрбајчанлыларла чијин-чијин ишлѳјиб јѳратмышыг. Биз чисмѳн јѳһуди ол-сагда һѳмишѳ азѳрбајчанын ѳдѳбијјѳтинѳ, инчѳсѳнѳтинѳ, мѳтбуатына бағлы олмушуг.

Халгамызын кѳзѳл шаирлѳри олмуш онлар Азѳрбајчан вѳ даг јѳһуди диллѳриндѳ чохлу ше-ирлѳр-гѳзѳл вѳ маһнылар јазмышлар. Онлар-дан бирини мѳн охучуларымла таныш етмѳк истѳјирѳм.

Мѳним достум Абрамов Абрам Абрамо-вич 1932-чи илдѳ Азѳрбајчан Губа шѳһѳриндѳ, Гырмызы гѳсѳбѳдѳ анадан олмуш, охужуб орта тѳһсил алмыш. Губа кѳнд тѳсѳррѳфат техни-кумун мал һѳкими шѳбѳсини гутармыш нечѳ иллѳр колхозда мал һѳкими ишлѳмишдир. Онун шеирлѳри вахт ашары рајон газетлѳриндѳ чап олунурду. Мѳн ѳскѳрликдѳ олдуғум вахт-лар бир дост кими бир-биримизѳ мѳктуб-лар јазырдыг. Абрам мѳнѳ һѳмишѳ мѳктублѳ шеир дѳ јазыб кѳндѳрирди. Достум Абрамовун 1950-чи илдѳн, 1953-чи илѳ гѳдѳр мѳнѳ јазыб кѳндѳрдији бир нечѳ шеирлѳри илѳ охучулары-мызы таныш етмѳк истѳјирѳм. Достум Абрам Абрамович Абрамов 1982-чи илдѳ ѳз һѳјѳтыны дѳјишмишдир.

Она аллах рѳһмѳт етсин.

Манахимов Шѳртил Шамаилович

Тапарам сәни

Һарда олсан белә вурғун көнлүмү,
Өзүнлә бәрабәр апар, а достум.
Ишдир, бачармасан бу ағыр жүкү,
О сәнин ардынча чапар, а достум.

Ајрылыг бир жүкдүр күрәјимдәки,
Көтур ат башымдан гара фикири.
Сән кәл өз әлиңлә үрәјимдәки
Пис фикирләри гопар, а достум.

Сыхмасын һеч вахт гәрибләр сәни,
Лакин јашадачаг үмүдләр сәни.
Һарада олсан да ахтарар сәни,
Бу дост үрәјим тапар, а достум.

1951-чи ил, Губа шәһәр

Достума мәктуб

Һәр нә истәјирсән сеч көтүр ај дост,
Анчаг о күллү баһар гој мәним олсун.
Әзәлдән көнлүмү мәфтун еләјән,
Бир кәман бир дә тар гој мәним олсун.

Бурутла өпүшән о гарлы даглар,
Даглардан сүзүлән сәрин булаглар.
Гојунлу-гузулу јашыл јәјлаглар,
Бир дә чәмәнликләр, гој мәним олсун.

Бу ачыг һавадан кәлән меј сәси,
Учан дурналарын зәнчир дәстәси.
Севән үрәкләрин ширин нәғмәси,
Бир дә севимли јар, гој мәним олсун.

1952-чи ил, Губа шәһәр

Мəним гардашым

Еј кинли гардашым, дəрдли гардашым!
Башы гарлы дағ кими ағарды башым.
Бурда күл-чичəкдир торпағым, дашым,
Сəнсиз күлə билмəз мəним үрəјим.

Јухумда ојанмыш, көрүрəм сəни,
Дағ кими дајанмыш, көрүрəм сəни.
Аг-апаг ағармыш, көрүрəм сəни.
Көзүмдə јухум јох, мəним гардашым.

Һагг сөзүмү күлəклəрə вермəрəм,
Јар бағындан сəнсиз күлү дəрмəрəм.
Бу күнаһы, бил ки, сəндəн көрмəрəм,
Иншаллаһ, тез гајыт, мəним гардашым.

Сəнсиз, достум, һалым јамандыр јаман,
Ғыш кедир, јаз кəлир, дəјишир заман.
Гој достун Абрамы ешитсин чаһан,
Сəнсиз дарыхырам, мəним гардашым.

1932-чи ил
«Ғызыл Губа» газетиндəн

ГУРШУМОВ **Эльдар**

Читатели уже имели возможность познакомиться с творчеством Эльдара Гуршумова в разделе «Произведения на горско-еврейском языке».

Олмасын кэрэк

Элли милјон сајы олан милләтин,
Торпагы јад әлдә галмасын кэрэк.
Белини гырынча гара зилләтин,
Күлүшү додаға алмасын кэрэк.

Баһарлы фәсилдән сәрт гыш диләјән,
Булутсуз көјләрдән јағыш диләјән,
Аллаһын һүкмүндән алгыш диләјән,
Үмиди өзкәјә салмасын кэрэк.

Ганлардан из галыб һәр јарагда да,
Гангаллар көк салыб солда, сагда да,
Гөнчәли чичәкләр Гарабагда да,
Тәбриз күлләрәтәк солмасын кэрэк.

Шушаны итирән мөгамдан сонра,
Күндәлик көз јашы доғандан сонра,
Үрәји әридән муғамдан сонра,
Тарында шән маһны чалмасын кэрэк.

Садиг Ибраһимтәк учалмаг үчүн,
Падшаһ Давуд кими күч алмаг үчүн,
Јарадан һаггыјла гочалмаг үчүн,
Дүнја залымларла долмасын кэрэк.

Физули гәләмлә башларды ишә,
Көрөғлу гылынчла чәкәрди шишә,
Илһам да сәбр илә дејир һәмишә:
«Арзулар бәһрәсиз олмасын кэрэк!»

Гарабаг ағрыдар

Ширин јухулары чәлб етмә көзә,
Гарабаг ағрыдар үрәјини дә.
Он беш ил бу дәрдә һеј дөзә-дөзә,
Дүшмәнә чевирмә күрәјини дә,
Гарабаг ағрыдар үрәјини дә.

Торпаға соврулуб күнаһсыз елин,
Һүснүнә јарашмыр бәхтсиз күлмәјин,
Шәрәфдир бу јолда вахтсыз өлмәјин,
Зәһәрдән ачы бил чөрәјини дә,
Гарабаг ағрыдар үрәјини дә.

Диллэрдэн јазылыб Шушалы шанын,
Дамарда сығыныб чошалы ганын,
Әһвалы позулуб Азәрбајчанын,
Зилләтдә гәргләмә диләјини дә,
Гарабағ ағрыдар үрәјини дә.

Никбин хәјаллара ујушма дарда,
Туфанлы јағышда, боранлы гарда,
Вәтәнин оғлутәк, вурушмаларда
Бир анлыг бүдрәтмә биләјини дә,
Гарабағ ағрыдар үрәјини дә.

Тарих көк салыбдыр чохдән дәринә,
Сәрһәдләр чәкилсин илкин јеринә,
Бир дә залымларын һәндәвәринә
Аналар атмасын өрпәјини дә,
Гарабағ ағрыдар үрәјини дә.

Хиласкар

Ајдын Гуришумов үчүн

Товратын кодуну ачандан бәри,
Аллаһын јолундан кечирсән, Гардаш!
Күнәштәк нуруну сачандан бәри,
Сиррли рәгәмләри сечирсән, Гардаш!

Ојадыб шаһларын дилчиләрини,
Мәналы һәјаты сүрүрсән инди.
Танрымыз Аллаһын елчиләрини,
Јатаг отағында көрүрсән инди.

Дамын нахышындан ашараг әлләр,
Сәни кәләчәјә апарыр јенә.
Одлу бахышындан чошараг селләр,
Һәр шеји көкүндән гопарыр јенә.

Шәрәфлә адына сөз гоша-гоша,
Нәғмәләр аләмә јажылачагдыр.
Өмрүн Израилдә долса да јаша,
Үнванын Губа да сајылачагдыр.

Шәрин бөнүврәси сөкүлән заман,
Зәриф көрүнәчәк көзүнә даш да.
Мүгәддәс сарајы тикилән заман,
Јерин билинәчәк јухары башда.

Јарадан һөкмүнү вердији андан,
Бәхтинин улдузу јаначаг, Гардаш!
Көјләрдән башына сәрдији шандан,
Елләр дә хиласкар саначаг, Гардаш!

Истедад саһиби Чинкиз гардаш - Бабадыр

Әлли беш јашында бабасан инди,
Дүнја севинчинә шәрикәм мән дә.
Үрәкләр шад олду, дилләр дејинди:
«Арзулар тачыдыр оғул нәвән дә!»

Һалаллыг сүфрәсин сәрмәкдән өтрү,
Бәхтиндән хош күнү көзләјир инсан.
Бир иллик барыны дәрмәкдән өтрү,
Бир фәсил гышы да изләјир бағбан.

Һәфтәләр ајларла јаша доланда,
Санма ки, үмидләр гочалачагдыр.
Нәвәләр оғулла, гызлы оlanda,
Шөһрәтин шанынла учалачагдыр.

Бәдхаһлар гызыла гара јахса да,
Гызышмыш башлара даш дәјәр јенә.
Аллаһсыз дикбашлар јолун азса да,
Вахтында, әдәблә, баш әјәр сәнә.

Јарадан сиррини ачанда бүтүн,
Хиласкар кәздирәр өз әлләриндә.
Падшаһлыг тахтында әјләшмәк үчүн,
Аллаһа хош кәләр әмәлләрин дә.

Мүдриклик камалы ашса да бир баш,
Сәррафлар сәбриндән дөнмәз бирчә ан.
Аләмин нуру вар көзүндә, Гардаш,
Күнәшә бәнзәјән сөнмәз һеч заман!

Гарабаг бәндәләри

1

Бир бәндәјәм нәр илә,
Ојун олмаз нәр илә.
Ган агладыр «шикәсдә»,
Дөјүшә галх шәр илә.

2

Бир бәндәјәм әзизләр,
Һәр чәнд севәр, әзизләр;
Гарабағы јаделли
Һәшәрәтдан тәмизләр.

3

Бир бәндәјәм солмасын,
Тәбриз, Дәрбәнд солмасын.
Гарабағ да, Көјчәтәк
Кәрәк Дәрдбәнд олмасын.

4

Бир бәндәјәм гоша кәл,
Елин илә гоша кәл.
Гарабағым дардадыр,
Короғлутәк чоша кәл.

5

Бир бәндәјәм дәрәрләр,
Дәјән бары дәрәрләр.
Шушаја көз тикәнин
Чавабын да верәрләр.

6

Бир бәндәјәм пәј һаны,
Ана јурддан пәј һаны?
Сејр етсән дә чаһаны,
Гарабаға тај һаны?

2 – чәркәлиләр

1

Лухуна кирәрсә алчаг бир инсан,
Чырағлы сарај да көрүнәр зиндан.

2

Думанлы дағларын гарлы башында,
Ачылмаз сирри вар гара дашын да.

3

Икинчи үнван да сајса зинданы,
Гәм-гүссә јашатмаз белә инсаны.

4

Хәјјамын сөзүндә јохса да јалан,
Ичкијә нөкәрлик етмә һеч заман.

5

Гәзәбләр јағдырсан дүшмән үстүнә,
Нәсилләр күл-чичәк сәрәр бүстүнә.

6

Өзүнә јазығын кәлмирсә әкәр,
Өзкә дә әлиндән мин бәла чәкәр.

7

Гарлы зирвәләри чох олан дағлар,
Исти јәј күнүндә көрпәтәк ағлар.

8

Әзијјәт чәкәрсә бәлалы башын,
Һесаба алынмаз нечәдир јашын.

9

Достун күрәјини нә вахт ки дәләр,
Кәсдији чөрәк дә көзүндән кәләр.

10

Дивары тутараг јеријән инсан,
Хәјјамын мејиндән тапармы имкан?

11

Дүнјасыны дәјишсә дә һәр нәсил,
Үнванына садиг галар һәр фәсил.

12

Шаир олмаса да хәстә сәрхошлар,
Ичкидән зөвг алан Хәјјама охшар.

13

Гаранлыг мешәдә азарса инсан,
Нә молла лазымдыр, нә гәбир газан.

14

Севкилин оларса көзүн гарасы,
Гәлбини сарсытмаз сөзүн јарасы.

15

Сөзләри јагдырса автомат кими,
Чавабы верилсин дипломат кими.

16

Илантәк чаларса арвад әрини,
Кәрәк о дүнјада тапсын јерини.

17

Өмрүн пәјызыны унудан инсан,
Сәрт гышдан чыхмаға тапмаз да имкан.

18

Күвәнәрсә гәдир билән елинә,
Бир дағы да шәлә бағлар белинә.

19

Дағлардан учалса үрәјин сәнин,
Торпаға кипәнмәз күрәјин сәнин.

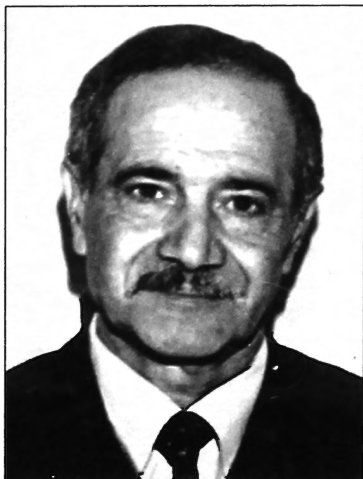
20

Ешгин һәрарәти аловлананда,
Алышар гурутәк сулу олан да.

21

Дәрманла кечсә дә әкәр һәр күнүн,
Јенә дә дүшмәнә һүнәрли көрүн.

КӨҶЧАЛЛЫ **Данил** **(Данилов Данил** **Исмаил оглы)**

Родился в 1932г. в г. Геокчай Азербайджанской ССР. Окончил Бакинский техникум по специальности техник-технолог, а затем Азербайджанский педагогический институт им. Ленина, факультет азербайджанского языка и литературы.

На протяжении 20 лет работал преподавателем и воспитателем в профтехучилище № 48 при МВД СССР в г. Баку. За успехи в работе был неоднократно награждён грамотами и премиями Министерства Внутренних дел.

В 1994 году репатрировался в Израиль. Живёт в г. Акко.

Член союза писателей, выходцев с Кавказа. Стихи пишет с 1956г. Первая в его творческой жизни публикация состоялась в альманахе «Мирвори» №1.

Нечә әл чәким

Биллур тәк ешгиндән фәрәһләндијим,
Лејли камалына сәчдә етдијим,
Кечәли-күндүзлү назын чәкдијим,
О мави көзлүдән нечә әл чәким?!

Кәзсәм дә бу јурду, мән дијар-дијар,
Тапылмаз онун тәк исмәтли бир јар.
Тәк одур севинчим одур севкилим,
О ширин сөзлүдән нечә әл чәким?!

О мәним көмәјим, о мәним архам,
Тәк одур һәр заман мәни ахтаран.
Мән она вурғунам һәр заман-заман,
О әсмәр үзлүдән нечә әл чәким?!

Мән она «көзәлсән» десәм дә аздыр,
Мән онун әсријәм бир нечә јаздыр,
Гәлбим о Лејлаја көкләнмиш саздыр.
Мән өзүм-өзүмдән нечә әл чәким?!

Биллур тәк ешгиндән фәрәһләндијим,
Лејли камалына сәчдә етдијим,
Кечәли-күндүзлү назын чәкдијим,
О мави көзлүдән нечә әл чәким?!

Көз јашымла јујарам

Гардашымла сөһбәт

Сәнин көрүшүнә һәр кәләндә мән,
Ајрыла билмирәм, а гардаш, сәндән...
Јарындамы мәни көрмүјәндә сән,
Һарда олсам да мән һәмән тапардын,
Һалымдан-ишимдән хәбәр тутардын?!

Мән ата көрмәдим, сән гардаш кими,
Мән гардаш көрмәдим, сән ата кими.
Бу хошбәхт күнләри, сән вердин мәнә,
Бу күн дә, а гардаш, мөһтачам сәнә.
Нә гәдәр сағам мән, борчлујам сәнә.

Артыг илләр өтүб, гочалмышам мән,
 Мүггәддәс адыны, учалтмышам мән.
 Мән һарда олсам да, сән мәнимләсэн,
 Јенә дә дајағым, сән-сән а гардаш.
 Енилмәз бајрағым, сән-сән а гардаш.

О сәнли күнләри унутмарам мән,
 Сәнин јохлуғуна, инанмарам мән...
 Санырам һардаса, сәфәрдә сән-сән,
 Јенә дә тезликлә көрәрәм сәни,
 Бағрыма басыб, өпәрәм сәни...

Тезликлә көрүшә кәлирәм, гардаш,
 Сәнин әвәзинә мән өләјдим каш.
 Гардаш дејиб, һөнкүр-һөнкүр ағларам,
 Су олмаса, инан мәнә, а гардаш,
 Баш дашыны көз јашымла јујарам.

Оху Намиг оху...

*Мүгәнни достум Идрисов Намига,
 итһаф едирәм*

Тојлара, мәчлисә јарашыг верән,
 Инсана зөвг верән, севинч бәхш едән,
 Сәнин күләр үзүн, хош нәфәсиндир,
 Шәләлә тәк ахан о шән сәсиндир.

Шәнләнир һәр тојда гоча да, кәнч дә,
 Сәсләнән маһныны Намиг дејәндә.
 Севинч әршә галхыр, һамы әл чалыр,
 Севән үрәкләрдә сәнәт учалыр.

Сәнәтә мәһәббәт, халгына һөрмәт,
 Бах будур әдаләт, бах будур шөһрәт.
 Сәсләнән маһнынын һәр бир сөзүндә
 Санки бир һикмәт вар, Намиг сәсиндә.

Јашыл мешәләрин, уча дағларын,
 Губанын алмасын, Көјчајын нарын
 Әтрини дујурам сән охујанда,
 Гој сәсин јәјылсын Милдә, Муғанда.

Халгымын евиндә тој-бајрам олсун,
О тојда – шәнликдә, Намиг охусун.
Тә`рифә лаигдир бу көзәл инсан,
Данил маһны јазсын достуна һәр ан.

Бачы чан бачы

Фәридә ханымын 60-јашы мұнасибәтилә

Еј әзиз сәнәткар, мейрибан бачым,
Лаигдир адына мән шеир јазым.
Сәнә шаир дејим, рәссамы дејим?!
Гәлбимдән кечәни сәнә сөјләјим,
Сәнин 60-јашын, мұбарәк олсун,
Үрәјин һәр заман севинчлә долсун.

Бир рәссам кими мәтинсән-мәтин,
Һәр кәсә бәллидир сәнин сәнәтин.
Евләри бәзәјир күллү халчалар,
Онун һәр күлүндә, бармаг изин вар.
Јаздығын шеирләр көнүл охшајыр,
Севинчдән бу гәлбим һеј ашыр-дашыр.

Сәнин сәнәтинә һәјранам, бачым,
Лаигдир адына мән дастан јазым.
Шаирә бачымла фәхр едирәм мән,
Сәнәткар бачымы чох севирәм мән.
Јаз-јарат, а бачым, дүшмә һәвәсдән,
Халгымыз зөвг алсын әсәрләриндән.

Тој сәнин евиндә тој-бајрам олсун,
Гардашын о тојда ше`ир охусун
Ај, мәним зәһмәткеш мейрибан бачым,
Күн о күн олсун ки, нәнә оласан,
Нәвә шәрәфинә ше`ир јазасан,
Маһир рәссам кими зәфәр чаласан.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	3
-------------------	---

Проза на русском языке

— АСАИЛОВ Шарон	6
АШУРОВ Симха	10
ЕЛИЗАРОВ Михаил	12
КАРАКИС Геннадий	17
СИМАН ТОВ Шауль	23
ХАНУКАЕВ Борис	26
ХЕЙЛИ Мирьям	34

Драматургия на русском языке

— ФАРАДЖЕВ Владимир	42
---------------------------	----

Поэзия на русском языке

— АБРАМОВА Шушана	62
БАХШИЭЛЬ Арон	64
— ИЗГИЯЕВ Давид	66
— ИЛЬЯГУЕВ Роман	70
— КОЗАКОВА Маргарита	72
— ПЕЙСАХОВА Галина	75
— СИМАНТОВ Геннадий	77
— СОСУНОВ Артур	80
ШАЛУМОВА Стелла	82

Публицистика на русском языке

АГАРУНОВ Михаил	88
ДАВЫДОВ Вячеслав	94
ИЛЬЯСОВ Павел	102
МИХАЙЛОВ Эмиль	107

Произведения на горско-еврейском языке

АБРАМОВ Абрам	114
АГАРУНОВ Шабтай	115
БАБИЕВ Зарбоил	120
ГУРШУМОВ Эльдар	125
ИСАКОВ Мататья	129
САФАНОВ Беньямин	131
СЕМЕНДУЕВА Зоя	134
СЕМЕНОВ Юно	137

Произведения на азербайджанском языке

АБРАМОВ Абрам	144
ГУРШУМОВ Эльдар	147
КОЙЧАЙЛЫ Данил	153

«Мирвори» №6
Литературно-публицистический альманах

Главный редактор Й. Мишиев
Редактор и корректор (рус. яз.) М. Козакова
Горско-еврейский язык — авторская редакция
Дизайн и компьютерная вёрстка Э. Алиев
Иллюстрации - С.Ашуров

Подписано к печати 30.12.2009
Формат: 70 x 100 1/16
Гарнитура Times New
Печать офсетная
Усл. печ. листов 12,9

Издательский дом «Мирвори»
Адрес редакции: Израиль, Нетания, ул. Бренер 10
Адрес для писем: Israel, 42441, Netanya, P.O.B. 359
По вопросам приобретения и заказов обращаться по тел.:
международные — 972-9-8840855, 972-9-8870811, 972-54-7766822
в Израиле — 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822
E-mail: mirvori@mail.ru

**В издательском доме «Мирвори» в 2008-2009 году
вышли в свет следующие книги:**

**Литературно-публицистический
альманах «МИРВОРИ» №№1-6**

Ю.Ягданов.
ЛЮБОВЬ И СПУТНИКИ.

А.Лифшиц.
Я ВАМ СТИХИ СВОИ ПРОЧТУ...

З.Семендуева. ДУХДЕР ДУЪ БЕБЕ.

Д.Раханаев.
НЕДОПЕТЫЕ ПЕСНИ МОИ...

Е.Навахов. ТЕМ, КОГО ЛЮБЛЮ.

Их подвиг не забудется.
Книга воспоминаний ветеранов ВОВ,
жителей г.Сдерот. (иврит).

С.Ягудаев. КАРАКУЛЕВЕДЕНИЕ.

РАЗУКРАСЬ КАРТИНКУ, ВЫУЧИ СТИШОК.
Книжка-раскраска для детей.

М.Якубов. ПУТЬ САНЬКИ. Повесть.

В.Давыдов.
**ОЧЕРКИ О КУЛЬТУРЕ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ
В ИЗРАИЛЕ.**

М.Козакова. ГОРСКИЕ ЕВРЕИ.
СТОРОННИЙ ВЗГЛЯД
НЕПОСТОРОННЕГО ЧЕЛОВЕКА.

М.Елизаров.
ИСПОВЕДЬ БЕЖЕНЦА.

Б.Ханукаев.
И МОРЕ, И ЗЕМЛЯ, И НЕБО.
69 белых пятистиший.

Й. Розенталь.

ПОПЫТКА ВОПЛОТИТЬ МЕЧТУ.

И.Йегуди.

**ЗАМЕТКИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ
ЕВРЕЙСТВА (иврит)**

С.Гаврилов. ОГОНЬ СВЕЧИ.

**ЕВРЕИ АЗЕРБАЙДЖАНА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

БУХАРСКИЕ ЕВРЕИ: КТО МЫ?
Энциклопедия. IV том.

Ш.Агарунов.

ДӘДӘЛҮҮӘ ДҮНҮӨМӘ.

Сборник стихов

В.Давыдов.

ЛЮБОВЬ ГОРЦА.

Повесть для театра

Ш.Шалумов.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ СИБИРИ.

Стихи, песни, хвалы, эпиграфы

Т.Кремлякова.

У ТЕБЯ ТАКИЕ

ПРОЗРАЧНЫЕ КРЫЛЬЯ...

Сборник стихов и прозы

Д.Ихиялов.

ЭТНОГЕНЕЗ И ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ КАВКАЗА.

И.Мошеев

БУХАРСКИЕ ЕВРЕИ

В МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

XIX-XXI ВЕКОВ.

КНИГИ, ГОТОВЯЩИЕСЯ К ВЫПУСКУ:

Литературно-публицистический альманах «МИРВОРИ» №7

Детский словарь горско-еврейского языка в картинках.

Альбом-каталог горско-еврейских художников.

Ширин Илья. Край роз на подоле Шахдага.

Ноберт Евдаев. Бакинские ритмы.

Издательский дом «МИРВОРИ»

**Издание книг, брошюр, буклетов,
каталогов, календарей.
Компьютерный набор,
корректурa, редактирование,
Художественный дизайн и графика
Консультации по всем вопросам
книгоиздания**

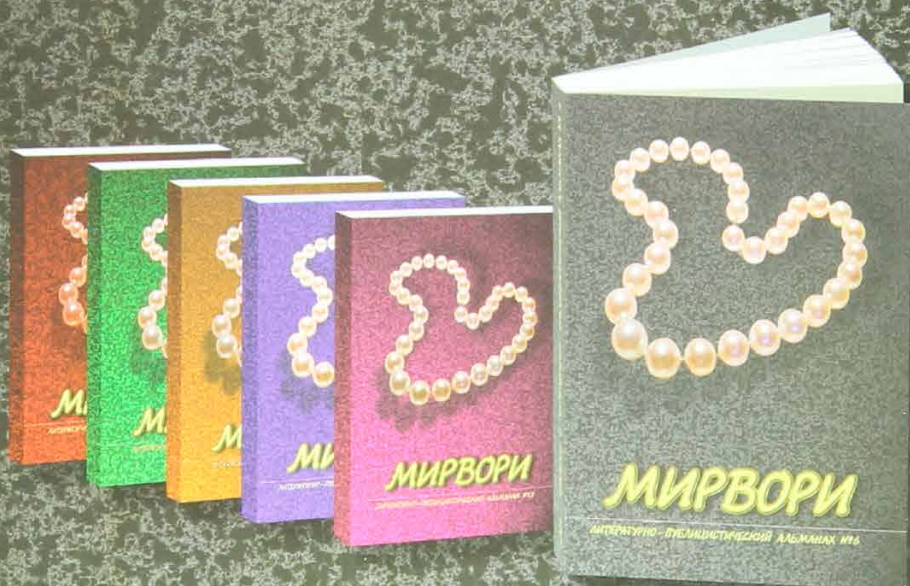
Мы пройдем с вами весь путь
от рукописи до выхода книги из типографии

«МИРВОРИ» - ВАША КНИГА В НАДЕЖНЫХ РУКАХ!

Адрес редакции: Нетания, ул.Бренер 10.
Адрес для писем: P.O.B. 359, Netanya, 42441
Телефоны: 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822
Электронная почта: mirvori@mail.ru

Альманах «Мирвори» выходит в свет с июля 2006 года. За это время он приобрел достаточную известность и популярность. Каждый очередной выпуск альманаха вызывает широкий читательский отклик не только в Израиле, но и в России, Азербайджане, Германии, Канаде и США. Данный альманах представляет интерес для широкого круга читателей, любящих современную литературу, и в особенности для тех, кто интересуется развитием культуры евреев, выходцев с Кавказа.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МИРВОРИ

ISSN 1565-8228

Израиль, 2009